

Олег Северюхин
В лабиринтах темного мира

Похождения полковника Северцева в трех томах



Олег Васильевич Северюхин
В лабиринтах темного мира.
Похождения полковника
Северцева в трех томах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053579

ISBN 9785447490980

Аннотация

Отставной полковник Северцев в детстве в середине 50-х годов был членом детской разведывательно-диверсионной группы и выполнял спецзадание за границей. В настоящее время работает частным детективом. Во время расследования убийств в гостинице он находит временной портал и попадает в древний мир, выживая в Риме, на Руси и на планете Тарбаган. После возвращения домой он неожиданно оказывается в центре президентской гонки в России в качестве основного кандидата.

Содержание

Том первый	6
Пролог номер 1	6
Пролог номер 2	10
Пролог номер 3	12
Деликатное поручение	19
Отель «Лиссабон»	24
Треугольная комната	30
Психиатрическая клиника	34
В гостях у Брежнева	38
Допрос	44
Первое появление окна	49
Обратная заброска	55
Рассуждения на месте преступления	60
Западня для агента	66
Рассказ агента, часть 1	69
Рассказ агента, часть 2	71
Молодой Шекспир из СССР	74
Пытки людей	78
Поиск окна	83
Рим	89
Толик	95
Брут	101
Гимн 9 легиона	107

Галльские яйца	114
Коммерция	120
Депутат	126
Римские философствования	132
Октавий Май Брут и Нерон	138
Две Талии	145
Под колпаком	151
Хадж в Иерусалим	155
Апостол Пётр	161
Беседа с Петром	166
Глас Божий	173
Типографская Библия	178
Попытка спасения Петра	183
Арест Петра	188
Марк Юлий Хромый	193
Последняя встреча с Петром	197
Открытие окна	201
Великокняжеская кухня	204
Симеон	209
Дарья	213
Вакансия	218
Конец ознакомительного фрагмента.	223

В лабиринтах темного мира
Похождения полковника
Северцева в трех томах
Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2016

© Олег Васильевич Северюхин, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-9098-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том первый

Пролог номер 1

Утро на космической станции ничем не отличалось от миллионов таких же утренних часов, каких было очень много и которые требовали пробуждения и начала рабочего цикла. Но, похоже, что работы подходят к концу и нужно возвращаться домой.

В каюте раздался механический голос, настроенный на приятный тембр, который приглашал на производственное совещание в кают-компанию.

Сборы в кают-компании были очень редкими, хотя поначалу все встречались там, завтракали, обедали, ужинали, проводили часы досуга, но потом все стали отдаляться друг от друга и жить своей жизнью, так как долгое нахождение людей в компании начинает раздражать, а, порой, и приводить к неизбежным конфликтам. Каким бы толерантным ни был человек, но наступает момент, когда внутренний зверь начинает вырываться наружу и искать соперника, с которым он бы мог схватиться если не наравне, то с большой уверенностью в победе. Зато в собственной каюте, а затем и на своём месте в лаборатории этот зверь успокаивался и удовлетворенно мурлыкал, когда случалось сделать открытие или

точно исполнить заданные работы.

Экипаж станции был небольшим – всего пятнадцать человек, но все они были специалистами высшей квалификации, которым по разным причинам не нашлось места в спиральной галактике S во время активного звездообразования.

Никто не знал, в каком месте будет образовываться новая звезда, и какие планеты пойдут на её создание. Все жили в осознании неминуемой смерти, но, когда она произойдет, никто не знал. Возможно, это даже очень хорошо быть в неведении, потому что если знаешь, когда тебе придет конец, то тогда и жить неинтересно, особенно когда все остальные люди могут жить по тысяче и более галактических лет.

Процесс звездообразования стихийен и ни один процесс не был похож на другой. Поэтому Высший галактический совет озаботился подготовкой баз, то есть планет, пригодных для жизни и относительно обжитых для появления переселенцев, а аборигены должны быть относительно развитыми, чтобы попасть в услужение галактикам.

Работа по оживлению долгая и монотонная и выполнение ее может сравниться то ли с вечным изгнанием, то ли со смертной казнью, которую очень давно отменили и заменили работами на отдаленных участках, откуда люди никогда не возвращались.

– Итак, господа, – обратился ко всем капитан Зевс, – работы закончены. Планета имеет атмосферу, животный мир приведен в соответствие с требованиями безопасности

и аборигены стали развиваться из земноводных в прямоходящих. Портал размещен в недоступном месте и всем нам разрешено вернуться на S. Но, – прервал он общие аплодисменты, – одному члену экипажа придется остаться здесь в готовности принять на планете первых переселенцев. Добровольцу гарантируется полное бессмертие и обладание высшими силами Зла и Добра. Итак, кто готов сохранить результаты трудов наших?

Зловещая тишина повисла над кают-компанией и радостное известие о возвращении домой сменилось напряженным ожиданием выбора, который мог пасть на любого из них, за исключением капитана и сотрудников навигационно-двигательной службы. То есть, кто-то из семи исследователей должен остаться на планете.

Добровольцы сидели молча. Они и так не надеялись на возвращение домой, а тут такая радость и неприятная процедура выбора. Если бы кого-то просто наградили силами Добра и Зла и дали бессмертие, то каждый бы вставал и с горячностью доказывал, что только именно он достоин такой награды. А с этой наградой нужно оставаться здесь, и каждый стал доказывать, что именно он не может принять эту награду. Причем всё делалось так убежденно, что капитан Зевс начал испытывать чувство неловкости от того, что именно ему придется делать выбор из членов своей команды.

Последним встал старший дезинсектор Велле.

– Приношу свои извинения, капитан, – сказал он, – но я

не могу привести убедительных доводов, почему я должен лететь домой вместе со всеми. У всех такие убедительные обстоятельства, что я совершил бы зло, оставив кого-то из них на этой планете. Вероятно, мне придется остаться здесь, – и он сел на свое место.

Вздых облегчения пронесся по всей кают-компании.

– Велле сам виноват, – думали все, – мог бы и отказаться, пусть капитан делает выбор.

Улетающие нисколько не сочувствовали дезинсектору. Он уничтожил динозавров и саблезубых животных. Планета безопасная. Он становится практическим царем и это ненадолго, скоро через пространственный портал будут прибывать первые поселенцы.

Обретший былую уверенность капитан встал и торжественно произнес:

– Старший дезинсектор Велле! Властью, данной мне Галактическим Советом, нарекаю вас Князем невидимой части мира по имени Вельзевул. До прибытия Совета вы являетесь полновластным хозяином вселенной вокруг здешнего солнца. Прощайте, наш друг!

Вставшая команда громом аплодисментов приветствовала остающегося князя.

Пролог номер 2

Три святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст собрались в скиту старческом и беседы вели о вопросах самых важных, а отроки, грамоте обученные, вели записи для памяти потомков и руководства народа русского в жизни дальнейшей.

Думали отцы над вопросами главными, без решения которых невозможно определить порядок и послушание во всех землях. А именно.

Которая церковь над церквами матери?

Таковой является соборная церковь св. Софии в Константинополе, по образцу которой строились церкви во всех главных городах русских и церковь иерусалимская Воскресения Господня на Голгофе, где полагается и «Пуп Земли».

Который у нас камень камням отец?

Это камень Алатырь – алтарный камень Сионской церкви, на котором впервые принесена бескровная жертва. Народ называет его Латырь или бел-горюч камень, располагающийся в Центре Мира посреди моря-океана на острове Буяне. На нём стоит мировое дерево или трон мирового царствования. Из-под камня по всему миру растекаются целебные реки и охраняют его мудрая змея Гарафена и птица Гагана. Кит-рыба, на которой земля держится, водится в Ильмень-озере, являющемся матерью всех озёр и из которого

вытекает Иордань – всем рекам мати.

Который зверь всем зверям отец?

Это индрик-зверь – фигура, сложенная из сухопутного зверя-единорога и зверя водяного, связанного с греческой гидрой.

Которая птица всем птицам мати?

Это птица Феникс.

Которое царство выше над всеми?

Самое высшее царство – это Царствие Божие. Самое низшее это Царствие Небожие. И оба по силе своей равны, иначе на земле не уживались бы Добро и Зло рядом, и неизвестно, кода Добро идет во Зло, а кода Зло делает Добро.

Все это записано было в Голубиную книгу, которую постепенно запретили, так как в книге объединились христианские и языческие мотивы.

А затем один из вопросников обращается к Давиду с просьбой растолковать его сон: он видел, как бились два зайца, белый и серый. Белый после битвы пошёл под небеса, а серый – по сырой земле. Давид толкует, что белый заяц – Правда, а серый – Кривда; Правда пошла на небеса, а Кривда осталась на земле. И в летописях пишется, что «у наместников, у тиунов их и дяков правда и крестное целование взлетели на небо, а Кривда начала между ними ходить». Вот и разбирайтесь, люди, где правда, а где Кривда и кому она благоволит, а кого неволит.

Пролог номер 3

– Что вы суетесь ко мне со своими бабками и дедками? – кричал главный распорядитель работ. – Я не верю в ваши рассказы. Вот результаты геофизической разведки. Выбранная нами местность имеет скалистую структуру и идеально подходит для строительства многоэтажного здания. А что предлагают ваши старички? Низину, в которую будет скапливаться вода и превращать прилегающую местность в болото?

– Николай Николаевич, да у них тысячелетний опыт подбора мест для расположения деревень, сел, городов и мест битв. И ни разу они не ошиблись с выбором, – сказал прораб.

– Эти старички выбирали места битв? – захохотал главный строитель.

– Ну, не эти конкретно, а их кровные родственники – деды, отцы, бабки и прабабки, – сказал прораб.

– Ну, вот что, бабки-прабабки, – сказал главный, – нехер мне лапшу на уши вешать, иди и готовь нулевой цикл.

– Я-то готов, Николай Николаевич, – сказал прораб, – да только давай мне письменное распоряжение о месте производства работ, потому что когда небоскреб съедет с этого валуна, то пусть инвесторы с тебя спрашивают за все последствия, а я человек подневольный, что мне скажут, то и делаю. А бабки и дедки говорят, что это горюч-камень. Нет у нас

здесь гор. И никогда не было. И моря поблизости нет, чтобы оно вот так обломок скалы закруглило. Люди в этом месте не селились и даже лес здесь не рос. Как была плешина, так и осталась. Не к добру все это.

– Будет тебе бумага, – сказал главный строитель, – иди и работай, у инвесторов денег немеряно и на расходы они не поскупят.

– Смотри сам, – махнул рукой прораб, – низина на предлагаемом нами месте небольшая и будет уравнена с местностью вынутым под фундамент грунтом. Для начала работы много ума не надо, на переделку больше времени и средств уйдет.

Главный строитель понимал правоту прораба. У него самого было какое-то подспудное неприятие этого места, но решение инвесторами было принято. Очень им понравилась каменистое плато для строительства объекта века. Район никогда не был сейсмическим, есть болота, но и они не близко отсюда, зато тянутся до самого Петербурга. Вода в этих болотах чистая и они являются огромным резервуаром, питающим всю водную систему Центральной части России.

Если верить всем предсказаниям, то можно уже сегодня ложиться в гроб, складывать на груди руки и ждать светопреставления, которое случится в 2012 году. А горюч-камень, если верить легендам, это связующее звено между человеком и богами. Вот пусть они и помогают строительству.

И вообще, нашему народу очень интересно узнать, что же будет с нами через миллион или через тысячу ближайших лет. Вряд ли что-то изменится кардинально, но что-то, конечно, будет. Будет развитие техники. А закономерность проста, чем сильнее развивается техника, тем слабее и неприспособленней к жизни становится современный человек.

Раньше человек был добытчиком. Ловил рыбу, охотился на съедобных животных, ходил на дальние расстояния, делал заготовки, воевал, защищался от сильных соседей и сам грабил более слабых. Слабые не выживали. А вот женская слабость была силой.

Что может сделать технический человек против вооруженного дикаря? Да почти ничего, если нет огнестрельного или другого оружия. Стрельнул из помпового ружья или из самозарядной винтовки и нет опасности.

Закладка суперсовременного отеля прошла с помпой. Были высокопоставленные чиновники федерального и губернского уровней, артисты за хороший гонорар, художественная самодеятельность, телевизионщики и корреспондентская братия, делающая пометки в своих блокнотах и что-то записывающая на портативные диктофоны.

Заслуженная актриса взяла в руки привязанную к веревке бутылку шампанского и запустила ее в лопату бульдозера. Веревка была привязана к стреле подъемного крана. Как-то получилось так, что бутылка пролетела над лопатой и попала

в лобовое стекло трактора «Катерпиллер».

– На счастье, – дружно сказали все и заплодировали, когда на помощь актрисе пришел федеральный чиновник, направив бутылку в нужном направлении.

Кто-то постарался и на казенные деньги купил бутылку дорогого красного «Цимлянского» шампанского. Бутылка с хлопком разбилась и по лопате бульдозера поползла красная пузырящаяся масса, как в забойном цехе мясокомбината.

Присутствовавший на освящении стройки священник сплюнул в сторону и торопливо троекратно перекрестился.

– Свят, свят, свят, – говорила какая-то старушка в задних рядах. Она вместе со старожилами этих мест по заявке местных предпринимателей ножками исходила местность, проверяла лозой и нашла самое удобное место для строительства, но ее предложение не приняли. – Теперь жди настоящей крови, – сказала она.

– Вот ведь обмылки жизни, – усмехнулся подошедший позже корреспондент, – если бы слушали таких типов, то и сегодня бы сидели у лучины и писали куриным пером.

Бульдозер снял символический слой земли на участке примерно в десять квадратных метров, а фундамент решили вырыть самым современным способом – взрывным – поднять массу земли и аккуратно положить ее на края огромной ямы. Взрывные заряды были заблаговременно уложены и ждали команды, чтобы взрывник крутанул ручку генерато-

ра и нажал на кнопку разряда конденсатора подрывной машинки.

Все отошли на почтительное расстояние и театрально зажали уши, чтобы не быть оглушенными взрывами.

Взрыв был негромким, но всех тряхнуло основательно. Затем как бы нехотя земля приподнялась и раздвинулась в разные стороны, вырыв котлован в считанные секунды.

Все подошли к яме и тут раздался взрыв одного не сработавшего заряда. Взрыв был громкий и трескучий, вырвавший из земли множество каменных осколков, запустив их веером в разные стороны и вверх.

Убитых не было, но несколько человек получили легкие осколочные ранение.

– Вот вам и первая кровь, – сказала древняя бабка и пошла в сторону от строительства.

Никто и не обратил на нее внимания.

Торжество закладки объекта было испорчено. Порванная одежда, грязь, царапины и ушибы от каменных осколков, падающих со всех сторон. Элита исчезла быстро, оставив строителей наедине со своим объектом.

Строительство отеля не было гладким. То падали краны, то обрывались тросы, то люди падали со строительных лесов. Особенно много травм было при работе в ночную смену. Создавалось впечатление, что кто-то специально тормозит строительство и делает всё, чтобы объект не был сдан. Но объект достроили.

Отель «Lissabon» стал самым красивым и высоким зданием в городе. Все дорогие иностранные гости останавливались только там. Свадьбы и торжества состоятельных людей проводились во многих банкетных залах отеля, принося немалый доход его владельцам.

Владельца отеля неоднократно спрашивали, почему название отеля именно «Лиссабон», какое отношение имеет это название к построенному гостиничному комплексу. Все оказалось очень просто.

– В армии наш взводный всегда материл нас этим словом – «Лиссабон вашу мать». Вот и я дал отелю это название, чтобы сказать всем – «Лиссабон вашу мать».

Как и всякое грандиозное сооружение, отель имеет свои тайны, легенды и даже привидения. Как же без них? Если их нет, то чего простому миллионеру или миллиардеру там делать? Для чего он будет раскошелиться, если нечем нервишки потрепать и получить настоящую и полноценную порцию адреналина?

Агенты по пиару неплохо потрудились над созданием имиджа главной городской гостиницы. Немало денег было потрачено на то, чтобы каждый человек с уважением и некоторым трепетом смотрел на это здание и на проживающих там жильцов.

Разведки всего мира устремились в номера отеля, заглядывая в каждую постель, принимаясь к простыням и проводя инфракрасную видео и кино съемку сюжетов, которые

и до сих пор лежат в потайных отделениях негоряемых сейфов центральных разведывательных управлений.

Отель был облюбован и криминалом, который первым обратил внимание на странные вещи, происходящие там. Какая там организованная преступность, если неизвестно кто делает с братками все, что угодно и никто не может найти на него управу.

Деликатное поручение

Сразу после Дня защиты детей меня пригласили к топ-менеджеру, то есть к главному руководителю и совладельцу самого крупного в городе банка. По идее, он давно должен был загорать где-то в Испании на собственной вилле или в другом месте, где у него имеется недвижимость. Те, кто соскребают проценты с наших денег на вкладах, предпочитают иметь убежища от тех, кто может спросить их:

– Чего ж ты жируешь на наши деньги, а страна становится нищей?

Вызов этот был для меня в диковинку. С банками я дел не имел. Есть у меня пенсионный вклад в Сбербанке и там денег столько, что хватит съездить на недельку в Турцию одному и то в один конец.

В банке меня уже ждали и сразу провели к директору.

– Андрей Васильевич, – директор встретил меня как старого знакомого, с которым давно не виделся. – Как поживаете?

– Спасибо, – сказал я, – чем обязан?

Не люблю я эти восточные премудрости с выяснением здоровья всех моих баранов поименно, пересчитыванием ложек в выдвижном ящике кухонного стола и непременно кофе-чаепитием. Хотя, кофе и чаепитие – это неплохая процедура, особенно если человек с дороги или с момента зав-

трака прошло уже немало времени.

– Андрей Васильевич, – начал директор, – позвольте один маленький вопросик. Почему все называют вас Андре? У вас есть французские корни?

– Никаких французских корней, – улыбнулся я, – простой рационализм друзей, легче сказать Андре, нежели Андрей. Разница в одну букву, а все же экономия. Как у американцев, вещь стоит не сто долларов, а девяносто девять и девяносто девять центов. На один цент ничего не купишь, зато в целом складывается кругленькая сумма экономии. Кстати, по этому поводу анекдот. Приходит мужик в ресторан и заказывает девяносто девять стаканов чая.

– Девяносто девять, – удивился банкир, – а почему не сто?

– Что я лошадь, что ли? – ответил посетитель.

Я непринужденно балагурил, лихорадочно соображая, в какую сторону повернется разговор, настораживающий тем, что возле больших денег постоянно вьется темная сила, как паук засасывающая в свои сети всех, кто пролетает мимо них. Пикантность ситуации придавало и то, что уважаемый банкир имел довольно темное прошлое, которое никуда не делось за блеском современного дизайна его кабинета и всего банка.

– Ха-ха, – рассмеялся банкир моему анекдоту и сразу перешел к делу. – Андрей Васильевич, у меня к вам конфиденциальное дело. Я даже не знаю, как начать разговор, потому что кое-кто уже пытался говорить с вами, но получил

довольно острый отлуп и на его хвост сели некоторые бывшие ваши коллеги. Все-таки, корпоративность – это большая сила.

– Корпоративность корпоративностью, – согласился я, – но и меры предосторожности бывают нелишними, особенно в отношениях с теми, кто живет не по государственным законам.

– Не скажите, – засмеялся банкир, шутливо помахав указательным пальцем.

– Если считать законной жизнь по статье в условиях режимного объекта, то это не есть сознательное исполнение законов, – отпарировал я.

– Но я хочу предложить вам дело, которое будет подчиняться только вашим законам, – сказал банкир.

– Что значит – моим законам? – не понял я.

– А это значит, – сказал мой собеседник, – что никто вам не будет связывать руки и ноги и все, что вы сделаете, будет неподсудно и ненаказуемо со стороны законов дня и со стороны законов ночи. И эксзаконность гарантируется обеими сторонами.

Я задумался. Судя по всему, мне предоставляется карт-бланш во всех делах, как и агенту 007 на службе Её Величества. И все это должно быть шито-крыто. Я прошел полный курс коммунистического оболванивания – октябрята, пионеры, комсомольцы, члены партии – и, по идее, должен быть способен на всё от сдачи палачам своих родите-

лей и приведения в исполнение приговора коммунистической партии своему лучшему другу. Но среди двадцати миллионов советских коммунистов встречались и нормальные люди, а остальные продолжают служить режиму, прикидываясь демократами. И этот банкир тоже не был исключением из правил.

– На заказное убийство подписываться не буду, – твердо сказал я, поднимаясь и заканчивая беседу. – Шутники вы, однако, господа миллионеры, очкарика в киллеры...

Банкир схватил меня за рукав и быстро заговорил:

– Никаких убийств, Андрей Васильевич, нам нужен грамотный и умный человек, имеющий опыт проведения расследований. Причем таких расследований, о которых никто не должен знать. Речь идет об отеле «Lissabon». Мы стоим на грани войны между правоохранительными органами и криминальным миром. И победы в этой войне не будет, потому что, знаете ли, всё в жизни так переплелось, как в гражданскую войну и не понятно, кто у нас красные, а кто белые, кто ночной дозор, а кто дневной. Вот нам и нужен человек, как бы нейтральный от всех и способный поставить точки над «і».

– Что-то вы все вокруг да около, давайте к делу, – предложил я. – Если я задаю дополнительные вопросы, то, в принципе, я как бы даю согласие на ваше предложение.

– Интересно вы облачаете свое согласие, – сказал серьезно банкир и продолжил, – в отеле творятся страшные вещи.

Пропадают и гибнут постояльцы. Много изувеченных людей. Оставшиеся в живых повернулись рассудком и несут такую чушь, которую не могут квалифицировать врачи психиатрических клиник. Помогите нам разобраться с этим. Мы гарантируем вам солидное вознаграждение. Все расходы будут оплачиваться немедленно. И скажите, какая вам нужна помощь?

– В милиции эти преступления зафиксированы? – спросил я, потому что никаких официальных сообщений о преступлениях в отеле не было.

– Какая регистрация, – ухмыльнулся мой наниматель, – будут они портить показатели? Убитых сотрудников наградили и похоронили с почестями. Погиб на боевом посту, охраняя социалистическую законность. Тьфу, привычка, просто законность или капиталистическую законность, если хотите. И материалов расследований нет. У нас, кроме как по телевизору, никто лабораторных расследований не проводит. Всякие там генетические экспертизы это на уровне фантастики. Если по каждому происшествию анализы делать, то министерство внутренних дел через месяц вылетит в трубу вместе с государственным бюджетом.

– У меня к вам просьба, – сказал я. – С завтрашнего дня я поселюсь в гостинице и прошу прислать мне все имеющиеся материалы для ознакомления. Все равно, что-то нужно знать конкретное. Любые сведения мне будут важны.

На том мы и расстались.

Отель «Лиссабон»

Семье я ничего не объяснял. Сказал, что для дела мне нужно пожить в отеле. На связь буду выходить сам. И что всё оплачено.

– Не нравится мне эта халява, – сказала жена, – ты лучше будь там осторожнее и не лезь на рожон.

Утром я уже был постояльцем одноместного, но двухкомнатного номера на пятом этаже отеля «Lissabon».

Название отеля так и пишется латинскими буквами и читается не как «Лиссабон», а как «Лишабон». Все американизируемся. Скоро будем писать заявления с таким же текстом как генерал Ермолов: «Государь, произведите меня в немцы или в американцы». У нас даже доллары в ходу, как будто мы заштатный американский штат.

И последнее, чтобы не интриговать читателя своей личностью. Северцев, Андрей Васильевич. Андре. Я не следователь. Не юрист. Не милиционер и не бывший сотрудник ЦРУ. Просто моложаво выглядящий пенсионер. Служил в пограничных войсках, дослужился до полковника и ушел на пенсию в возрасте чуть за сорок лет. Зато человек любознательный и в непорядочности меня упрекнуть трудно, отчего ко мне иногда обращаются за помощью в вопросах частного сыска. Но только не по семейным делам. Я потом, при случае, расскажу вам, какие расследования у меня были.

Номер мне достался в экономическом поясе. Считается, что в высотных зданиях самые престижные номера чуть ли не на самом верху. Я так не считаю. Представьте, что что-то случилось. И что вы будете делать на самой верхотуре? Кричать или нестись бегом по задымленной лестнице вниз? Или надевать на себя парашют и прыгать с ним в окно, если вам удастся открыть его и найти в гардеробе ранец парашюта?

Сейчас пару слов об эксзаконности. Это я такой термин придумал как аналогию с термином экстерриториальность, то есть внеземельность и неподсудность местному суду по уголовным делам. Так и эксзаконность есть незаконность и неподсудность по существующим законам. И эта эксзаконность свела на нет моё инкогнито работы в отеле.

Для обеспечения моей безопасности и неподсудности пришлось собираться вместе криминальным авторитетам и представителям правоохранительных органов. Дико звучит? Еще как дико, но такова наша жизнь. Да и жизнь в благополучных странах мало чем отличается от нашей, просто там законы лучше работают и не делают разницы между властью имущими, криминальными авторитетами, правоохранителями и законопослушными гражданами.

Для меня была подготовлена обобщенная справка о происшествиях в отеле за последние десять лет. Обо всех происшествиях. Прямо скажу, цифры, впечатляющие по числу убийств, самоубийств, исчезновений людей, ограблений, пищевых отравлений, членовредительства, мошенничества

и психических заболеваний.

И надо сказать, что не все фиксировалось в службе безопасности отеля, чтобы не привлекать внимания полиции и прокуратуры.

Справка мне ничего не дала. Что может дать справка по статистике правонарушений в нашей стране? Только лишь оценку состояния нашего общества и эффективности работы органов, стоящих на страже закона. Больше ничего, хотя у каждого преступления есть место, время, фамилия, имя, отчество, возраст и обстоятельства.

К справке прилагались единый механический и электронный ключи к дверям всех помещений отеля как признак доверия и важности моего задания.

Два дня я ходил по этажам. Большею частью в позднее и ночное время, чтобы мне никто не мешал. Присматривался ко всему. Нюхал и ничего не нанюхал. Устал невероятно. Ходьба по коридору не менее трудна, чем ходьба по лечебному терренкуру где-нибудь в предгорьях курортных зон.

Особо меня удивило то, что я не мог прямо ходить по коридору. Меня все время сносило то в одну, то в другую сторону. Как будто полы в коридорах неровные. Причем на каждом этаже.

Тоже я заметил и в своем номере. Под ножки мебели подставлялись деревянные подпорки, чтобы выровнять мебель и придать ей устойчивость, но даже в кровати меня не покидало ощущение, что я лежу на неровной поверхности и,

в конце концов, где-то к утру свалюсь с нее.

Неровность я заметил еще и по уровню воды в моем стакане на столе. Сначала я не обратил на это внимание, но неровность поверхности заметна любому наблюдательному человеку.

Признаюсь, что я иногда балуюсь энергетическим маятником. Это миниатюрный строительный отвес – маленькая заостренная латунная гирька на тонкой нитке. Мне всегда смешно, когда этот маятник начинает самостоятельно качаться над рукой между большим и указательным пальцем, стоит только задать какой-то интересующий вопрос и, сказав, как должен качаться маятник при положительном или отрицательном ответе.

В гостинице маятник играл роль отвеса, который показал, что стены гостиницы наклонены, не так сильно, как у башни в итальянском городе Пиза, но достаточно заметно. Выйдя на улицу, я проверил свои наблюдения с помощью отвеса и констатировал, что отель наклоняется в одну сторону. Если так пойдет, то в какой-то момент здание может рухнуть, уничтожив как постояльцев, так и жителей близлежащих домов.

По результатам своих наблюдений я встретился с главным инженером гостиничного комплекса.

– Что вы, что вы, – замахал он руками в ответ на мои предположения. – Гостиница стоит на монолите. Никакое землетрясение ее не шелохнет. А стены, они иногда имеют свой-

ство быть кривыми. Что сделать, если строители немного напортачили?

– Мне кажется, что вы принимаете меня за представителя контролирующих органов, – сказал я, – неужели вас не предупредили, что на мои вопросы нужно отвечать откровенно?

Главный инженер сидел молча.

– Я уже попытался довести свою озабоченность этим до инвесторов, – сказал он, – но меня никто не хочет слушать. По моим подсчетам, с момента сдачи в эксплуатацию отклонение верхней точки от оси составило около пятидесяти сантиметров. Но нет никаких повреждений и деформаций фундамента и коммуникаций. Выходит, что двигается скалистая масса, на которой стоит здание. Как она поведет себя дальше, непонятно. Похоже, что мы стоим на шаре и при достижении критического угла можем упасть вместе с шаром. А каким будет критический угол, невозможно даже представить.

– А как работает лифтовое хозяйство? – спросил я.

– Пока нормально, – сказал главный инженер, – но есть повышенная электромагнитная напряженность.

– И в чем это проявляется? – поинтересовался я.

– Пока ничего страшного, – сообщил он, – у нас самый быстрый интернет, более яркое свечение ламп при нормальном потреблении электроэнергии и что самое удивительное, здесь заводятся автомобили, у которых в других местах «нет искры».

– А ваши работники не замечали странностей в гостинице и в подсобных помещениях? – задал я самый интересующий меня вопрос.

– Как вам сказать, – замялся мой собеседник, – у нас каждый встречается с какими-то странностями. В слесарке такого можно наслушаться, что уши завянут. Но это все рабочие байки, потому что такого в принципе быть не может или может быть, но только по пьянке.

Треугольная комната

– Так что это за пьяные байки? – спросил я.

– Да, – инженер снисходительно махнул рукой, – сантехник Никифоров с похмелья то ли подрался с кем, то ли стукнулся обо что-то, получил фонарь под глаз и начал заговариваться. Говорит, что был в дикарском племени, которое не знает даже огня. Когда он прикурил от спички и зажег им костер, то они сделали его своим вождем. Его, конечно, подняли на смех. Никифорова это крепко задело. Он стал в деталях описывать то, что можно увидеть только в краеведческом музее. Жена написала на него заявление, когда он сказал, что переспал со здоровенной дикаркой, которая намного сексуальнее жены. Ну, та и обиделась. А в психушке ему тоже не поверили, а он кричит дико, когда ему не верят, ну и поместили его к буйным больным.

– Он единственный из ваших работников, кто попал туда? – задал я очередной вопрос.

– Не первый, – как-то неуверенно сказал главный инженер. – На моей памяти человек пять увезли и все с белой горячкой, богов видели, а один так с Брежневым водку пил.

Было бы неплохо потравить байки вместе со слесарями, но это все равно, что объявить о моем специальном задании в отеле. А если знает один, то завтра будут знать все, а послезавтра об этом заговорит весь город, а там и весь мир узнает

о тайнах отеля «Lissabon».

Справки о совершенных убийствах были достойны пера автора ужастиков про маньяков и про бензопилы под номером два и три.

Практически все трупы были ужасно изуродованы. Патологоанатомы дают только описание нанесенных повреждений, а уж следователь или читатель сами должны догадываться, как и что было.

Честно говоря, людям с неуравновешенной психикой или расстроенными нервами лучше не читать мои записки о путешествиях по отелю «Lissabon».

Каждый день приносил что-то новое и неожиданное.

Также неожиданно я столкнулся с дамой, выходявшей из треугольной комнаты, и от ее крика чуть сам не закричал, но вовремя спохватился, закрыл ей рукой рот и снова втолкнул в ту комнату, из которой она выходила.

Меня тоже удивило, что комната треугольная, но я быстро представил себе конфигурацию гостиницы в виде не полностью открытой книги и успокоился. Таких треугольных и параллелепипедных помещений должно быть немало и все они входят в категорию подсобных. А нечистая сила как раз и любит такие аномалии.

– Ты кто такая? – строго спросил я и удивился ее молчанию, видя перед собой осмысленные глаза.

Она что-то замычала, и я понял, что еще не убрал свою руку с ее рта и круглой попки.

– Я начальник отдела персонала гостиницы, а вы кто? – начал вопрошать освободившийся рот женщины.

Она производила хорошее впечатление своим телосложением, строгим костюмом, подчеркивающим фигуру, и использованием губной помады, не оставившей красного следа на моей руке.

– А я ваш постоялец, – сказал я спокойно. – Вы так напугали меня, что я хотел спрятаться где-нибудь от опасности.

– И утащили с собой меня? – насмешливо спросила она.

– Не мог же оставить вас одну, – поддержал я предложенный тон, переводя разговор во фривольное русло. – А что, ваши сотрудники часто встречаются с привидениями в коридорах отеля?

– Частенько, – улыбнулась она, – и привидения, как правило, подшофе, с бутылкой шампанского и коробкой конфет в руках. Иногда и пристают к горничным, – она посмотрела на меня, прищурив один глаз.

– А к начальнику отдела персонала тоже пристают? – спросил я.

– Да они, пожалуй, пристают к любому шевелящемуся существу женского пола, – усмехнулась женщина.

– А нельзя ли об этом поговорить за чашкой кофе у меня в номере? – предложил я. – Я человек характера смиренного, собираюсь писать большой роман о привидениях, и ваша помощь была бы неоценимой.

– Без служебной надобности нам нельзя заходить в номера

постояльцев, – с явным сожалением сказала начальник отдела.

Я был перед выбором – прервать ли начинающуюся связь и не повредит ли мне это в моем расследовании? Взвесив все за и против, я пришел к выводу, что в речке с крокодилами купаться можно, соблюдая особую осторожность и не переходя установленных линий разграничения между дикой природой и цивилизованным миром.

– Не беспокойтесь, – успокоил я ее, – помощь в написании романа является делом общественным и в то же время служебным. Если хотите, то ваше руководство прикажет вам быть постоянно рядом со мной и оказывать во всем помощь.

– Даже так? – сказала начальник отдела. – Тогда пойдете пить кофе.

Психиатрическая клиника

Я не буду подробно описывать процесс моего близкого знакомства с Полиной. Это так зовут начальника отдела персонала отеля. По всем вопросам можно сказать только одно – класс!

Так уж мы, мужики, устроены – кобелиное в нас непоколебимо. То есть – непоколебимо. Мне не приходилось встречать таких представителей мужского пола, которые, идя под руку с шикарной дамой, не раздевали бы взглядом, идущую впереди или навстречу женщину, и не примеряли, какая постель будет подходящей в данном случае.

Даже люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, но мужской внешностью, не могут изжить у себя этого кобелиного свойства, какие бы таблетки они не пили и у каких психоаналитиков они не просиживали диваны. Даже женская одежда не убивает напрочь мужские гены.

Через Полину я могу выходить на любого представителя персонала гостиницы и выяснять то, что мне нужно.

По ее словам, некоторые горничные рассказывают, что иногда днем, но чаще ночью в глухих стенах как бы появляются проемы, закрытые то грубой материей, то дорогими занавесями.

Если заглянуть за занавеску, то можно увидеть либо незнакомое жилище или незнакомую местность и людей, ко-

которые там ходят. Никто из них не отважился переступить порог за занавесью.

– А как мужчины? – поинтересовался я.

– Один сантехник попробовал, – сказала Полина, – был там пару минут, но ему пришлось вызывать специализированную скорую помощь, потому что он начал говорить, что выпивал с генеральным секретарем компартии СССР Брежневым. Его, конечно, подняли на смех, а он в драку. Вот и сидит там, где положено.

– А вдруг он говорил правду? – спросил я.

– Андре, – укоризненно сказала Полина.

Я не стал развивать эту тему. Это всё равно, если верующему говорить, что Бога нет. Но в психоневрологический диспансер или лечебницу, в народе – дурку – придётся наведаться.

Проблем с пропуском не было. Был даже приватный звонок главврачу с просьбой обеспечить режим наибольшего благоприятствования.

– Ваша фамилия не Чехов? – ласково осведомился врач средних лет с чеховской бородкой и с таким редким нынче пенсне на носу. – Напишите о нас бред какого-нибудь сумасшедшего, а нам потом отдуваться и доказывать, что психи не мы.

– Не волнуйтесь доктор, – улыбнулся я, – о нормальных людях я ничего не буду писать. Меня интересует бред сумасшедших и этот же бред интересует подавляющее большин-

ство наших граждан. Чем бредовее информация или просто информационный посыл, тем больше людей, которые во всё это верят и даже хотят подражать тому, кто это изрекает.

– Интересно вы излагаете основные постулаты науки о психике, – улыбнулся главврач. – А вы знаете, что все люди шизофреники, только одни со знаком плюс, а другие – со знаком минус? И частенько бывает, что минусовые шизофреники более здоровы, чем плюсовые?

– Как это? – не понял я.

– Основными признаками шизофрении являются бредовые идеи и галлюцинации, – сказал человек в пенсне, – так вот частенько идеи и видения наших пациентов являются более здоровыми, чем идеи и видения тех, кому доверены самые важные посты в нашем государстве. А врачи – они марионетки в руках плюсовых шизофреников. Прикажут и плюсовика делаем минусовиком, а не то нас выведут в минус. Разве может нормальный человек послушаться того, кого народ облёк властью? Весь народ не может быть шизофреником! Так вот, батенька, всенародная шизофрения и есть самая опасная. Народ-шизофреник. Об этом даже думать опасно, а ведь более семидесяти лет большинство были ими. Или возьмите резонёрство. Люди много говорят, но ничего не делают.

– Стоп, доктор, – я сделал останавливающий жест рукой. – Мы с вами потихоньку от общих тем скатились к политике. У нас резонёров хоть пруд пруди. Любой человек, избирающийся на избираемую должность, по сути есть настоящий

резонёр. И исключений в этом нет. Другие ежедневно резонируют с экрана, а воз поныне там и становится ещё хуже. Мне кажется, что нормальный человек ко всем высказываниям должен относиться критически с точки зрения полезности их для общества.

– К этому я вас и подводил, чтобы вы не верили никому – ни больным, ни здоровым, ни докторам, ни чиновникам, ни политикам. У них, у каждого, в потаенном местечке мозга нарисованы либо плюс, либо минус. И ещё одно. Во время разговора будьте внимательны и делайте вид, что верите всему, что вам говорят. Если захочется смеяться, то подождите того момента, когда больной засмеется сам. С кого начнёте? С маньяка – постояльца гостиницы, убившего с особой жестокостью двух других постояльцев или со слесаря-сантехника, который водку пил с Брежневым?

– Давайте Брежнева, – сказал я, – из двух зол выбирают меньшее.

В гостях у Брежнева

Нашу поговорку – от сумы и от тюрьмы не зарекайся нужно дополнить еще одним местом – и от дурдома тоже.

Сколько весёлых анекдотов про сумасшедших, от которых люди смеются взахлёб, но, интересно, как они будут смеяться, когда встретятся с сумасшедшим наяву? Он непредсказуем, как обезьяна с гранатой без чеки и любое действие может спровоцировать агрессию или, наоборот, агрессия сменится умиротворением. Кто его знает? Хорошо смеётся тот, кто смеется крайним.

Мой товарищ рассказывал, как он в лейтенантские годы отвозил в лечебницу свихнувшегося солдата. Дело было зимой. Сдал он солдата в приёмное отделение и идёт в своей парадной шинели, а около лечебницы мужики в телогрейках снег лопатами очищают. Увидели его, остановились, а один здоровый верзила закричал:

– Ребята, к нам Юрий Гагарин приехал, давайте качать его, – и все толпой пошли к нему.

Приятель мой чуть ли не по пояс в снегу добежал до дверей, а они закрыты, он в них колотит, а те всё приближаются.

Вдруг дверь открылась, выглянула пожилая медсестра и говорит:

– Чо, касатик, испужался? Ты не бойсь, это шефы с соседнего завода снег у нас убирают.

Первым в отведенную для меня комнату пришел сантехник Никифоров. Ничего в его внешнем виде и в поведении не было странного. Человек как человек. Пришел, сел и молчит. И что здесь ненормального? Вы бы стали приставать с вопросами к тому, кто вас вызвал? Недолго бы приставали.

– Здравствуй, Никифоров, – говорю я ему, – я из органов. Решили досконально разобраться с твоим рассказом. Расскажи мне ещё раз и со всеми подробностями, я все запишу, а потом будем решать, что и как. Понял?

– Понял, – говорит слесарь, – я им говорил, что найдутся умные люди, которые меня выслушают. Знаете, как трудно среди дураков жить? Но я приспособился. Чуть что и по сопатке им. Я к ним не лезу, и они ко мне не лезут. Не буяню и никому ничего не доказываю. Себе хуже. Чем больше доказываешь, тем больше шансов, что тебя в смирительную рубашку закатают и уколов в разные места наширяют, а от них потом корёжит. Говорят, что так же гестаповцы подпольщиков кололи всякими аминазинами, их корёжит, а они антидот предлагают за данные, значит. И весь персонал у нас сплошь шарфюреры и шуцманы.

– Никифоров, ты не отвлекайся, – остановил я его, – давай, говори по делу, у меня время казённое, я тут с тобой ночи ночевать не буду.

– Понял, шеф, – сказал слесарь и начал свой рассказ. – Шла обычная смена. Был вызов – из крана каплет. Дел на две минуты, а тут партия в домино неоконченная. Ребята меня

ждут. Мотнулся я в номер и обратно. Иду по коридору и вижу – на стене кусок парусины висит и немного колышется. Представь себе, на шикарно отделанной стене с бронзовыми горизонтальными светильниками на стенах и парусина. Горничные ходят, пылинки сдувают, а тут кусок грязного брезента. Даже я внутренне возмутился. Подошел я к этому положу и хотел дернуть. Только оттянул его от стены и вижу, что под ним проход куда-то. Люди у нас все любопытные и я тоже такой. Глянул туда, а там лес и прямо около лица ветка еловая качается. Как у Буратины. На стене картина висит, а под картиной дверь в светлое будущее.

Очутился я, значит, в лесу. У нас лето, а тут зима. Снег под ногами, а я в легком комбинезончике.

– Дай, – думаю, – метров на двадцать пройду, чтобы выход не потерять.

Выхожу на поляну и вижу, что в меня мужик целится из ружья. И на ружье оптический прицел. Стал я руками махать, чтобы не стрелял он в меня. Он ружье опустил, а ко мне уже человек пять мордovorотов бегут.

– Ну, все, – думаю, – к мафиозникам попал. Сейчас возьмут и в асфальт закатают.

Развернулся я и побежал туда, откуда пришел. А никакой двери не найду. Куда ни побегу, всё лес и лес.

Когда мужики стали в меня из пистолетов стрелять, то я и остановился. Руки поднял. Мне сразу руки за спину, наручники надели, карманы обшарили, чемоданчик с инстру-

ментами отобрали и потащили к тому мужику в домик.

Домик, скажу тебе, что надо. Настоящий охотничий. В сенях колеса разные тележные лаком покрытые, бадейки какие-то, лапти на верёвочках висят. В горнице везде морды звериные на стенах висят. Стол деревянный, здоровый, человек двадцать можно посадить. У стены скамейка широкая, а с другой стороны – стулья самодельные. На столе все мои инструменты разложены. И меня перед столом на здоровенную табуретку посадили.

За столом сидит мужик пожилой в сером свитере. Вроде бы я его где-то и когда-то видел, а вот где видел, никак от испуга и вспомнить не могу. Волосы у мужика густые сединой и брови как шевелюра. Говорит басовито и как будто леденец за щекой держит:

– Ты кто такой?

– Никифоров, – говорю, – слесарь-сантехник, по вызову вот ходил...

– По чьему вызову? – хитро так спрашивает меня. – Ты на кого работаешь – на Сулова или Андропова?

– На Иванова работаю, – говорю я ему, – а из вашей кодлы я никого не знаю.

– Хорошо ты их обозвал, кодла она и есть кодла, – засмеялся мужик, – а кто такой Иванов?

– А это бригадир наш, – отвечаю.

– А он под кем ходит? – снова спрашивает мужик.

Понимаю, что организованную преступность мне шьют.

Сейчас мешок на голову будут надевать и дубинкой по почкам бить.

– Слесаря мы, господин хороший, – завопил я. – Мы сантехнику чиним и никакой заказухой не занимаемся. Знаем, что все этажи по бандам расписаны, а сами ни-ни. Даже не пьем на работе. Выпил – и премиальные тю-тю.

– Ну, и сколько вам на премию выписывают? – осведомился мужик.

– Да жмут все, – сказал я, – если по тысяче выпишут и, то хорошо.

– По тысяче чего? – спросил мужик.

– Рублей, – говорю я ему.

– Рублей? – закричал мужик. – Где ты видел, чтобы сантехники на премию в месяц получали тысячу рублей? Ты понимаешь, что ты говоришь? У сантехника зарплата максимум сто двадцать рублей, и премия рублей десять. Всего сто тридцать. Это только шпионы иностранные не знают, сколько в СССР сантехники получают.

Тут я удивился. Какой СССР? Он двадцать лет назад развалился.

Это я и сказал мужику. Он аж поперхнулся своим леденцом. Глаза закатил и задыхаться стал.

Охранник мне по уху съездил:

– Ты чего деду гадости говоришь? Случится что, я тебя порву как Тузик грелку. Понял, сука?

Я кивнул головой. Почему в бандах боевики все такие

кровожадные?

Допрос

Откуда-то прибежала врачиха в белом халате. Капель мужику накапала и давление измерила.

Мужик посидел немного, махнул рукой, отослал врачиху и чего-то пальцем показал.

Сразу прибежал официант с бутылкой и тарелками с едой. Перед мужиком поставили коньяк, рюмку. Он пальцем показал, чтобы рюмку убрали. Принесли большую стопку. Налили полную. Он выпил без закуски и у меня сразу слюна пошла от выпивки на столе рядышком со мной.

– Ну, рассказывай всё, – сказал мужик.

Ну, я и начал рассказывать про перестройку нашу, про демократию, едри её лять, про тандемы и про бандитов, которые преспокойно мочат людей, и никто их не трогает, пока они не обнаглеют сверх меры и, если об этом не узнают за границей.

Если так разобраться, то я мало чего знаю. У телевизора сутки напролет не сижую, западные голоса не слушаю, хватает того, что студент Лёшка во время перекура расскажет.

Я сам-то в девяностых ещё пацаном был. Тогда и слесаря тоже в политику шли. Сидят сейчас в профсоюзах, морды важные, через губу плюют. И куда плюют? А в нас и плюют, в рабочий класс.

Вот сижую я и говорю ему это, а он себе подливает да заку-

сывает, а я слюной захлебываюсь. Он, видать, тоже не из дворян, рукой махнул и мне рюмку водки поднесли и бутерброд с ветчиной. Кусок хлеба в палец толщиной и кусок мяса такой же толщины. И рюмка не наперсток, грамм на сто пятьдесят на малюсенькой ножке. Хлебанул я это залпом и сию, закусываю, а сам вспоминаю, где я этого дядьку вспомнил. И ведь вспомнил. Брежнев это, Владимир Ильич. То, что Ильич – это точно, а вот имя, возможно, и путаю. Брежнев одним словом, самым главным в стране был. А водка хорошая, лучше нашей. Точно хлебная, а не ректификат из всякой гадости.

– Ты, – говорит мужик, – в каком году родился?

– В восьмидесятом, – говорю.

А тут ему на подносе мой бейдж принесли. А там моя фотография, должность слесарь-сантехник и дата выдачи – мая семнадцатого две тысячи одиннадцатого года и печать гостиницы. Все честь по чести, чтобы люди от меня не шарахались, а знали, что я есть должностное лицо и к ним иду по причине технической неисправности умывальных и отхожих мест.

– Это какой год? – спрашивает мужик.

– 2011-й, – говорю я.

– А сюда как попал? – задает вопрос.

– А хрен его знает, – говорю ему честно, – смотрю, в стене дырка брезентом прикрытая, залез, значит, в дырку и сюда попал.

– Так, так, – говорит мужик, – это значит, если бы я стрельнул, то попал бы в наше будущее? А ты знаешь, мил человек, что по диалектическому материализму это невозможно. Не-воз-мож-но! – И он поднял большой палец вверх. – Так вот, ты – провокатор и подослан ко мне специально, чтобы сбить меня с панталыка и привести все к массовым репрессиям для того, чтобы в будущем не было того, о чём ты мне говорил.

Тут я и струхнул. Начнут пытаться, а я боли ух как боюсь. На прививку если идти, так меня трактором туда тащить надо. А если по морде будут бить не по драке, а просто так? И чего я им придумать могу, если я никого из ихней мафии не знаю, а по обществоведению в школе нам какую-то ересь преподавали?

– Ваше благородие, – говорю, – вот истинный крест, что всё вправду говорил. Пацаном я был, когда антиалкогольный закон ввели. Так мать говорила, что мужики в очередях за бутылкой смертным боем бились. И папашку моего в очереди за водкой задавили. Мамка меня воспитывала. И коммунистов во власти нет. Президенты с министрами лоб крестят и со свечками по праздникам в храмах стоят.

– А, ну-ка налейте ему по-русски, – командует мужик. Поднесли мне стакан водки с закуской.

А он все вопросы задаёт. Я ему, на что могу, отвечаю, а он все подливает, да спрашивает. На чем отключился, не помню. Как соображать начал, так слышу, что в комнате сидят

десятка два мужиков и этот им про меня говорит, а я притаился, как бы в отключке. И, представь себе, никакого сушняка и голова чистая. Вот что значит продукт качественный.

– Так, кто у нас тут наукой заведует, давай, Дмитрий Федорович, объясняй, – говорит басовитый голос.

– Леонид Ильич, – говорит другой. Точно вспомнил, мужика этого Леонид Ильич зовут. – Это невозможно. Нам его американцы подкинули. Они там все что-то кумекают насчет загробной жизни и всяких перемещений мыслей в астрале. Надо допросить его с пристрастием, ещё не то запоет.

– А ты что, сам забыл уже, как тебе в НКВД зубы выбивали и какие ты там песни пел? – спросил хозяин. – Я бы не вмешался, так ты бы самого товарища Сталина в агенты парагвайской разведки записал. Я его и так напоил вусмерть, а что у пьяного на языке, то у него по трезвянке и на уме. Так вот, у него одно и то же. Никакой шпион так не сможет после литра водки легенду свою на зубок знать. А кто у нас компьютеры вредными механизмами объявил? Где эта сука сейчас проживает? Вот ему зубы и посчитать надо. У этого мужика водка вызвала в памяти все, что он раньше где-то слышал. Я вам говорю – за державу обидно, за отставание наше полное и дурь несусветную. Так вот, с завтрашнего дня будем проводить реформы. И кто посмеет на пути встать, в лучшем случае с Никитой в домино во дворе играть будет. С меня люди в будущем спрашивать будут за качество своей жизни, а не с вас. Может, мне и начальника КГБ с мини-

стром внутренних дел сменить, пока вы все здесь? А то в будущем-то милиция вообще превратилась чёрт знает во что.

– Леонид Ильич, да когда мы вас подводили, – в один голос заговорили два человека, – да мы любую реформу обеспечим, пусть только кто-то рот попробует открыть.

– Ладно, успокойтесь, – сказал добродушно хозяин, – сейчас стол нам накроют в парадной зале, кабана готовят, что я тут недавно подстрелил, а мы с начальником КГБ потолкуем наедине.

Все ушли, а они вдвоем остались. И я неподвижно в кровати лежу.

– Так что, Владимир Ефимович, забирай этого молодца к себе, – говорит хозяин, – действуй осторожно, но подготовь своего человека и вместе с ним зашли в это будущее. Пусть он там выведает все, как положено. Парень должен быть грамотный. Найдите эту дыру и связь установите. Но только все в тайне, понял меня?

– Понял, Леонид Ильич, – сказал тот, – сделаем все в аккурате, комар носу не подточит.

Они ушли, а меня как куль унесли и положили в какую-то машину на диван. Понял я, что шевельнусь чуть-чуть, дам понять, что всё слышал, то и песенка моя может быть спета.

Первое появление окна

Я слушал и понимающе поддакивал головой. Людям с расстроенной психикой нужно «верить». Но и не верить этому субъекту нельзя. Спросите сейчас любого сантехника, кого из председателей КГБ звали Владимир Ефимович? Не то, что слесари-сантехники, вы сами не ответите это вопрос. А кто в политбюро был Дмитрием Федоровичем и имел отношение к науке? То-то и оно. Первым был Семичастный Владимир Ефимович, а вторым – Устинов Дмитрий Федорович, сначала министр оборонной промышленности, а потом министр обороны. Вот и думайте, как оценивать всё сказанное?

Конечно, человек с развитым чувством воображения может нафантазировать что угодно, и всё будет похожим, если он обладает фундаментальными знаниями о той эпохе. А кто у нас это знает? Единицы специалистов. Проходит время. Поколения забывают то, что было. Как это у Екклесиаста? Нет памяти о прошлом, суждено всему, что было полное забвенье и так же будет лишено воспоминаний ваше поколение.

Если людей не учить, то они забудут даже то, кто они такие. Язык свой забудут, будут говорить на смеси англо-франко-японского и нижегородского. Будут общаться только между собой, а потом вообще перейдут на мычание и объяс-

нения при помощи жестов.

Никифорову я дал время на отдых, чтобы он не устал и мысли его не стали наслаиваться друг на друга в виде каши, которую невозможно понять.

На следующий день нашу беседу мы продолжили.

– Я таблетки не пью, – заговорщически сообщил мой собеседник, – поэтому голова моя чистая и не затуманена никакой дрянью. Научился я шарфюреров обманывать.

Мне довелось со стороны посмотреть, как обращаются с пациентами, то есть с переменным составом клиник, и в какой-то мере слова его о сотрудниках и их аналогах в спецслужбах соответствовали истине.

– Хорошо, – сказал я, – а что с тобой делали в КГБ?

– Ну, сначала меня проверяли на аппарате – вру я или не вру, – сказал Никифоров. – В кино я видел этот аппарат. Там стрелка фиксирует, когда ты правду говоришь, а когда неправду. Когда человек говорит правду – он спокоен, а когда врет, то дергается, потеет, глазки в разные стороны бегают, сердце бьется. А у меня с похмелья и сердце билось сильно, и руки потели и на каждый вопрос я отвечал так, как будто говорю неправду. И в итоге получилось, что я говорю правду.

Приставили ко мне куратора, который все выспрашивал, как и где я живу, сколько получаю, кто мои друзья, одним словом, всю подноготную узнавал. А мне что скрывать? Мне скрывать нечего. Родину не продаю.

Пили и водку с ним. Смотрел, как закуску нарезаем, записывал, какие ругательства матом в ходу, какие образцы сантехники, как ремонтируются. Можно сказать, что я ученика учил.

Потом вместе осматривали местность в том районе, где я вышел на Брежнева с ружьем. Исколесили немало, а ничего не нашли. Да как же тут найдешь. Я вышел под Москвой, а жил и работал в Сибири. Ты сможешь так? То-то и оно. Нужно ехать в Сибирь.

В Сибири мы тоже ничего не нашли. Гостиницы еще не было. Зато видел тех, кто работал со мной. Они еще были молодыми и не узнавали меня. Да и я с ними не заговаривал, не хотел нарываться на неприятности.

Поехали снова в Подмосковье. Долго кумекали, как и что. Ученые приходили. Осматривали меня. Ходили вместе со мной по лесу. Рассматривали черту, которая была проведена по колышкам, отмечающим мои первые следы на снегу. Появился я из ниоткуда. Следовательно, около этих колышков и должен ждать, когда откроется дверь в мое время.

Я сам не знал, хочется ли мне возвращаться в свое время. Человек я холостой. Семейой обзаводиться – хлопот на шею добавлять. В моё время квартиру мне не купить, а за просто так никто ее не даст. А в то время, выстоял в очереди и получил квартиру. Живи, не хочу. Бензин двенадцать копеек за литр. Лимонад «Буратино» столько же за пол-литра. Литр молока двадцать четыре копейки. Кружка пива двадцать че-

тыре копейки. Колбаса «Докторская» два рубля сорок копеек. Водка «Московская» за два рубля восемьдесят семь копеек.

И тут я вспомнил, что я делал в гостинице, когда передо мной открылась эта дверь.

Вызвали меня в апартаменты. Вода в умывальнике протекает.

Жила в них одна мадама, жена какого-то миллионера, который скоро должен был туда приехать.

Ходила с постоянной охраной. Охранник в коридоре сидел по ночам. У меня еще чемоданчик посмотрел, нет ли оружия какого.

Вода из сифона капает тогда, когда прокладка порвется или крышка открутится.

А сама она открутиться не может. Кто-то ее открутил. Стал я работать. Проверил сифон, прокладку. Все исправно. А хозяйка рядом и в коротком пеньюаре. Стоит рядом и ногами голыми сверкает. Я глаза приподнял и обомлел. Стоит передо мной без трусов и подольчик повыше подтягивает. Ну, красные уши мои меня и выдали. Не от того, что я засмутился, а то, что внаклонку работал. А у нас с этим строго. С постояльцами ни-ни. С работы вышибут, а с такими крутыми – и жизни могут решить.

Я сифон закрутил, перчатки снял, а она мне в руки стакан с висками:

– Пей, давай, – и оливку зеленую в руках держит на закус-

ку.

Я отказываться, а она на меня матом:

– Пей, мать-перемать, а то охрану позову, кричать буду.

Куда деваться. Выпил, оливку в рот и сосу, а она пенью-ар-то вверх задрала, на ванную облокотилась и говорит:

– Давай!

– Чего давай? – спрашиваю, хотя чего тут спрашивать.

Прикоснись, а потом пришьют изнасилование постояльца и накрутят по полной.

– Чего давай? – переспрашивает меня мадама. – Мать-перемать, баба в стойле копытом бьет от нетерпения, а ты тут в философию ударился? Учить тебя, что ли надо?

Ну, учить меня не надо. Семь бед – один ответ. Мотовилом меня родители не обделили, ну и обработал я ее два раза и без вынима.

Поцеловала она меня крепко, деньги в карман сунула, сколько не знаю, потому что деятели эти все из карманов вынули и даже не сказали, сколько у меня денег было.

– Давай, – говорит дама, – иди и жди вызова, засор в ванне чистить будешь. Фамилия-то у тебя как?

Я назвал и ушёл. И вот, когда я шёл по коридору, так мне проход этот и открылся.

Рассказал я это все своему куратору. Он так подозрительно на меня посмотрел и ушёл.

Дня через два пришёл и принес пять бутылок разного виски.

– Дегустировать будешь, – сказал куратор, – выберешь то, которое пил тогда. Понял?

Чего тут непонятного? Наливай да пей. Самое похожее оказалось последнее – с белой лошадю. Говорят, самое дорогое, а мне наливать начали с самых дешевых сортов. От жадности они в пролете оказались. Все пять бутылок допивать будем.

Около колышек палатку поставили утеплённую и в десять вечера стали баб мне приводить. Каждый день. Когда это по обязанности делается, то никакого кайфа.

Обратная заброска

В пятницу у меня была огонь-девка. В жизни такой не видал. И что ты думаешь? Прямо с девки меня сорвал этот куратор и за собой потянул. Ночь была, а в ночи щелка светится. Мы туда и нырнули. Да как-то так получилось, что я упал, а парень через меня кувыркнулся.

Встал я на ноги и не вижу никакой двери, в которую мы вошли. И парня с собой рядом не вижу. Коридор знакомый. Пошел в слесарку, а там бригадир наш на меня напустился:

– Ты где, мать-перемать, шляешься? Да за четыре часа можно двадцать номеров обслужить. И что это за одежда у тебя? А где твой бейдж? А где чемодан с инструментами?

Я ему пытаюсь чего-то рассказать про дверь в стене, а он меня наркоманом обзывает, главного инженера вызвал, врача, я им говорю, а они мне не верят, а потом приехали ребята в белых халатах и привезли меня сюда.

Сам же понимаешь, чем больше доказываешь свою правоту, тем больше козырей у врачей, чтобы доказать, что ты сумасшедший.

– Да, – говорю им, – было временное помутнение, но все уже в прошлом.

– А где этот парень? – спросил я.

– А не знаю, – просто сказал Никифоров, – может, и он мне просто привиделся.

Мы замолчали. Я молчал, стараясь не провоцировать всплеск галлюцинаций больного. И Никифоров молчал, с любопытством глядя на меня и ожидая нового вопроса. Что-то внутреннее подсказывало мне, что собеседник мой совсем не шизофреник. Это человек, спрятавшийся в психушке и дожидаящийся своего часа, когда ему нужно будет выйти и принять участие в чем-то серьезном и важном. А вот в чем? Это вопрос.

Я гнал от себя эти мысли, понимая, что если я приму на веру все рассказанное мне, то и я стану потенциальным пациентом этой клиники. И мне нужен помощник в лице Никифорова, который, как мне понимается, не прочь стать двойным агентом.

Двойным агентом? Для того, чтобы им стать, нужно быть одинарным агентом. А что, мысль хотя и невероятная, но не лишена здравого смысла. Если он действительно был там, в брежневские времена, то он вряд ли не был привлечен к сотрудничеству органами КГБ. Поэтому, в отношениях с Никифоровым нужно исходить и из того, что Никифоров рассказывает кэжэбэшную легенду, прикрывая того человека, который пришёл вместе с ним.

Второе и не менее важное. А где этот человек? Как он не проявил себя в нашем обществе? Выходит, что он готовился к натурализации в нашем обществе, а у нас нет никаких данных о том, что пришёл человек не от мира сего, потому что таких людей половина страны, которая ностальги-

рует по прошлому и сама действительность является благодатной почвой для развития патриотических настроений нашего населения. А патриотизм губителен для нашей элиты.

Интересно получается. Как только начинаешь говорить об интересах России, так сразу становишься противником правящей элиты. Она тоже вроде бы за Россию, но государственные деньги вкладывает в Запад, в западную экономику и в западные ценности, оставляя страну нашу в полунищенском состоянии. Страна беззащитна перед всем западным миром и нет ни одной страны, которую можно было бы назвать нашим союзником. Промышленность кривобока, может делать устаревшие танки и самолеты, а все высокие технологии на западе. Сами себя прокормить не можем. Захочет Запад, и задавит нас, как кутят, а большинство населения ему в этом поможет.

Единственный выход – суверенизация регионов, обеспечение полной самостоятельности во всех вопросах. Я полностью уверен, что в большинстве регионов к власти придут патриотические элиты, заинтересованные в единстве России. Эти регионы объединятся между собой, выкинув из своего состава Москву и Питер, как коллаборационистские регионы.

Объединившиеся регионы потребуют свою долю ценностей, выведенные в иностранные банки, чтобы пустить их на развитие экономики. Это позволит в кратчайшие сроки создать сильное и суверенное государство с патриотическим

населением, с мнением которого будут считаться во всем мире.

Потом и Москва, и Петербург присоединятся к обновленному союзу как города союзного значения и только потому, что политический и финансовый центр будет размещен по центру союза.

К обновленному союзу примкнут и бывшие республики СССР, которые сегодня не являются значительными игроками на международной арене.

Кто-то думает, что это фантастика, но мне кажется, так же может думать и человек в конце двадцатого века, узнав, что делается на его Родине в будущем.

Стратегию страны у нас определяет не народ, а те, кто довался до власти и зубами вцепился в нее. У них главная задача не интересы страны, а удержание у власти. Когда человек думает об интересах родины, вопрос о власти отходит на последнее место. Не все ли равно, кто придет к власти демократическим путем в определенные конституцией страны сроки, так как он приходит для обеспечения наших национальных интересов.

Вот, чёрт, как о чем ни задумаешься, все время приходишь к выводу, что нарушение Конституции всегда губительно для государства. Не случайно началась новая эмиграция российских граждан, разуверившихся в том, что в России может наладиться путная жизнь. Предстоящие выборы будут таким же фарсом, какой начался с выборов 1996 года.

Политических игроков выбили, лидеров замолчали и остались в гордом одиночестве те люди, которым как бы нет альтернативы.

Помню, когда я учился в военном училище, то был у меня один приятель. Мы с ним начинали разговор о лучшем одеколоне после бритья, а заканчивали бандеровцами. Так и тут. О чем ни начни говорить, так сразу речь переходит о судьбе России. А что о ней можно сказать? За державу обидно, а вот есть окно в другой мир, есть ключ от этого окна и где-то этот ключ находится. Главное – у кого?

Задача, поставленная мне банкиром, начала проясняться, но мне кажется, что дело все больше начало запутываться. Кто-то отчаянно врет, и кто-то водит нас за нос, ухмыляясь тому, что мы ничего не знаем и не понимаем.

Рассуждения на месте преступления

Мне не давал покоя рассказ сантехника Никифорова. Он акцентировал мое внимание на том, что дверь открывается только после возлияния хорошим спиртным и обладания страстной девой. Но вот в каком сочетании или в пропорции составных частей «баба-вино» открывается дверь? Возможно, что это просто провокация или попытка скомпрометировать меня беспорядочными половыми связями и неумеренным потреблением спиртных напитков.

Судя по всему, год назад Никифоров находился в СССР периода до 1967 года примерно с месяц, а возвратился в тот же день через четыре часа. От чего это зависит?

Вопросы, вопросы, вопросы.

За период функционирования гостиницы в ней исчезло бесследно пятнадцать человек. В основном представители группировок, взявших ее под контроль, а ныне ставших акционерами отеля. Милицейского расследования по фактам их исчезновения не проводилось, потому что никто о происшествиях не заявлял.

За этот же период убито десять человек, из них четыре постояльца без криминального прошлого. Сначала люди исчезали, а потом вдруг появлялись в коридорах.

Я взялся за изучение справок на людей, убитых в гостинице.

Два человека были найдены в один день. У одного разрыв почек вином. Второй убит обоюдоострым широким колюще-режущим оружием, но удар нанесен странно – сверху под ключицу и прямо в сердце.

Оружие размером примерно семьдесят пять сантиметров длиной и шириной пять-шесть сантиметров. Ни дать, ни взять – римский Gladius (собственно говоря, термин гладиатор произошел от названия этого меча). Либо это сделал какой-то маньяк, либо – римский легионер. Но где этот маньяк прятал трупы, так как с момента убийства до находки трупа прошло примерно двое суток?

Третий – был повешен на дыбе и подвергнут пыткам огнем. Четвертый – с расплюснутыми конечностями. Пятый был посажен на кол. Шестой – заеден клопами до смерти. Седьмой – с раздробленным черепом. Восьмой – смерть от болевого шока при нанесении множественных внутренних ранений мочеиспускательному каналу. Девятый – оскотлен. Десятый – смерть от болевого шока при непосредственном воздействии на нервы.

Какой-то ужас, а не краткая справка местной службы безопасности, причем документа особой секретности, который у меня забрали сразу после краткого ознакомления.

Где людей могли так пытать в гостинице? Почему нигде не найдено никаких следов преступления? Как будто духи забирают их на расправу и возвращают снова, отомстив за преступления или прегрешения? А что, мысль эта имеет

право на существование. Но ведь и духи появляются не просто так, от нечего делать, должна быть какая-то причина или повод.

Трупы обнаружили в дни знаменательных дат. Одного в день судьбы первого-второго января. Того, которого заели насмерть клопы – в день образования органов ВЧК-КГБ двадцатого декабря. Других – в Перунов день в начале третьей декады июля и в вальпургиеву ночь в конце апреля.

Интересно. Вроде бы ничего не было, а как начинаешь смотреть со всех сторон, так сразу выскакивают чьи-то уши. Похоже, что именно в эти даты и открываются двери в тот мир. Может, еще какие-то даты есть, но с этим нужно разбираться. Не буду же я весь год жить в гостинице. У меня, слава Богу, и дом свой есть, и жена в нем, и кот на диване спит.

У главного инженера я взял строительные документы и переснял схему местности, на которой выстроен отель. Нужно будет проверить, что это за место и может ли оно оказывать влияние на возникающие здесь аномалии.

Скажу прямо, что я как-то равнодушно пролистнул бумажку, написанную от руки на листке из тетрадки в клеточку, где главный распорядитель приказывает главному прорабу начать работы, с подписью и датой. Зачем эта бумажка, когда в строительной фирме есть отдельные приказы о начале работ?

В областной научной библиотеке я взял материалы по нашему городу и установил, что участок, на котором постро-

ен отель «Lissabon» является бывшим кладбищем, на котором хоронили умерших каторжников, казненных варнаков, всяких ведьм и безвестных лиц. Последним похоронили, по его просьбе, бывшего начальника областного управления НКВД, снятого с должности после двадцатого съезда коммунистической партии и речи первого секретаря Хрущева о культе личности Сталина. И памятника над могилой чекиста не ставили.

Потом кладбище снесли, хотели там построить танцплощадку, но началась борьба со стилиягами и танцплощадку отменили. Хотели там базар построить, да колхозники за версту обходили это место, так и был здесь пустырь, в народе называемый просто – погост, пока землю не выкупили инвесторы и не построили там отель.

Так что, отель стоит на косточках окаянных и не удивительно, что здесь такая чертовщина происходит. И окна открываются не сами по себе, а по типу магнитного ключа только при приближении к ним избранных кем-то людей. Сочетание магнитиков сошлось, и замок открылся. Главный фигурант по этому делу – слесарь Никифоров.

Появилась у него одна странность после возвращения оттуда. Стал читать газеты и передачи на политические темы смотреть. Это у него тоже записано как ненормальность поведения.

Вы представьте себе, как слесарь-сантехник рассуждает о расстановке политических сил перед предстоящими вы-

борами и дает сравнительную характеристику двухчленного и тридцатичленного политбюро правящей партии. Нормально это? Вы сами же скажете, что не вполне нормально. И врачи так же сказали. Хотя, что здесь ненормального?

Кстати, на наших политиков и политологов тоже бы не мешало взглянуть с медицинской точки зрения, а то что-то в последнее время я ни разу не слышал о том, чтобы кандидаты на вышестоящие должности перед выборами представляли на всеобщее обозрение справки об их психическом состоянии.

И гость из того мира, заскочивший к нам вместе с сантехником. Где доказательства? Даже описания личности нет, его особых примет и поведения. И главное – откуда сантехник может знать, как нужно вести себя в психиатрической клинике, чтобы врачи посчитали тебя выздоровевшим? Этому по книгам научиться нельзя. Этому учат специалисты и, причем, специалисты прикладного плана.

Что значит прикладного плана? Это значит, как использовать на практике науку, которая вроде бы не приносит никакой пользы. Например, математика. Человек умеет складывать, вычитать, умножать, делить небольшие числа и все. Допустим, килограмм молочного шоколада стоит сто рублей. Сто грамм стоит десять рублей. А у человека всего сорок рублей. И он на эти деньги может купить бутылку пива и сто грамм шоколада или четыреста грамм шоколада без пива.

Это элементарная математика, но прикладная в повсе-

дневной жизни. А, допустим, человек занимается бизнесом и во время деловой встречи сделал прикидку прибыли от предлагаемого контракта. Прямо в уме. Перемножил миллионы, отнял накладные расходы, зарплаты, налоги и прикинул, выгодно ему это или нет. Вот это и есть прикладное использование математики.

Или знание физики. Её можно прекрасно использовать в бильярдной и обыгрывать на деньги тех, кто в школе считал физику бесполезной наукой. Физику можно использовать не только в бильярде, но и в борьбе. Используйте инерцию более сильного противника и его силы уменьшатся как раз на величину использованной вами инерции.

Я Никифорова из психлечебницы не вытащу, и никто не вытащит.

Один раз поставленный психиатрами диагноз остается на всю жизнь. Его могут усилить, но не отменить. Поэтому те, кто хочет по психическим заболеваниям откосить от армии, будут косить всю оставшуюся жизнь, потому что психического больного на серьезную работу не примут и дела с ним иметь не будут.

Подождем его выписки и тогда продолжим работу с ним.

Западня для агента

Мне все время не давал покоя сотрудник КГБ, проникнувший в наше время вместе с сантехником Никифоровым. Куда он мог деться? Просто так, попасть в будущее и смешаться с толпой людей не получится. Представьте себе неандертальца, который появился на многолюдной площади в Москве и делал вид, что он простой мужик, вышедший в центр попить пивка или хиппи, стремящийся уйти в наше прошлое. Да такого чувака в два счета бы раскусили и сдали снова в психушку. У нас в этих учреждениях можно найти самых гениальных людей, отъявленных негодяев, путешественников во времени, объектов контактов с космическими пришельцами, лунатиков и просто нормальных людей, которые не согласны с тем курсом, по которому вожди ведут народ как стадо баранов в неизвестное никуда.

– Простите, доктор, – спросил я главврача на следующий день, – а у вас в клинике сотрудников КГБ нет?

При данном вопросе доктор пригнулся, вжал голову в плечи и воровато огляделся по сторонам, указав пальцами себе на рот и на уши, мол, органы прослушивают каждого, а уж дурдомы – это вообще рассадник международного шпионажа.

Видя, что я сижу совершенно спокойно, начал успокаиваться и доктор. Да, запугали его органы. Чуть что, шаг вле-

во, шаг вправо и из персонала можно превратиться в контингент. Сами понимаете, работа с чиканутыми приводит к тому, что больной либо выздоравливает, либо доктор заболевает той же болезнью. Одновременного выздоровления наукой еще не зафиксировано. Кстати, сумасшедшие доктора, как правило, имеют очень хорошие лечебные результаты.

– Так-так, – доктор побарабанил пальцами по столу, что-то напряженно обдумывая, – чекистов у нас нет, но вот есть у нас один Шекспир, который намекает на принадлежность к спецорганам бывшего Советского Союза. Этакое, знаете ли, раздвоение личности, то он сам Шекспир, то учитель Шекспира, то он учился в какой-то спецшколе и имеет важное задание от самых высших чинов того времени. Если хотите разнообразить свое времяпровождение, то пожалуйста, он уже отошел от аминазинов и готов для беседы.

Шекспиром был достаточно молодой человек лет тридцати, спортивного телосложения, с хорошими манерами, называл себя капитаном Трилистовым Николаем Петровичем. Посмотрев на меня, он сразу сделал вывод, что я бывший офицер, а узнав, что это действительно так, сразу быстро заговорил:

– Помогите мне выбраться отсюда, я обладаю уникальными данными высшей разметки, которые нужно передать руководству Политбюро и лично генеральному секретарю Брежневу Леониду Ильичу.

– Помилуйте, батенька, – запротестовал я, – никаких гене-

ральных секретарей и в помине нет, от СССР остались рожки да ножки в виде обновленной России, ставшей преемником этого СССР. Поэтому, снова можно сказать, что СССР существует, но в урезанном составе без союзных республик.

– Да хрен с ним, что нет генсеков, – вдруг заговорил Трилистов-Шекспир, – руководство страны все равно осталось, а я обладаю тайной, которую могу рассказать только лично высшему руководству.

– А вы это четко представляете, – спросил я, – что вас как пациента психиатрической клиники доставят к президенту и вы будете толкать ему свои теории, а он внимательно слушать и кивать головой, попутно отдавая распоряжения по реализации ваших предложений? В стране по крайней мере шестьдесят процентов сдвинутого по фазе населения, зайдите в интернет, полюбуйтесь и вы в этом числе хотите попасть к нему на прием? Не получится ни при каких условиях. Давайте договоримся. Вы рассказываете мне свою историю, а я буду решать, что и в каком объеме доводить до заинтересованных лиц. Договорились?

– А какой у меня есть выбор? – спросил Трилистов. – Никакого. Тогда слушайте.

Рассказ агента, часть 1

– Родился и крестился я в России, – начал Шекспир-Трилистов. – Учился в школе, был октябренок, пионером, комсомольцем. Потом поступил в педагогический ВУЗ на факультет иностранных языков. Учил французский и английский и неплохо получалось. По окончании института меня пригласили в серое здание и предложили работать у них. Сразу послали на оперативные курсы на полгода, а потом мы все вместе следили за иностранцами и вербовали из них агентуру для себя.

– Так вот всех подчистую и вербовали? – усмехнулся я.

– Конечно не всех, – сказал Шекспир, – только тех, кто нужен был для освещения интересующего направления за границей. Технари вербовали технарей, а гуманитарии вербовали тех, кто имеет отношение к политике. Завербовать мне лично никого не удалось, но опыта оперативной работы я хватался. Руководство направило меня в сто первую школу на годичный факультет и для продолжения дальнейшей работы в нашем центральном разведывательном управлении.

– Что, у нас в СССР было ЦРУ? – немало удивился я.

– ЦРУ не было, – отмахнулся Трилистов, – это я так для образности сказал. Было тогда Первое главное управление, ну мы его меж собой называли ЦРУ. Так вот, окончил я этот факультет и вышел в это ПГУ. Язык мне подковали основа-

тельно и тот, и этот. На любые темы без запинки говорить мог и по-французски, и по-английски. И тут меня вызывают на самый верх, к самому председателю КГБ товарищу Семичастному, – я внутренне напрягся, – и говорят, что есть для тебя одно важнейшее задание по проникновению в зарубежную страну на длительное оседание как нелегал. Но если не попадешь за границу, то будешь изучать обстановку там, где окажешься и тем же путем вернешься назад.

– Сколько времени на подготовку? – спрашиваю я.

– Обойдешься без подготовки, – говорят мне, – дадим проводника, а ты ему обеспечишь открытие двери в эту страну. Денег не жалея, но, чтобы задание выполнил. И дали мне мужичка, кажется, что я его здесь тоже видел, который прибыл из нашего будущего и врет так складно, что не захочешь, а поверишь. Поил я его самыми дорогими напитками, какие тогда были. В «Березке» покупали ему виски «White Horse» («Белая лошадь»). Тридцать процентов солодового и семьдесят процентов пшеничного виски. Пил благородный напиток стаканами и трахал самых красивых девок в палатке около того места, из которого он как бы прибыл.

И вот на пятый день случилось все то, во что поверить было очень трудно и даже я сейчас сомневаюсь, действительно ли все было так, как оно действительно было.

Рассказ агента, часть 2

Часов в семнадцать по среднеевропейскому времени я сидел у палатки и покуривал, с отвращением слушая сопенье и крики девушки в палатке, внимательно глядя в сторону темного леса на участке, отмеченном колышками. И вдруг в темном лесу что-то засветилось, как будто открыли дверь в темной стене и хлынул проток света.

Я сдернул сантехника с женщины и потащил его в этот световой поток.

После прохода через стену света я очутился в каком-то полутемном коридоре, богато отделанном коврами и причудливыми светильниками. Слесарь упал на ковровую дорожку, я сослепу запнулся об него и начал падать на стену, сквозь которую я провалился так, как будто не было никакой стены.

Я вывалился на грязную улицу, по которой ходили убого одетые люди, ездили удивительные повозки и люди говорили на каком-то странном франко-английском наречии, которое можно было понимать, но, если только внимательно сосредоточишься и будешь обладать богатым воображением, чтобы по наитию догадаться о значениях звучащих слов.

Кто-то оттолкнул меня, освобождая дорогу для повозки, и я упал на обочину дороги между каменными домами, испачкав весь костюм, рубашку и полуботинки.

Понюхав свою руку, испачканную в грязи, я понял, что

это нечистоты и содержимое моего желудка вывернуло прямо туда, где я сидел.

На меня никто не обращал внимания, мало ли чудиков ходит по дорогам. Я испачкал свой носовой платок, вытирая костюм и ботинки, и мне еще пришлось снять галстук, чтобы как-то привести в порядок свою одежду, но я только размазал грязь и стал похожим на тех людей, которые меня окружали, только качество моего материала было во сто раз лучше, чем даже у зажиточных граждан.

Историю я знал неплохо и мог бы предсказывать будущее за деньги, но была большая опасность быть объявленным колдуном и гореть на костре под восторженные крики обывателей, для которых не выступает Мадонна или не проповедует какой-нибудь радикальный депутат из демократов.

Одним словом, я попал в Лондон одна тысяча пятьсот семьдесят шестого года. В Англии успешно правила королева Елизавета и шла неспешная борьба с католицизмом, начатая ее отцом Генрихом восьмым по счету.

Что-то нужно было делать, чтобы устроиться и чем-то питаться, потому что мне нужно было ждать в этом районе открытия светового окна для возвращения домой.

Я раньше был неверующим, но я сейчас я верю и верю истово, потому рука божья направила меня к моему спасению.

Я постучал в первую попавшую дверь и мне открыл молодой человек, назвавшийся как William Shakespeare. Да-да, молодой Вильям Шекспир, который хотел стать писателем

и актером, работая у лондонских театральных деятелей.

Я попросил дать мне ночлег, обещая отработать как учитель детей такого почтенного человека.

– Мои дети слишком малы для обучения, – рассмеялся молодой человек, – но кров я вам предоставлю, пока вы на найдете подходящего для себя занятия.

Разве не Бог послал на землю Вильяма Шекспира, который помог мне устроиться предсказателем судеб в высшем обществе Англии и стать советником у начальника тайной полиции королевы лорда Олсингема.

Да, есть и моя заслуга в укреплении английской разведки и контрразведки, и кроме того, я ненавязчиво предполагал, что произойдет в ближайшее время и, как правило, не ошибался, что позволило мне стать авторитетным работником тайного сыска.

Молодой Шекспир из СССР

Каждый день я выходил на прогулку в место своего появления в Лондоне и периодически обедал у Шекспира, никогда не приходя без подарков его детям и жене Энн Хатауэй, которая не была лучезарной красавицей, но была вполне приятна на вид и слыла хорошей хозяйкой.

Однажды я пересказал Шекспиру содержание его же пьесы «Гамлет», которую он еще не написал. Просто дал сам факт того, что короля убил брат и завладел его короной и женой, но принц не стал верить своему дяде. А кроме того к принцу явился дух его отца и рассказал о страшном преступлении.

В другой раз я рассказал о ревнивом мавре, находившемся на венецианской службе. Обуреваемый ревностью, мавр задушил свою молодую жену и покончил самоубийством сам, а дело не стоило выеденного яйца, потому что сын дьявола подставил его и был рад, когда чистая любовь закончилась смертью двух любящих человек.

– Откуда вы берете эти истории? – постоянно восклицал Шекспир.

Разве я мог сказать ему, что это есть его всемирно известные истории? Если бы не я, то кто-то другой рассказал ему сюжеты Ромео и Джульетты, короля Лира, а уж королева Марго была современницей будущего писателя и ему было

легко писать о происходивших при нем событиях.

Работа у Олсингема не была сильно обременительной, да и работали тогда не так, как работали чекисты в наше время с ненормированным рабочим днем, то есть работали без нормы. Начальник сидит на месте, и все тоже сидят, делают вид, что работа кипит. Зато, когда начальник уходит, все с чувством исполненного долга идут домой, чтобы поздно поужинав, вскочить утром рано и стремглав нестись на работу, чтобы к приходу начальника быть на месте.

Работа с ненормированным рабочим днем так и называлась работниками беззаконием, возведенным в закон.

В те времена работали с достоинством и не торопились никуда. Расстояния были дальние, прохождение бумаг было длительным и то, что у нас именовалось бы махровым застоением, там именовалось активной жизнью.

Однажды я читал рассказ об одном человеке, который двигался быстрее всех. Он шел и видел, как мимо него как в замедленном кино летят неспешные пули, мотоциклисты едут со скоростью черепахи... так и я том мире был в положении такого же человека, обгоняющего время и расстояния.

Наконец, я дождался того момента, когда окно открылось и шмыгнул в него, не двигаясь какое-то время. Осторожно потрогав стены, я убедился в их прочности и стал потихоньку уходить из коридора, в котором у уже был. Сбросив одежду и оставшись в белой рубахе и суконных штанах и кожаных

ботинках, я вышел на улицу и быстро нашел здание управление бывшего КГБ, которое сейчас называется ФСБ.

Моя попытка войти в здание закончилась задержанием меня милицией и доставкой сюда, где мне поставили диагноз белая горячка и маниакальный психоз. Вот и все. У меня надежда только на вас. Я уже никому и ничего не говорю, возможно, что меня скоро выпишут, а что я буду делать здесь, когда моя семья уже лет тридцать не видела меня и не знает ничего обо мне. А мои коллеги даже не удосужились проверить правдивость моих слов.

Я ничего не сказал по поводу рассказа несчастного узника, но похоже, что он, как и слесарь Никифоров, не врет. Два человека не могут выдумать одно и то же. И не могут два шизофреника скооперироваться и выработать общую линию поведения.

По своим каналам я сделал запрос в отношении капитана Трилистова Николая Петровича. Сообщили, что капитан пропал без вести при выполнении особо важного задания. Семье назначена пенсия. Дети выросли, а жена давно замужем за бывшим коллегой капитана. Вот я и думаю, принимать ли меры к освобождению капитана из психического узилища или оставить все как есть, чтобы не рушить судьбы людей? Пусть живет на полном государственном обеспечении. Возможно, что не один думаю я так. Новый муж жены Трилистова уже генерал и занимает высокую должность. Нужно ли ему, чтобы из небытия появился его бывший друг

и все перечеркнул одним взмахом руки?

Пытки людей

Сроков исполнения заказа мне никто не ставил. Попросили разобраться. Вот я и разбираюсь. Прошла всего неделя и я только в самом начале пути в никуда, как тот муравей, который бежал по палочке, а палочку взяла обезьяна и стала поворачивать ее, чтобы муравей все время видел горизонт впереди и бежал без остановки.

Кто же эта обезьяна, что поворачивает палочку тайны? Или это не обезьяна, а организованная преступная группа, расправляющаяся с особой жестокостью со своими конкурентами?

Я не сильно большой любитель чтения книг. Мне больше нравится писать и делать какие-то умозаключения, но, к сожалению, и мои знания не безграничны, приходится обращаться к первоисточникам.

Сначала я обратился к клопам. Помню, в далеком детстве у нас в старой кушетке были клопы. Отец часто переворачивал ее и давил этих клопов то ногтем указательного пальца, то лезвием сапожного ножа, а потом смазывал жидкостью резкого уксусного запаха.

А вот специалисты-дознаватели из народного комиссариата внутренних дел, НКВД, применяли клопяной бокс. В дощатом шкафу разводили и держали тысячи клопов. Полураздетого подследственного заталкивали в этот бокс и на него

налетали голодные клопы. Сперва человек борется с ними, задыхается от вони, а потом ослабевает и перестает сопротивляться.

Индейцы в Америке запускали в печень муравьев.

Кто же был гуманнее – индейцы или чекисты?

К гордости нашей, НКВД может считаться изобретателем или доводчиком до совершенства и других способов воздействия на заключенных.

Например, подследственного сажают подальше от себя, заставляют громко отвечать на вопросы и повторять только что сказанное. Выматывает человека полностью.

Или два следователя делают из картона рупоры и кричат в оба уха арестованному: «Сознавайся, сука, что хотел убить Сталина!». Иногда человек глохнет от разрыва барабанных перепонок, а иногда и сознается.

А еще постоянный резкий свет в камере и днем и ночью, а во время допроса ему прямо в глаза направляется яркий свет. Слепнет? Да хрен с ним.

Или заталкивают человека в узкий шкаф и держат так сутки или более. Человек может озлобиться и надерзить следователю, а ему за это срок.

Или сажают человека в коридоре на табуретку и не дают ему встать с нее несколько суток.

Или поставят стоя и не дают ни сесть, ни лечь. И во время стояния не дают ни капли воды.

Или поставят на колени, и человек сутками стоит на ко-

лениях.

Или бессонница. Человеку по нескольку суток не дают спать. Следователи меняются, а человек нет. Некоторые сходят с ума.

Или битье, не оставляющее следов. Бьют резиной, бьют колотушками, мешками с песком, мокрыми полотенцами. Пинают по голени, бьют по мужским придаткам.

Или делают «ласточку». Длинное полотенце закладывают через рот подследственного, как бы взнуздывают его, а потом через спину привязывают концами к пяткам. И человек колесом на животе с изогнутой спиной без воды и еды лежит несколько суток.

И это так, всего лишь несколько способов из необъятного арсенала органов НКВД, описанного теми, к кому они применялись.

Это нужно преподавать школьникам на уроках выживания в нашей сложной жизни, а каждый человек в России должен быть готов к тому, что его будут также пытаться, если он окажется несогласным с тем, что ему будут говорить власти.

Пока хоть в одном кабинете будет висеть на стене портрет главного чекиста Дзержинского, мы не гарантированы от повторения массовых репрессий против собственного народа. И руководить ими будет единственная правящая партия. А стрелять будут ее члены в чекистских мундирах иссиня-черного цвета и в черных кожаных плащах, заказ на которые чекистское ведомство разместило на сайте госзакупок.

Подвешивание на дыбе и пытки огнем. Тут Россия не сильно отстала от Запада, хотя Запад в этом отношении более изощрен и технически силен. Непонятно, кем был убит этот человек и где он побывал.

Раздавленный череп, расплющенные конечности и посадка на острую пирамиду – это все из арсенала инквизиции, потому что требуются специальные приспособления типа «испанского сапога» для конечностей и головы, а также «кресла иудеев», которое до сих пор применяется в Латинской Америке с добавлением контактов электрического тока.

Оскопление. Как ни странно, но это самый распространенный вид расправы с врагами. Ассирия, Вавилон, Египет, Греция, Рим, скифы, арабский Восток, Ирландия, Африка, Монголия, Китай, Германия по закону от 1938 года, Югославия. Даже во Франции во время Варфоломеевской ночи придворные дамы с любопытством рассматривали размеры детородных органов поверженных гугенотов и отрезали их.

Надрезы и воздействие на нервные окончания. Этим баловались американские индейцы. Они надрезали пленникам руки и ноги, наматывали на палочки нервные окончания и крутили их, радуясь мучениям врагов. Вероятно, отсюда и пошло выражение «мотать нервы».

Земляки Чингачгука Большого Змея, гуроны и ирокезы, делавары и другие индейцы еще заталкивали в мочеиспускательный канал палочку с маленькими шипами и крутили ее, прыгая от радости при мучениях пленников.

Удар сверху под ключицу прямо в сердце широким и длинным обоюдоострым орудием это уже чисто римское действо. Так казнили децимируемых легионеров и преступников, не приговоренных к другим видам смерти.

В Риме же любили наблюдать за мучениями человека, который погибал от разрыва почек. Его поили молодым вином, а затем перевязывали мочеиспускательный канал.

Если говорить о древнем Риме и существовавшей там системе пыток в отношении инакомыслящих и правонарушителей, то этому государству и ее правителям нужно устраивать новый Нюрнбергский процесс вместо восхищенных аханий и оханий по поводу их достижений и вклада Рима в мировую цивилизацию.

Поиск окна

Классификация жертв отеля «Lissabon» не внесла особой ясности, а наоборот дала повод думать о том, что в наше время могут врваться представители других эпох и стран.

Представьте себе, что в открывшееся окно хлынет конница Чингисхана, начнет рубить всех подвернувшихся под руку и грабить магазины и бутики.

Я обошел все коридоры отеля, осмотрел стены, особенно в тех местах, где были обнаружены трупы и не нашел ничего такого, что могло бы быть неестественным или являлось следом совершенного преступления.

По-моему, этап одиночного сыска закончился. Нужно идти к народу.

Почти неделю я потратил на беседы с горничными и без результата. Зато беседа с одной из уборщиц вселила в меня уверенность в том, что дело будет раскрыто.

Пожилая женщина лет за пятьдесят, оглянувшись по сторонам, шепотом сказала, что она раза три чувствовала, что сходит с ума, когда ее рука с тряпкой вдруг проваливалась в стену, как будто та сделана из воздуха. Повторное прикосновение к стене все ставило на место. О своих наблюдениях она никому не говорила, потому что когда одна из уборщиц заикнулась о том же самом, то ее подняли на смех, отправили на медицинское освидетельствование и вообще уволи-

ли по медицинским показаниям. А ей до пенсии осталось совсем немного, и она надеется, что я никому не расскажу об этом. Мне же она рассказала об этом только потому, что не могла держать это в себе, и ей нужно было перед кем-то выговориться.

Соотнести по датам эти невероятные случаи невозможно и нужно искать окна самостоятельно. Рассказ слесаря Никифорова о том, что на стене висел кусок брезента, вызывает сомнения. Брезент могли видеть другие люди, и они вряд ли бы забыли об этом.

Еще один момент. Трупы найдены на трех этажах. На 4-м, 5-м и 6-м. Уборщица работала на этих же этажах. И Никифоров был в апартаментах на 6-м этаже. Одно совпадение – случайность, два – это уже система. Уборку проводят в вечернее время, чтобы не мешать постояльцам, и Никифоров был вызван в номер в такое же время. Следовательно, окна открывают примерно в полночь. Как в легендах о нечистой силе.

На эту тему даже Лирика посетила меня, и я в один мах написал:

*На старой пластинке царпины шелк
Как будто секунды в огромных часах,
Вот время двенадцать и бархат, и шелк,
И блеск бриллиантов при ярких свечах.*

Их говор французский понятен вдруг мне,

*И сам я француз, капитан де Тревиль,
А в призрачном парке при ясной луне
Две пары порхают, танцую кадрили.*

*Я парень не робкий, но в День всех святых
Хотел бы сидеть за накрытым столом,
И женщины рядом, и в вазах цветы,
И с кем, не поймешь, мы шампанское пьем.*

*Мне крестик нательный поможет найти
Подругу на счастье в телесной плоти,
Под утро разносит петух всем пути,
А кто не успел, так тому и платить.*

Ересь какая-то и на ночь глядя.

А, может, нечистая сила, которая жила на кладбище, и вынудила прораба требовать расписку о том, что ему действительно приказывают начинать работы в этом месте.

Буду проверять. Начну с четвертого этажа, потом на пятый, потом на шестой. Буду ходить и хлопать рукой по стенам. Представил я это и улыбнулся, вспомнив старый анекдот.

Начальник поезда видит, что человек в чукотской одежде идет вдоль состава и стучает головой по вагонам.

– Ты что делаешь? – спрашивает его начальник.

– Однако, мягкий вагон ищу, – отвечает тот.

Может, и мне головой по стенке стучать, чтобы умным

быть?

Головой я стучать не стал, но сделал себе кавалерийский стек с ременной петлей на конце. Я проходил по коридору и прикасался им к стенам. Сколько я мог так ходить в поисках окна? Год, два, три? Не знаю, но раз взялся за проверку, то нужно проверять. Что будет, если исследователи при первых же неудачных опытах бросят всю исследовательскую работу? Случится катастрофа. Мы так и будем жить в каменном веке, потому что те, кто бросал камни в костер и прекратил это делать, заявив о бесперспективности этого дела. А в другой стране продолжали бросать камни в костер. И вдруг из одного камня потекла блестящая жидкость, которая, застыв, превратилась в очень твердое вещество, из которого стали делать наконечники для стрел, наконечники для копий и мечи для войны.

А из другого камня, брошенного в костер, полилась блестящая желтая жидкость, которая, застыв, превратилась в золото.

Так и я ходил ночной порой по коридорам, пугая уборщиц и постукивая по стенкам своим стеклом. И нельзя пропустить хотя бы одно дежурство, потому что в этот пропущенный день обязательно случится то, ради чего затевалась вся катавасия.

Как я внутренне и предполагал, все случилось двадцатого июля, в Перунов день.

В тот день, вернее – в ночь, я шел по полутемному коридо-

ру четвертого этажа и касался стен своим стеклом. Так ходят слепые, постукивая впереди себя палкой. Если палка опускается ниже привычного уровня, то это значит, что впереди яма и нужно искать обход. Точно так же и у меня в простенке между дверями двух апартаментов, занимающих всю правую часть четвертого этажа, стек как бы провалился в стену, не встречая никакого сопротивления.

Я был в некотором замешательстве, хотя ожидал именно этого. Я доказывал себе возможность этого, но внутренне не верил в эту возможность.

Многие люди у нас ходят в церковь, ставят свечи в шандалы и усердно крестят лбы, внутренне не веря в существование Бога. Так, отдают дань моде. И для них явление Христа воочию было бы таким же потрясением, как и для меня, почувствовавшим пустоту в монолитной стене.

Я подошел и, как неверующий Фома, сунул туда руку. Никакого сопротивления. Пустота. Я помахал рукой и не почувствовал никакого препятствия. Закрыв глаза, я сделал шаг в неизвестность.

Что-то теплое и наполненное запахами конюшни пахнуло на меня. Открыв глаза, я был ослеплен ярким солнцем и обдут легким ветерком, принесшим сильный запах от свежей кучи конских яблок, лежащих неподалеку. Я сделал полный шаг и очутился около глинобитной стены строения, из которого я вышел.

Приглядевшись, я увидел, что ко мне идут человек пять

в странных одеждах балахонного типа и намерения у этих людей явно немирные.

Я инстинктивно сделал шаг назад, чтобы вернуться туда, откуда я пришел, но моя спина упиралась в стену. Повернувшись к стене лицом, я стал быстро ощупывать ее, отыскивая окно. Но ничего не находил. Потом что-то ударило меня по голове, и наступила темнота.

– Слава Богу, – подумал я, – я уже дома.

Рим

Я очнулся у той же стены. Голова болела. Плечи, руки и ноги горели как от ожога на пляже. Я лежал на каменистой земле в одних трусах и порванной майке.

Если это считать несчастьем, то с чем это сравнивать? С тем, что я остался жив и не покалечен? Или с тем, что у меня есть трусы и майка? Во всяком случае, мне еще крупно повезло.

С трудом встав с земли, я попытался осмотреться и никак не мог заставить себя сделать это. Я просто не верил в происходящее. Это был сон. Я сейчас проснусь, пойду в свой номер, лягу в кровать, открою ноутбук и стану записывать свои впечатления от дня прожитого. Потом, лет через несколько, издам эти записи как документ нашей эпохи. Все будут ахать и охать по поводу моей гениальности и предвидения того, что мои записи будут кем-то востребованы, а не перенесены в виде миллиардов букв на рулон туалетной бумаги, чтобы потомки по частям читали то, что было задолго до них.

Потрогав руки и плечи, я понял, что получил очень приличный солнечный ожог. Ожоговая интоксикация обычно проявляется в ознобе, слабости, головокружении. Дольше на солнце находиться нельзя особенно нам, представителям белой расы, склонной к ожогам даже от осеннего солнца.

Я поплелся к поселению примерно в трехстах метрах

от меня. За моей спиной была высокая стена, высотой более двух метров, за которой ничего не было видно и ничего не слышно. В стене не было ни дверей, ни окон и я так думал, что это стена, отделяющая все поселение от внешнего мира.

– Куда я попал? – крутился в моей голове извечный вопрос человека, проснувшегося неизвестно где.

Я вошел в первый попавшийся мне проулок и поразился тому, что увидел. Это был огромный торговый двор, вымощенный камнем. По широкой дороге ходили разномастно одетые люди в накидках, римских тогах, коротких рубашках в виде мешков с дырками для головы и для рук. По сторонам дороги виднелись маленькие лавки, около которых толпился и рядился народ.

– Ни дать, ни взять – Древний Рим, – промелькнуло у меня в голове.

Вдруг кто-то закричал на меня и палкой спихнул с дороги на обочину.

Мимо меня прошествовал вооруженный человек в блестящем шлеме с копьем в руках и коротким мечом на поясе. За ним шесть человек несли носилки с упитанным человеком в римской тоге с пурпурной полосой, как у сенатора.

Я шел вдоль торговых рядов и захлебывался слюной. Прошло, вероятно, немало времени, и я успел проголодаться. Везде в лавках виднелись овощи и разные фрукты. Продавалось и сырое мясо. Что-то жидкое было в больших кувшинах. Еще продавался хлеб в виде больших лепешек и ма-

леньких хлебцев типа ватрушек.

Гуляющий народ частью ходил чопорно, свысока приглядываясь к товарам и отдавая команды подбегавшим к ним от лавок людям. Другие люди, попросту говоря, кусочничали, как говорила моя покойная матушка, то есть ели на ходу овощи и фрукты с хлебом или быстро ели что-то завернутое в сочень. Совсем как у нас, когда на улице давятся хот-догом, обливаясь и обмазываясь кетчупом, майонезом и осыпая себя и других соломкой из морковки.

Я вслушивался в их речь и ничего не мог понять. Это не кино, чтобы «Их говор французский понятен вдруг мне и сам я француз, капитан де Тревиль...». Я внимательно слушал и вытаскивал знакомые звучания: номине, сатем, латем, кайзер, спирит, дойм, патер. Если я не ошибаюсь, то это латынь. Ин номине латем эт спиритус сатем. Еще из института запомнилось – во имя Господа и спиртного духа, хотя спиритус переводился просто как дух.

Римляне были латинянами и говорили на латыни. Хотя, латиняне это одно из итальянских племен, но как-то так получилось, что их язык стал языком межнационального общения, можно сказать – даже объединения многих народов в один народ.

Рим – это смешение наций, народностей, рас, каст. Все они объединены одним общим званием гражданина Рима и каждый из них – римлянин.

И законы у них суровы. Дура лекс – сет лекс. Закон суров

(дурной), но он закон! Укради сейчас булку хлеба и тут же тебе оттяпают руку, а она мне нужна и, кроме того, у них в ходу тот же принцип, что и сейчас – незнание закона не освобождает от ответственности.

Можно подработать, но как можно подработать, не зная языка и не будучи привычным к тяжелой физической работе? Цивилизация нас испортила и если сравнивать на выживаемость нас – цивилизованных людей и римлян – как исторических людей далекой эпохи, то сравнение будет не в пользу современных людей. Хотя мы и живем по одним законам – хомо хомини люпус эст (человек человеку волк) – римлянин не задумается о применении грубой физической силы для того, чтобы получить желаемое ему. И он получал это.

Я сравнил себя с римлянами и не почувствовал ущербности по сравнению с ними. Я выше их всех почти на голову. Как миллиардер Прохоров по сравнению с людьми среднего роста. Силой меня Бог тоже не обидел, а во время службы в армии показывали, как биться в штыковом бою и как расквасить сопатку противнику. Так что, если бы мне сегодня не врезали сзади по голове, то неизвестно, кто кого бы повозил по земле.

Сейчас мне нужно было утолить жажду и успокоить головную боль. Я нашел водоколонку, выливающую воду прямо из стены дома на улицу в сточную канаву и умылся в ней, но почему-то мне не понравился запах этой воды, и я не стал пить ее. Проходившие мимо меня люди плевались и называ-

ли меня барбари. Барбари это знакомое слово. Барбара суть есть Варвара, а барбар аналогично есть варвар.

Пока я не осмотрелся вокруг, придется заниматься попрошайничеством, чтобы прокормить себя. Я встал у дороги, протянул руку и стал говорить по-немецки:

– Майне херрен, гебен зи мир бите брот эссен. Ихь эссе нихьт цвай таге. (Господа, дайте мне покушать хлеба, я не ел два дня).

Люди равнодушно проходили мимо, совершенно не обращая внимания или показывая на меня пальцем и объясняя своим чадам на моем примере, что будете неумеренно пить и жрать, то будете вот так же стоять у дороги с протянутой рукой.

Какой-то толстый мужик в белой тоге остановился около рядом и стал произносить речь, указывая пальцем на меня. Похоже, что он признал во мне мигранта и обличал во всех грехах и в самом главном из них – понаехали тут. Собравшиеся люди то молчали, то угрожающе шумели, надвигаясь на меня. Я стоял и думал, что мне лучше сделать – крикнуть – Бей его! – и удариться в бега или все-таки сначала врезать этому в белой тоге.

Наконец, толстый умолк и ушел. Так же равнодушно и разошлась толпа, переключив свое внимание на другой объект. Проходивший мимо меня маленький пацанчик в тоге и держащийся за руку красивой женщины, бросил в меня недоеденную булку, наверное, сил больше не было есть.

Только я наклонился, чтобы поднять брошенную мне милостыню, как кусок перехватил какой-то чумазый и кучерявый пацаненок, который помчался по маленькому переулку. Боже, как я разозлился. Я нагнал пацанчика очень быстро. Он делал пять шагов, а я два. Я схватил его за руку, вырвал из нее хлеб и, не отпуская его руки, разделил хлеб пополам. Пацану я отдал половину, а вторую стал кушать сам. Мальчик сверкал черными глазами и уплетал хлеб, не пытаясь вырваться от меня. Затем я отпустил его руку и присел у стены дома, где мы остановились.

Пацан вдруг отрицательно замахал руками, схватил меня за руку и потянул в сторону. И верно, через несколько минут из-за стены кто-то выплеснул помой прямо на дорогу. Вот здорово бы меня окатили помоями в том месте, где я только что сидел.

Толик

– Ви хайст ду? (Как тебя зовут?), – спросил я мальчика по-немецки и, видя, что он не понимает, переиначил вопрос. – Ви ист дайн наме?

– Наме, номине? – переспросил, оживившись, паренек и, ткнув пальцем себе в грудь, гордо сказал, – Птолемей.

– Птолемей, Птолемей, – повторил я два раза и сказал, ткнув ему пальцем в грудь, – ты – Толик, будешь Толиком, а я – Андрей, – и я ткнул пальцем себе в грудь.

– Но, но Андрей, – заговорил Толик, – Андрей эс кристо, – он провел указательным пальцем по горлу и сложил два пальца крест-накрест. – Брут, Брут, – и он ткнул пальцем в мою грудь.

Брут так Брут, хотя я только потом узнал, что обозначает эта фамилия. А Андрей – это христианское имя и, как я понял, христиан здесь сильно не жалуют.

Жестами Толик показал, чтобы я встал на колени и быстро взобрался мне на шею. Мои смутные подозрения превратились в уверенность, когда голова парня стала торчать над стенами домов. Мы шли воровать. Нашей добычей стал мешочек сушеных фиников, краюха хлеба и чистая рубаха для какого-то толстяка, потому что мне она была впору, но коротка.

Ночевали мы на старой соломе под трибунами Колизея,

куда на ночь собирались многие бездомные люди в вечном городе.

Толик быстро уснул, уткнувшись головой в мой живот, а я лежал и размышлял над брэнностью нашей жизни. Никто не знает, что ждет нас завтра, мы не можем предположить, что будет через час или два, а пытаемся думать о вечности и о том, что будет, когда нас вообще не будет. Неправильно все это. Нужно думать о том, что ты будешь делать сейчас, что будешь есть на ужин, где будешь спать, что у тебя будет на обед, на завтрак и вообще, как ты будешь поддерживать свою жизнь.

Это все, пожалуй, самое главное в жизни. Представьте себе, мог бы состояться Пушкин, если бы ему пришлось бегать с детишками по детским садам, яслям, больницам, сажать и копать самому картошку или бегать за ней в магазин? Если посадить его в те условия, в которых мы живем, то вряд ли из Пушкина получился бы Пушкин. Получился бы слесарь или плотник Пушкин, может, инженер Пушкин, даже поэт Пушкин, но у него бы не было того размаха, которое получали дети аристократии.

Быстрая южная ночь сменилась неторопливым рассветом и у меня стали закрываться глаза. Похоже, что разница во времени действует на человека и при перемещении во времени.

Вдруг я почувствовал, что по мне ползет чужая рука, ошупывающая одежду. Воры не спят. Не найдя ничего у меня, чужая

рука полезла к Толику и у него в складках одежды что-то металлически звякнуло.

– Ого, у нас что-то есть, – подумал я и схватил руку вора, заломив ее на излом в запястье.

Раздался дикий крик, разбудивший коллизейскую ночлежку.

Какой-то мужик с ножом в руках прыгал вокруг меня, что-то кричал и показывал на меня пальцем. То, что было в его правой руке, трудно было назвать ножом. Кусок металла клиновидной формы с ручкой, обмотанной тряпками. Обыкновенная заточка из того, что было под рукой.

Римские бомжи поднялись и стали вокруг нас в кольцо. Я совершенно не понимал, что они говорят, но мог догадаться, что вор обвиняет меня в том, что я чуть не сломал ему руку и он за это должен меня порезать.

Я был для всех долговязым чужаком, выше каждого из них не менее чем на голову. Кроме того, я стоял и молчал, зато мой приятель Толик сновал между бомжами и что-то говорил им, а они ему что-то давали, и он что-то прятал в одежду.

Затем Толик подскочил ко мне и жестами показал, чтобы я открутил голову человеку с ножом. Похоже, что мой приятель на мне хочет сделать бизнес, и он уже сделал и принял ставки на победу одного из нас. Вот западники, они из собственных похорон будут делать шоу, чтобы получить прибыль.

Делать нечего. Убежать мне не дадут. Нужно включать мышечную память и вспоминать то, чему учили на уроках рукопашного боя и бокса.

Я рукой поманил к себе своего соперника, но он как-то не выказывал желания идти ко мне на схватку и криками пытался напугать меня или разжалобить зрителей. Тогда я пошел на него. Загнанный в угол вор попытался ткнуть меня ножом в живот, но натолкнулся на мои скрещенные руки, причем моя левая рука взялась за его запястье вооруженной руки, а правая взяла его руку в районе локтя и вывернула его, заведя руку с ножом за спину. Извлечение ножа из руки за спиной было совершенно нетрудно. Отобранный нож я постарался откинуть как можно далеко и, похоже, в кого-то попал. Обезоруженного противника я просто оттолкнул от себя, считая, что с него достаточно.

Стоящая вокруг толпа загудела. Возможно, что нарушитель спокойствия досаждал всем, и возможность наказать его чужими руками была всем приятна и желательна.

Оскорбленный в лучших воровских чувствах соперник дико закричал и бросился на меня с намерением схватить за туловище и повалить, но я остановил его левой рукой и сделал прямой хук в челюсть.

В наступившей тишине было слышно, как звякнули зубы противника, и он упал в нокаут. Подбежавший Толик что-то восторженно мне говорил, показывая горсть маленьких серебряных монет, говоря слово сестерций и таща куда-то

за руку.

Я подошел к лежащему противнику, приподнял его голову, потер уши и виски, а парень по моей просьбе принес в пригоршне воды из стоящей поодаль бочки.

Поверженный противник открыл глаза и посмотрел во круг. Увидев меня, он попытался вырваться, но я приложил свой палец к губам, показывая ему, чтобы он не дергался и жестами показал Толику, чтобы он дал ему пару сестерциев. Нехотя, но парень дал ему два сестерция, и побитый соперник ушел.

Толик купил хлеба, у нас были сворованные финики, и мы неплохо позавтракали. Сейчас самое главное – вписаться в жизнь этого города. Все остальное – мелочи. Я не тот русский, который приехал в Америку и удивляется, что американцы не говорят по-русски, чтобы понимать его.

Русские не понимают, что американцам глубоко наплевать, на каком языке ты говоришь. Если ты не говоришь на языке большинства, то можешь валить туда, куда пожелаешь. Так и я прекрасно понимал, что Рим даже не заметит присутствие и гибель одного чужака, если этот чужак так и останется чужаком.

Не откладывая дело в долгий ящик, я стал изучать латынь самым гениальным способом, которым человек после своего рождения учит родной язык. Я повторял за Толиком слова, которыми он называл те или иные предметы. Я их повторял десятки раз в различных склонениях и падежах и повсюду

спрашивал:

– А это что?

Мне отвечали. Я старался понять предмет, чувственно запомнить его вид, вес, предназначение.

Толик был терпеливым учителем, понимая, что судьба связала нас не случайно и что наша встреча – это кооперация двух личностей, способных перевернуть мир.

Я не боялся и не стеснялся учиться. Учиться никогда не поздно. Нет такого возраста и нет таких людей, которые могли бы сказать:

– Все, хватит, я знаю все и мне не нужно ничему учиться.

Даже дряхлому человеку, побитому многими болезнями, нужно учиться жить в условиях этой болезни и достигать при этом возможного комфорта, передвигаясь на костылях или в кресле и принимая то положение, в котором боли не так сильны.

У меня всегда вызывает уважение, когда люди в возрасте за шестьдесят и за семьдесят учатся у своих внуков владению компьютерной техникой и как они бодро ориентируются в бескрайних просторах интернета, не оставаясь безучастными ни к одному страждущему. Этим, конечно, пользуются миллионы мошенников, но их быстро вычисляют и отфильтровывают, составляя сообщество единомышленников и людей одного века.

Брут

На выбранной нами для жительства улочке меня уже знали многие, помогая мне в изучении латинского языка. Я говорил, как маленький ребенок, радуясь каждой своей языковой победе, а соседи окликали меня и говорили:

– Эй, Брут, эта вещь называется так-то.

Я повторял за ними это слово, а ребяташки бегали за мной толпой, радуясь от возможности побыть учителями взрослого человека. Общение с детьми, постижение языка вместе с ними сделало очень быстрым процесс моей адаптации. Уже через месяц я довольно сносно говорил и мог многое объяснить из того, что мне было нужно.

Однажды мне указали на горох и сказали, что это «цицер» (cicer). Я попробовал и не нашел в нем ничего примечательного. Горох как горох. Одно примечательно – его название «цицер», от которого произошла фамилия древнего оратора – Цицерон. По-нашему – Горохов. Вот скажите, смог бы человек с фамилией Горохов стать знаменитым? Сомневаюсь. Допустим, у Пушкина или Лермонтова была фамилия Горохов. Стали бы они знаменитыми? Однозначно говорю – нет! Или возьмем для примера знаменитых адвокатов дореволюционного времени Кони и Плевако. Представьте их со звучной овощной фамилией Горохов. Разве занесли бы их в скрижали юридической истории? Не занесли.

Зарабатывали мы на драках. Толик был мой импресарио и договаривался о драках с первыми забияками улиц. Такие люди есть везде. Они хотят держать верх, или как говорят – мазу, на своей улице. О времени драки уведомляются жители улицы и начинает работать тотализатор, в котором мой приятель был уже достаточно известным и авторитетным букмекером. Кроме этого, он добывал сведения о тех способах драки, которые обычно применяет мой противник. Так что, на поединок я выходил подготовленным.

К нашей компании прибился и тот человек, который пытался нас ограбить и который получил от меня на колизейских задворках. Он держался несколько в стороне, но Толик говорил, что он останавливает тех, кто пытается нам мстить и как бы защищает со стороны. Любой противник заслуживает уважения, кем бы он ни был, если он не маньяк крови и не насильник.

Спартанские условия жизни и питания совершенно преобразили меня. За этот месяц у меня куда-то исчезли лишние миллиметры жировой прокладки, мышцы стали рельефнее, и сам я стал более подвижным, вспомнив все известные мне приемы самбо, карате и бокса.

На мои драки приходило очень много зрителей. Я научился делать из этого спектакль, принимая удары, которые я мог бы спокойно отбить и закончить драку в течение трех-пяти минут, но от этого пропадает зрелищность и интрига. Умение безболезненно падать и уклоняться от ударов сохра-

няли мои силы для завершающего удара, который я проводил с блеском, не доводя противника до полной потери здоровья.

Сейчас я расскажу коротко о том, как мы жили в Риме.

Тот, кто «знает» жизнь Рима по американским фильмам, тот с уверенностью может сказать, что он знает и жизнь простых русских людей по условиям жизни русских миллионеров и миллиардеров.

Первое, что нужно знать всем, в Риме была система общественных отхожих мест. Не знаю, как это делалось в русских городах, не нашел свидетельств очевидцев, кроме самоличного обзора общественных туалетов на старых железнодорожных станциях, но в Риме общественные туалеты были на каждой улице, иначе все стены вечного города были бы в желтых подтеках, а на улицах валялись кучи человеческих испражнений.

Они и так валялись, потому что жители инсул имели обыкновение выливать содержимое своих ночных горшков прямо на улицу, мало заботясь о том, идет там кто-то или нет.

Инсула это «хрущевка», только на римский манер. В инсулах жили малоимущие жители города, которые трудились в центре и не имели времени выезжать за пределы города.

Все строилось так, как строится сейчас у нас. Даешь на лапу муниципалитету, тебе дают участок земли, и ты там быстро ляпаешь халупу этажей на пять по на десять каморок

в ряд по фронту и по тылу. Итого получился многоэтажный атриум-инсула из ста каморок. Если получать по денарию в неделю, то это будет сто денариев или четыреста сестерциев. Это и немного, и немало. А, кроме того, имущество постояльца становится залоговым и как только он не уплатил вовремя, так все его имущество переходит в собственность хозяина как часть погашения квартплаты.

Иными словами, постоялец – никто, а домовладелец – все. А если он живет на первом этаже, то у него и водопровод, а также и печь, которая отопливает помещение на первом этаже.

На втором этаже живут жильцы состоятельные и квартплата у них больше. И к водопроводу ближе, и тепло достается, и до туалета бежать не так далеко.

Вот видите, мы снова вернулись к туалету. Туалета в доме нет. Есть только индивидуальный у хозяина, у него и отходы из туалета смываются водопроводной водой, которая течет круглосуточно.

Как кто выпил молодого вина или просто поужинал с водой и хлебом, то вечером и ночью пару раз сбегает в туалет. А туалет далеко. Общественный. И вот, ночами люди ходят в туалет с факелами, светильниками, как в ночной клуб. Там люди встречаются, беседуют, знакомятся, ссорятся, дерутся. Одним словом, как ночной клуб в наше время. Такой же сортир для общения, трахания и потребления наркотиков.

На каждый этаж инсулы ведет своя лестница. С этажа

на этаж просто так не перейдешь, нужно спускаться во двор.

Комнаты в инсуле маленькие, в ней только маленький стол и деревянный топчан. Часто и стены просто саманные, обмазанные глиной. В комнате постоялец должен иметь емкость для воды, чтобы потушить возможный пожар. А горели инсулы часто, вспыхивали как свечи и, бывало, что погорельцы утром ходили грязные и голодные, не зная, куда приткнуться себя и как дальше жить.

А что? Освещение – масляные светильники. Не так повернулся, светильник упал, масло загорелось и пожар. А если воды в емкости нет, то занимается пламенем весь дом.

Пожар – это стихийное бедствие. Хуже, когда инсула просто рушится. У них строители такие же, как и у нас. Вместо цемента из красного пуццолана (смесь вулканического пепла, пемзы, туфа) брали светло-серый, который менее надежный, чем красный. Вместо бутовых стоек (кладка из природных камней, имеющих неправильную форму; к природным камням относят известняк, песчаник, ракушечник, туф, гранит, а также булыжный камень) ставили деревянные и стойки закапывали не так глубоко. Стены не всегда были деревянные, чаще плетеные из ивняка. В окна иногда вставляли слюду, а чаще их закрывали деревянные ставни с прорезями. И вот такая конструкция рушится среди ночи, оставляя людей без крова.

А сейчас представьте себе ночь в доме, в котором слышно все и каждый скрип кровати является скрипом всего дома.

В инсуре живут и семейные пары, и кое-кто приводит к себе в гости женщин. Часам к трем дом затихает и начинается быстрый утренний сон.

Гимн 9 легиона

Кроме драк, на которых мы неплохо зарабатывали, я занялся высоким искусством.

Вы бы посмотрели, как воют римляне стихами без рифм, подыгрывая себе на кифаре. Что такое кифара, вы можете сами узнать, набрав соответствующий запрос в интернет. Изогнутая деревянная дуга, дека и три струны. В советское время все время смеялись над национальными инструментами, пренебрежительно говоря – одна палка три струна, я хозяин своей страна. Точно так же говорили и римляне, считая, что они самые грамотные, самые способные и самые артистичные. А если говорить честно, то и на балалайке три струны, и она ничем не хуже и не лучше инструментов других народов. Просто нужно уважать других людей.

Уважая римскую кифару, я сделал себе новый музыкальный инструмент типа дутара или балалайки. Половина сушеной тыквы. Лист пергамента. Сухожилия. Деревянная палка и маленькая дощечка. На половину тыквы сухожилиями привязывается пергамент, в пергаменте вырезается круглое отверстие. Из палки делается гриф, гвоздиками он аккуратно прибивается к тыкве. В грифе делаются три дырочки, в которые пропускаются сухожилия и закрепляются клинышками. Сухожилия закрепляются в нижней части тыквы и приподнимаются над пергаментом деревянной стойкой.

Есть струны и резонатор. Настраиваем струны на «до», «ре», «ми» и начинаем играть что-нибудь легкое, типа: эй, мамбо, мамбу талияна, эй мамбо.

Когда я запел, то Толик оцепенел.

– Брут, ты умеешь играть на кифаре и петь песни? – восторженно спросил он.

– Нет, я никогда и ни на чем не играл и никогда не пел песни, – сказал я, – просто мне надоело жить в инсуле, и я хочу жить в своем атриуме. Как тебе это предложение? Я буду петь, а ты будешь собирать деньги.

Толик завизжал от восторга и как маленькая обезьянка запрыгнул мне на спину. На нас сразу зашикали из всех комнат. Но когда я запел «Эй мамбо!», подыгрывая себе на импровизированной балалайке, вся инсула стала мне аплодировать.

На следующий день у меня предстоял бой с опытным поединщиком из числа римлянизированных галлов. Галлы – здоровые и туповатые парни, упертые на своем национальном превосходстве. В основном они жили на территории современной Франции. Их еще называли кельтами, но это слишком обобщенное название народов Западной Европы. Они даже римлян считали недочеловеками, не понимая, что Рим держится на единых целях, задачах и разобращении врагов. Если бы все враги Рима собрались вместе, то Рим продержался бы месяца два или три и пал.

По нашим подсчетам, мы должны были собрать хороший

куш, потому что бой проводился на площади и, кроме того, было объявлено, что один из драчунов будет петь боевые песни.

Римлян, как говорится, хлебом не корми – дай на что-то поглазеть, будь то бои гладиаторов или прилюдное сношение римских свингеров. У нас на площади не дадут посношаться, сразу будет тысяча советчиков и все-то им не так, и все им не эдак.

Я вышел на возвышение в простой рубахе и с диковинным инструментом в руках.

– Спой нам, галльский петушок, – слышались выкрики и смех, – почирай нам перед тем, как тебе выбьют зубы и сломают нос.

Главное на концерте – не бояться зрителей. Я не боялся насмешников и сейчас мой латинский язык не хуже языка чистых и грамотных римлян. Общая эрудиция и образование помогают освоить любой язык и устроиться в любом обществе, если человек желает этого. Если не желает, то нечего копыя ломать.

Я начал играть на диковинном инструменте и напевать то, что когда-то слышал в детстве, переведя это на латинский язык:

*Хоть далека земля твоя,
И языка не знаю я,
Но ты гостил в моей стране
И эту песнь оставил мне.*

Я слышу:

Эй мамбо, мамбо Италиано!

Эй мамбо, мамбо Италиано...

Я что-то еще пел о Риме, о его красавицах, сенаторах, гладиаторах и центурионах с красным оперением, ведущих в бой своих легионеров и вся толпа хором подпевала мне:

Эй мамбо, мамбо Италиано!

Эй мамбо, мамбо Италиано...

Юркий Толик ходил в толпе и собирал пожертвования певцу. У него был как бы маленький колпак, но в этот колпак входило полмешка просо. За ним по пятам следовал Петроний. Это тот, с кем я дрался коллизейской ночлежке. Он прибился к нам и оказался хорошим и верным товарищем, находясь постоянно невдалеке и приходя на помощь в трудные минуты, объясняя свое появление тем, что рядом стреляли. Его не нужно было звать, он сам видел тот момент, когда должен вступать в дело. И Толик относился к Петронию как к брату, считая меня начальником, которого скоро изберут в римский сенат, и я буду ходить в белой тоге с красной полосой по правой полукружности.

После сорванного шквала аплодисментов я запел несколько переделанную революционную песню, которую пели во всех военно-художественных фильмах времен СССР:

*Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.*

*Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!*

Половину песни я убрал и вообще сократил ее в два раза. Она длинная, если кто знает все ее слова. Спросите у ваших бабушек и дедушек, они еще в школах распевали эти песни.

Концерт прошел на «ура». Но что такое любовь толпы? Это жаворонок, который попел у одного цветка и полетел к другому цветку возносить ему хвалу.

Я сошел с возвышения и пошел готовиться к схватке, как внезапно дорогу мне преградил молодой центурион.

– Я по поручению легата Антония, – сообщил он мне как своему подчиненному. – Мы покупаем эту песню как гимн девятого легиона, и не вздумай петь эту песню снова, голову оторвем, – пригрозил он мне и сунул в руку что-то тяжеленькое.

Это был золотой ауреус с изображением императора Нерона и его матери Агриппины.

Так уж получилось, что с ауресусом в руке я должен сказать пару слов о денежной системе в Риме.

Самые первые деньги были медные и самая большая монета асс. Подразумевалось, что асс весит один фунт меди или двенадцать унций. Но носить полкилограмма меди в кармане или в мешочке было накладно. После всех манипуляций асс стал весить триста двадцать семь с половиной грамм. И унция стала весить двадцать семь грамм. Мне приходилось драться с людьми, которые держали в кулаке монеты в пять-шесть унций для усиления удара.

Для измерения массы асса придумали единицу либр, обозначаемый буквой L. Этой же буквой обозначается и английский фунт стерлингов, идущий от либра.

Потом асс обесценился настолько, что о малоценной вещи стали говорить, что цена ей один асс.

Кроме асса были монеты семис весом шесть унций с изображением Юпитера, триенс весом четыре унции с изображением Минервы, квадранс весом три унции с изображением Геркулеса, секстанс весом две унции с изображением Меркурия и унция с изображением Ромула – основателя Рима.

Потом началась эра золотых и серебряных монет. Серебряный денарий был равен четырем скурпулам (скуппула 4,5 грамма) с изображением Ромула, викториат равный трем скурпулам, квинарий равный двум скурпулам и сестерций, равный одной скуппуле.

И, наконец, золотой ауреус, равный двадцати пяти денариям или ста сестерциям.

В Риме стали создаваться аргенты – прообразы наших

банков, которые занимались обменом иностранных денег и выдачей кредитов под залог имущества.

Галльские яйца

Схватка предстояла тяжелая. Галл был примерно моего роста, то есть выше всех римлян и довольно мускулистый. Причем мускулы его качались не на спортивных снарядах, а в тяжелом труде. Это железные мускулы, может, не такие упругие, но они не выпустят мотыгу или топор в течение целого дня, а спортсмен готовит свои мышцы для кратковременного действия, типа бросить копье или диск, или врезать кому-то по челюсти в кулачном поединке.

Я присмотрелся к противнику. Если попасть ему в руки, то можно считать, что моя песенка спета – удушит как куренка. Но я же не маршал советской победы, который бросал в бой на пулеметы десятки и сотни тысяч солдат, заявляя, что русские бабы еще нарожают. Я – один, как Россия, и помощи мне ждать неоткуда. Те, кто называют себя моими друзьями, могут и ножку подставить, если им хорошо проплатят, чтобы уронить меня на землю перед сильным противником.

Мне нужно маневрировать. Надо мною нет генсеков, которые требуют одержать победу в честь годовщины Октября. Я сражаюсь за свою жизнь, поэтому я должен объективно оценить свои возможности и силы, и рационально использовать их для достижения победы.

Я заметил неповоротливость противника и замедленную

реакцию как следствие врожденной тугоумости. Этот не будет думать над гуманистическими принципами, шлеп по стене и нет мухи. Поэтому, будем держать его на расстоянии и использовать его природную силу.

Я уворачивался от мощных ударов и рассматривал противника, выискивая уязвимые места. Это закон боя и любого поединка. В наступлении нужно найти самое уязвимое место и прорвать его, обеспечив себе победу. В обороне нужно найти уязвимое место наступающего противника и нанести ему такой урон, чтобы он не был способен к дальнейшему наступлению. И оборона всегда является подготовкой к наступлению.

Наш поединок нельзя назвать боксерским или борцовским. Кто-то придумал ему название «пакратион». Я как слышу это название, так у меня в памяти возникает дядька Панкрат, который жил в одной деревне с моим дедом. Здоровенный мужик был. Всегда ходил разнимать драки на престольные праздники. Драчуны как услышат, что дядька Панкрат идет, так сами разбегались, чтобы не получить по шее здоровенным кулаком.

У нас был не «пакратион», а обыкновенная драка на вырубание противника и укладка его на землю. В пресс можно и не бить, там мышцы как лемех от плуга. Грудь как в доспехах из бугров мышц. Голова как пенек на пригорке. Голова и шея – одно целое. Квадратными челюстями он перемалывает кости, а лбом сбивает с ног быка. Но ведь даже

у Ахиллеса было уязвимое место на пятке, за которую его держали, когда купали в волшебном источнике, и у Зигфрида был листочек осины, прилипший к лопатке во время купания в крови поверженного дракона. А у моего противника, похоже, таких уязвимых мест нет.

Я уже трижды бил его в челюсть, получил два мощных удара в грудь и скользящий удар по уху, от чего оно у меня горело как фонарь на столбе темной ночью.

Ни одного приема самбо я не мог применить, чтобы не попасть в его клещевой захват, но я заметил, что его гениталии подвязаны и не болтаются как у всех жителей Рима, поддерживаемые только набедренной повязкой. А перевязывают и подтягивают только уязвимые места. Возможно, что они у него такого размера, что он не может научиться танцевать.

Наша схватка длилась уже минут двадцать, но ни я, ни он не могли нанести сколько-нибудь серьезное поражение друг другу. И я пошел на крайность. Перехватил его руку и начал проводить бросок через бедро, одновременно ухватив веревочку подвязки. Бросок у меня не получился, но я порвал завязку, освободив то, от чего охнули даже почтенные матроны, наблюдавшие за схваткой издали.

Былая уверенность противника была поколеблена. После моего удачного удара в промежность он встал на колени, а затем упал на землю, подтянув под себя ноги.

Оказалось, что на меня сделали ставки только Толик и Петроний. Мы заработали кучу денег, а у меня пропало

желание драться. Не люблю я это дело и дрался только ради хлеба насущного.

Когда мы возвращались в инсулу, ко мне подошел один человек, который был доверенным лицом владельца гладиаторской школы и передал мне предложение стать свободным гладиатором в его школе, так как у меня не было отличительных знаков раба.

– Спасибо, – сказал я посланцу, – но мне больше нравится петь песни, чем махать мечом на потеху публике.

В инсуле мы устроили небольшой пир, купив кусок жареного мяса, кувшин вина, фиников и булку хлеба.

Надо сказать, что жители Рима питались достаточно скромно. Ели кашу, хлеб, фрукты, пили воду, которую покупали у водоносов, потому что вода из водопроводов была не так чиста, чтобы ее пить без термической обработки, но все равно эта вода была намного чище, чем в наших водоемах.

Кстати, если из инсулы на улицу начинает бежать вода, то это смывается содержимого туалета первого этажа, и нужно подальше обходить эти «водоисточники». Особенно людям приезжим и незнакомым с городской жизнью.

Толстых людей в Риме было немного. Если толстый, то олигарх, сенатор, или патриций. Практически все патриции были скотоводами и скот, коровы, овцы и лошади были источниками их богатства. Земледелием занимались низшие слои.

Мне нужно было постоянно находиться в районе того места, где я появился в Риме. Поэтому я сделал друзьям следующее предложение:

– Я намерен стать патрицием и вас сделать почетными гражданами Рима. Сначала мы купим с вами атриум, где будем жить отдельно от всех, а потом мы построим или купим загородную виллу у городской черты, которая будет основным источником нашего дохода. Мы организуем сеть быстрого питания, будем точить ножи и мечи в Риме, а также организуем сеть бытовых услуг, которая нас озолотит.

Мои друзья сидели и не понимали, что же я хочу.

– Давайте сначала купим атриум, а потом вы поймете мои мысли, – сказал я.

Возможно, что и мои читатели не совсем ясно представляют, какой атриум хочу купить я. Перевожу это на русский язык.

Атриум – это римский отдельный дом. Фасадная часть дома глухая, в ней есть только входная дверь. Название происходит от названия крыши – атриума. Это общая крыша с квадратным проемом, комплювием, в середине. Скат крыши в сторону проема, чтобы туда стекала дождевая вода. Прямо под проемом, комплювием, всегда устраивается бассейн для сбора воды. Бассейн называется имплювий.

Таким образом, жилые и хозяйственные помещения располагаются по периметру дома, а в центре небольшой дворик с бассейном.

Получается замкнутый жизненно-хозяйственный комплекс, в котором жили и живут поколения людей, сменяя друг друга.

Собственно говоря, и у нас тоже многие граждане желали бы жить в таком же атриуме, быть на земле и спрятанными от глаз любопытных людей.

Коммерция

Так вот, я сказал своим друзьям, что намерен стать патрицием, а их сделать почетными гражданами Рима. И сначала мы должны купить атриум, а потом построим или купим загородную виллу у городской черты, которая будет основным источником нашего дохода. Мы организуем сеть быстрого питания, будем точить ножи и мечи в Риме, а также организуем сеть бытовых услуг, которая нас озолотит.

Мои друзья сидели и не понимали, чего же я хочу. Рассказывать что-то конкретное в инсуле, это все равно, что выйти на площадь и всенародно объявить, что вы задумали переспать с дочерью разносчика воды в вашем квартале.

– Сначала мы покупаем атриум, а потом вам все станет ясно, – сказал я, и мы начали думать, где продается хороший по качеству и размеру дом.

Дом мы купили быстро и так же быстро оформили права владения на него на Птолемея-Толика, так как я не собирался оставаться здесь на всю жизнь и надеялся вернуться в свою жизнь.

Одновременно, я заставил Петрония вступить в гильдии ремесленников, торговцев и поваров.

– А зачем в гильдию поваров? – взмолился Петроний.

– Потом узнаешь, – сказал я.

Пока мы ходили по канцеляриям и давали на лапу чинов-

никам, чтобы обеспечить быстрое прохождение наших документов, Толик, как домовладелец, занимался обустройством атриума.

Мне был выделен таблинум – то есть комната хозяина, где была деревянная лежанка, маленький столик, табурет и масляная лампа.

По моему заказу принесли откованный мангал и десяток прутов-шампуров. Котел мы купили на базаре. Толик купил баранину, муки, оливкового масла, овощей, кувшин хорошего вина.

Я не буду рассказывать, как надо делать шашлык. Кто не умеет его делать, пусть завидует тем, кто умеет его делать. Мясо для шашлыка я замариновал в вине. Пока мариновалось мясо, Петроний мелко рубил оставшееся мясо на разделочной доске во двореке около имплевия.

Я разжег дрова в мангале и стал замешивать тесто для пирожков. Толик разводил огонь в очаге.

Конечно, для жареных в масле пирожков нужно дрожжевое тесто, но вполне подойдет и простое. Я налепил пирожков с мясом и овощами, потом обязательно сделаю с луком и рублеными яйцами, с грибами, с капустой, с морковью. Но это потом.

Петроний и Толик с удивлением наблюдали за мной, когда я доставал из тазика куски мяса, нанизывал их на шампуры и укладывал на мангал над огнем.

Запах жареного шашлыка сначала возбудил собак в сосед-

них атриумах, а затем люди стали останавливаться неподалеку от нашей двери и шепотом переговариваться, обмениваясь мнениями о том, от чего может быть такой запах.

Я сам с удовольствием ел шашлык, запивая его вином, а вы бы посмотрели на Толика и Петрония. Счастливее их, мне кажется, не было никого в этом свете.

Толик выскочил с шампуром на улицу и постучал в соседний атриум, угостив хозяина. Это было сделано специально, чтобы дать информацию о нашем новом продукте, потому что хозяин был человеком, у которого язык не мог лежать неподвижно во рту. Это и плохо, и хорошо одновременно.

Вся соседская семья отведала шашлык и уже на следующий день округа знала о неведомых деликатесах, которые готовят в нашем атриуме.

Пока мои друзья доедали шашлык, я приступил к жарке пирожков в кипящем оливковом масле, прикидывая размеры вилки, которую нужно заказать у кузнеца, чтобы было легче доставать пирожки из масла. Пока же мне пришлось сделать две длинные палочки и по-китайски переворачивать пирожки и так же доставать их из масла.

Пирожки тоже были выше всяких похвал. Мне это было приятно. Я про себя удовлетворенно говорил, как бывало, говорил про себя Пушкин: «Ай да Северцев! Ай да сукин сын!». Кто может сказать о тебе хорошее, если ты сам не можешь сказать хорошее о себе.

Смотрите, какие философские истины я стал изрекать

на полный желудок, хотя, как мне кажется, кто-то эту истину высказал еще до меня, но, если принимать во внимание время, в котором я нахожусь, а это примерно год шестьдесят пятый или шестьдесят шестой от Рождества Христова, то бесспорно моё авторство козмапрутковского изречения.

Толик с Петронием ели румяные пирожки и ничего не говорили. Я сам съел пару штук и оценил их как очень вкусные. Никогда раньше не страдал кулинарными талантами, но жизнь заставит вспомнить всё, если ты действительно захочешь выжить или занять более высокое положение в том обществе, в котором ты оказался.

– Брут, тебе нужно менять имя, – глубокомысленно произнес Толик, – сейчас никто не поверит, что был брутом. То, что ты делал, похоже на волшебство. У нас тоже жарят мясо на углях, но, если бы ты видел это мясо. Его не сравнишь с твоими жареными палочками. А тесто с мясом? Когда я стану патрицием, я буду сидеть в самом удобном седалище и есть только то, что приготовил ты.

Чтобы вам было понятно, в чем смысл сказанного им, скажу, что брут – это глупец, типа Иван-дурак. Да-да, и тот самый Марк Юний Брут, который первым вонзил свой нож в грудь Гая Юлия Цезаря тоже. Глупец Марк из рода Юниев поразил цезаря (если читать по-другому – кайзера) Гая из рода Юлиев. Всех женщин в роду Юлиев звали Юлиями, в роду Юниев – Юниями и их никто не помнит, но все помнят Юлия Цезаря как величайшего из римлян и Юния Брута

его убийцу. Кто-то строит Рим, а кто-то его уничтожает.

В большую копейчку мне обошлось изготовление четырех металлических мангалов и сотни шампуров. Металл был дорогим, и работа кузнецов ценилась достаточно высоко. Все сказки о том, что баснословные состояния начинались с перепродажи одного яблока, рассказываются маленьким детям в благочестивых семьях. Сколько раз мне пришлось получить по физиономии и сколько расквасить чужих носов, чтобы сколотить небольшой начальный капитал.

Я провел небольшую калькуляцию и определил, что стоимость одного шашлыка должна быть не менее трех или пяти сестерциев, чтобы войти в перечень элитных товаров.

В число необходимых расходов были включены и расходы на рекламу. Для наглядной рекламы я отправил по три шашлыка легату девятого легиона и двум сенаторам-гурманам, надеясь на их поддержку.

Мы начинали с двух точек, на которых работали Петроний и Толик. Я был дома и выполнял посылавшиеся на меня заказы из богатых домов Рима. Стало модным баловать гостей невиданными кушаньями, пришедшими из далеких стран.

Нам пришлось расширяться и купить соседний атриум, объединить его с нашим прорубанием двери в стене. Мы наняли учеников, а у горшечников я заказал керамические мангалы, которые были дешевле металлических, потому что сделать глиняный ящик особого ума не надо, хотя, если

взяться за дело, то сделать его нисколько не легче, чем накрутить на станке амфору.

Скоро у меня работало порядка пятидесяти шашлычников, столько же пирожников на улице и еще с десятков человек на подготовке полуфабрикатов.

Я никогда не был коммерсантом, но тут пришлось включиться в это дело, а коммерция – это не прихоть. Если взялся за дело, то ни на минуту его нельзя выпускать из рук. Это как огромный камень, который можно нести, но если его уронить, то вряд ли хватит сил снова его поднять.

Созданная мною система фастфуда была доходной, потому что обычный шашлык и пирожок стоили гроши, но из грошей составляются сестерции, денарии и ауреусы.

Как я не хотел быть рабовладельцем, но мне пришлось покупать рабов на должности руководителей шашлычных и пирожковых точек, потому что доверять можно было только рабам. Вольноотпущенники становились обыкновенными жуликами, ищущими возможности первоначального накопления капитала и не гнушающимися ничем для обогащения.

Но об этом чуть попозже.

Депутат

Что мы знаем о рабовладении? Вроде бы все. Людей заво-
евывают, пленят и продают в рабство. Человек – раб-товар –
деньги. Хороший рабовладелец – хорошо, плохой рабовла-
делец – плохо. Раб на всем готовом и под защитой хозяина.
Живи по правилам и все будет хорошо.

Но при всех либеральных оценках рабство – есть рабство.
Старые рабы не хотят свободы. Как люди, просидевшие всю
жизнь в тюрьме или в лагере, они боятся свободы. Лагерная
или рабская жизнь стала им привычной. Они стали находить
в ней прелести, приспособившись к ней, написав законы ла-
герной жизни, назначив своих судей, прокуроров и полицей-
ских, которые охраняют рабов от свободного мира, в кото-
ром нужно бороться за свое выживание и место под солнцем.

– Но и в лагере нужно выживать, – скажете вы и будете
правы. Но в лагере или в рабстве есть какая-то крыша от хо-
зяина, а на свободе человек предоставлен самому себе.

Правда и свобода бывает относительной. Когда твоя стра-
на подпала под власть криминала, то свобода бывает толь-
ко для тех, кто живет на свободе по законам зоны, а все
остальное население – это субъекты преступного посягатель-
ства, не защищенные ничем и никем. Ситуация совершен-
но безвыходная и иногда кажется, что римское рабовладение
было, пожалуй, прогрессивной общественно-политической

формацией для перехода в феодальное состояние, а потом к демократии без превращения в криминальное государство.

Прелести свободного общества я обнаружил посредством бухгалтерии. Наши расходы стали превышать доходы. Попросту говоря, либо нас крупно обманывают, либо мы банкротимся.

Попытка найти справедливость наткнулась на демократические процедуры – предъявите задокументированные доказательства, чтобы обвинить свободного человека в воровстве и вообще – кто вы такой, какого рода племени, чтобы предъявлять претензии к гражданину Рима?!

Они правы. Кто я такой? У меня даже имя придумано Толиком и обозначает оно как Иванушка-дурачок. И откуда я? Будем считать, что я галл, похищенный скифами в младенчестве и воспитывавшийся беспризорником в разных частях ойкумены (освоенной человечеством части мира). Культурной ойкумены.

Чего я теряю? Я назовусь Голд Гений Брут. Золотой гений – масло масляное, для временного использования подойдет. Завтра же идем на невольничий рынок и будем покупать рабов для постепенной замены проворовавшихся коммерсантов нижнего звена. И надо подумать о постройке маленькой инсулы для размещения моих работников.

Я бы с удовольствием уехал из Рима в провинцию, где жил бы не в пример спокойнее и комфортнее, будучи в элите, но я был привязан местом своего появления здесь и не мог

далеко удаляться от него.

Боже, какая же тяжелая доля олигарха. Рабов нужно покупать самому. Здоровые и тупые рабы стоят от четырехсот до пятисот денариев. «Ботаники» – до десяти денариев. Женщины – это особая статья, вокруг них все время похотливые и жирные морды в возрасте от и до. Нормальные бабы им не дают, так они рабынь для этого себе покупают. А тем и деваться некуда, попробуй они искусай или порань хозяина, защищаясь от него, то всех рабов могут за это казнить.

Нам тоже нужно было в свое время предъявить европейским фашистам счет: за одного убитого нашего сотню ихних. Тогда бы не было никаких мировых войн и было бы общее благоденствие. Хотя нет, пришлось бы защищаться от коммунизма, его всепоглощающих концлагерей и расстрельных стенок.

Работорговцы были рады сбегрить залежалый товар, и я повел полуроту рабов к себе домой. Они еле плелись, ожидая работу на каменоломнях, но были несказанно удивлены, когда очутились в отдельном атриуме. Все владели латинским языком, потому что тех, кто не желал учить язык империи, просто напросто не кормили. Очень эффективный способ изучения иностранных языков.

Почти все купленные мною рабы были слегка грамотные, то есть, умели написать свое имя, зато в вопросах счета денег они были профессорами. А мне больше и не надо. Я им четко объяснил, какая их ожидает работа, и они бросились

целовать мне руки и ноги.

Стоять, я не тот римлянин, который привык к рабским проявлениям искренней любви к хозяину.

– Всем спать, – строго сказал я, поручив Толику разместить их в хозяйственном атриуме. Чем больше людей, тем больше забот. Людей нужно научить работать, готовить и считать выручку, а, кроме того, нужно рассчитать проворовавшихся работников и обеспечить безопасность нового персонала. Проблем выше крыши. Как говорят, не было у бабы забот, так купила себе порося. Ничего, подготовлю персонал и буду нежиться на солнышке.

Зато я купил себе преинтереснейший экземпляр. Когда я его увидел, то чуть было не закричал «ура» не бросился жать ему руки, но вовремя остановился. Ни за что не угадаете, кто это.

Не буду томить читателя.

На помосте был один из председателей комитетов Государственной Думы. Агрессивный представитель партии власти, упивающийся административным ресурсом, при помощи которого эта партия, получившая звучное наименование от одного из оппозиционных адвокатов и от которого она не отмоеся никогда, получила и сверхквалифицированное конституционное большинство. Прямо как КП и СС в большевистские времена. Как партия, развязавшая массовые репрессии против собственного народа.

– Вы не имеете права, – кричал по-русски этот парламен-

тарий, – я буду жаловаться в Европейский суд по правам человека, – совершенно забыв, что он только что рассматривал законопроект, по которому решения этого суда не имеют силы для России. Единственный судебный орган в мире, в котором россияне могут найти правду, для них не имеет никакого значения. Ну что же, получай по справедливости.

Парламентарий еще что-то говорил о правах человека, о демократической избирательной системе, о Конституции и простирали руки к собравшимся покупателям, которым были непонятны его слова, а продавцу надоели его стенания, и он вытянул его плетью вдоль спины.

– У-у-у, – завыл парламентарий, а я испытал некоторое удовлетворение от того, что люди, узурпировавшие власть в моей стране, получили свою оценку, пусть не от нашего, но все равно от народа, хоть в другом времени, но получили. И купил я его потому, что цена на него была небольшая и только для того, чтобы узнать, когда и как он попал сюда.

Вы бы посмотрели на него. Модная рубашка стоимостью в сто долларов была изорвана в лохмотья без воротника и рукавов. Светло-серые брюки от финского костюма представляли собою шорты и висели на обвисшем брюхе при помощи веревочки, стягивающей ближние шлевки ремня.

Для чего он мне нужен? Для того, чтобы потешить собственное самолюбие. Пусть полы моет в рабочем атриуме, а там посмотрим. Может, сгодится шашлык делать и продавать их.

Судя по всему, в латинском языке он не преуспел, иначе всё, что он говорил, он бы сказал на латыни в надежде на то, что его поймут и испугаются. И в рабстве он не первый день, а ведет себя как правоверный коммунист.

Как всегда, сработал русский великодержавный шовинизм. Вспомните, кто из русских, проживающих в национальных республиках, учил национальные языки? Практически никто, прямо презирая языки коренных народов республики. И сейчас некоторые наивные люди, воспитанные в духе презрения ко всему инонациональному, спрашивают, а почему распался СССР? Ах, как жалко, что распался СССР. СССР никогда бы не распался, если бы русские свободно говорили на всех языках, где они проживали и понимали бы чаяния и интересы местных жителей. Даже при распаде СССР они не были бы инородными телами в национальных республиках, и не было бы тех проблем, которые мы имеем сейчас. Так что, господин парламентарий, можете продолжать говорить на великом и могучем, а я вас быстренько обучу латинскому языку, есть у меня один действенный способ.

Римские философствования

Замена вороватых шашлычников и пирожковников, или как-то по-другому назвать их, прошла гладко. Я не стал ни с кого требовать украденные деньги, если они по своей воле уйдут с моей работы без выходного пособия, о чем они написали мне расписки.

Петроний и Птолемей-Толик были прекрасными менеджерами и управляющими, а я занялся строительными вопросами. Девелоперством, как сейчас говорят.

Деньги работали как самые эффективные работники, собирая крупинки серебра и золота в денарии и ауреусы. А это серебряные и золотые ключики, открывающие любые двери. Сегодня я смело могу сказать, что Рим погубила коррупция. И Россию погубит та же беда.

Я выкупил недавно развалившуюся инсулу и построил там добротное пятиэтажное здание из обожженного кирпича. Оно, по-моему, и сейчас стоит в исторической части города.

Мои рабы превратились в обыкновенных наемных рабочих, над которыми я имел полную власть и мог по своему усмотрению определять им график отдыха и работы. Но их и не надо было подгонять, потому что они имели свой процент от выручки. И не было профсоюзов, которые раньше были школой коммунизма, а сейчас стали прислужниками

власти.

Утаенная выручка – это воровство, за которое раба могли посадить на цепь и уморить голодом. А могли и забить до смерти.

Демократические порядки Рима были очень суровы в отношении рабов. Практически, гитлеровские порядки. Для своих граждан – все блага, а для неграждан – «негров» и рабов – никаких законов, только воля рабовладельца.

Кроме того, ни один раб не может носить при себе оружие. Это привилегия свободных людей. И в России крепостные не могли иметь оружие, если они не отданы в рекруты и не находятся под бдительным офицерским оком, ожидая почти смертной казни за любое нарушение.

В этом отношении крепостническая, то есть такая же рабовладельческая Россия сделала огромный шаг вперед в своем развитии: Рим так и не осмелился призвать рабов на свою защиту. Рабы могли только на арене драться с оружием, удовлетворяя кровожадные потребности того времени, а в России рабы служили в армии, защищая помещиков, которые драли их на конюшнях, портили девок и брали себе право первой ночи с его женой.

В Риме любой рабовладелец – это Гитлер в миниатюре. Из миллиона маленьких гитлеров обязательно вырастет большой гитлер. Надо прямо сказать, что Рим породил Гитлера. Посеешь ветер – пожнешь бурю. Родоначальником всех жестокостей и расизма в отношении славян является

Рим. От Рима Гитлер впитал неприятие религии и поклонение культу силы.

Западники еще восславят Гитлера, потому что он им не сделал ничего особенно плохого. Ну, оккупировал их страну. Ну, заставил идти воевать в Россию. В концлагерях он их не умерщвлял миллионами. Даже западные военнопленные жили в человеческих условиях, не страдая от голода и непосильных работ и не будучи обреченными на полное уничтожение. Это же не евреи и русские с частью украинцев и белорусов.

И тут же я критикую сам себя, свои мысли. Как же так, в критикуемый тобою Запад убегают миллионы твоих соотечественников. Почему? Чего же они не развивают свою родину? Чего же они предали свою Россию?

А вы сами не догадываетесь, почему наши граждане бегут из России? А ведь подсказка лежит на поверхности. К власти в России пришли западники. Вроде по рождению и по облику – русские, а по внутреннему духу – западники. В них нет ничего русского. Если человек любит тяжелый рок, то этим все сказано. Тяжелый рок – это не искусство, это диагноз. В тяжелом роке нет музыки. Там есть древний африканский барабан или бас-гитара, выбивающая тяжелый ритм, который бьет по голове, оупляя человека, и он начинает воспринимать все, что ему дадут. В российских деревнях музыкантов тяжелого рока били бы оглоблей по хребтине, но они сейчас часть государственной политики.

Наш народ еще не доведен до понимания того, что судьба их самих, судьба их государства будет зависеть только от них, от того, за кого они отдадут свой голос. Может быть, после выборов они будут жить чуть-чуть лучше, но пришедший к власти очередной супостат, ливший им сладкие речи перед выборами, не будет защищать интересы страны и гражданам могут обломиться лишь крошки с барского стола.

Наш народ еще никогда был свободным. Свободными были казаки, носившие оружие и в мирное время, кавказцы, которые постоянно носят при себе оружие и плюют на все российские законы. Забыл, свободными людьми являются и преступники, классово близкие руководству, вооруженные и живущие по своему закону.

Простой гражданин России является потенциальным субъектом статьи о незаконном хранении оружия, если он посмеет принять меры для собственной защиты.

Стоит только заикнуться о его свободном владении, как со стороны правительства раздается хор, даже не хор, а вой голосов о том, что русским нельзя ничего доверять. Доверь ему оружие, и он перестреляет половину страны. Это как надо бояться своего народа, чтобы так говорить? Однозначно, что гадов перестреляют в течение первого же года действия нового закона об оружии, зато потом люди будут спокойно гулять по вечерам.

А в отношении того, что они перестреляют сами себя, то можно посмотреть на прибалтийские республики и Мол-

давию. Там стало значительно меньше мрази, так как преступник понимает, что любая бабушка может стрельнуть ему в лоб или в живот.

Не нужно обольщаться прелестями демократии и общества всеобщего благоденствия. Власть предержающим приходится подачками – хлебом и зрелищами – удерживать народ от голодных бунтов. А уровень голода во всех странах разный. У одних голод – это трехразовое питание – понедельник, среда, пятница. У других – это отсутствие туалетной бумаги в общественном туалете и перебои с поставками киви, потому что остальным они уже обожрались. Теория «золотого миллиарда» это не придумка журналистов.

С такими мыслями я и пришел к депутату Госдумы, используемому на подсобных работах в хозяйственном атриуме. Нахождение в рабстве пошло ему на пользу. Вместо дебелистого и упитанного с рыхлым лицом и отвисающим животиком преуспевающего человека в очках передо мною стоял загорелый и поджарый человек, у которого выправилось зрение.

Я обратился к нему на латинском языке и увидел полное непонимание того, что я говорю.

– Неужели ты ничего не понял из того, что я говорю? – спросил я его по-русски.

Депутат от изумления сел на лавку и отрицательно замотал головой.

– Так вот, – сказал я, постукивая согнутым средним паль-

цем по столу, – если через неделю ты не будешь знать десятка три обиходных слов, я посажу тебя на цепь у дверей атриума, и ты будешь облаивать прохожих, получая за это пинки и плевки как существо, которое не может научиться говорить. Понял?

Депутат согласно кивнул головой. Так и было нужно заставлять учить иностранные языки в школе. В исламских школах язык учили со слуха, а муаллим бил линейкой или палкой по голове нерадивого ученика. Это сейчас с балбесами занимаются по современным методикам. А в наших школах иностранным языкам нужно уделять первостепенное внимание и требовать так, чтобы выпускники свободно говорили на одном иностранном и одном местном языке.

Раздав всем указания и проверив состояние дел на участках, я понес прошение о принятии меня в гражданство Рима. В конце-то концов, весь Рим лопаает мои пирожки и шашлыки, я даю работу сотням римских граждан, так почему же я до сих пор не римский гражданин?

Октавий Май Брут и Нерон

Вопрос с римским гражданством решился быстро. Мне был выдан утвержденный Сенатом документ о том, что Октавий Май Брут является гражданином Рима и пользуется всеми правами на территории империи. Манускрипт был скреплен печатью и перевязан шелковым шнурком. Когда платишь за срочность, то и документ готовится быстрее.

Перед получением манускрипта я давал присягу Риму, подняв вверх левую, согнутую в локте руку, а правую положив на мошонку. Это показывало, что мужчина клянется самым у него дорогим и что в случае нарушения клятвы он может лишиться этого или проклятие падет на весь его род.

Это еще что. В Древней Иудее мужчина во время клятвы тоже клал руку на свою мошонку или на мошонку того, кому он клялся.

Одновременно я был приглашен на аудиенцию к императору Нерону.

– О, Боги, – пронеслось у меня в голове, – это-то мне за чем? Говорила моя мамочка: не высывайся! А я взял и высунулся. Решил развернуться по полной. Кроме шашлыков и пирожков, я создал совместное предприятие с производителями строительных материалов, научил их настоящему обжигу кирпичей и одновременно стал производителем черепицы, а также ондулина – материи, пропитанной вареной

смолой хвойных деревьев.

Мои люди очищали от древесного угля и золы печи для обжига гончарных изделий и собирали уголь и золу по домам, платя за нее (!) хоть небольшие, но деньги. Уголь шел в шашлычные и пирожковые точки, а из золы делали щёлок и небольшое количество мыла для различных сословий римлян.

Я же наладил литье серебряной посуды под старину, чтобы узоры на ней выглядели потертыми, что указывает на древность рода и гордость посудой предков. А такая посуда стоит немалые деньги. А я за ваши деньги могу сделать любую стертость узоров.

Я же начал литье серебряных и бронзовых вилок, а также ручек для столовых ножей, которые пользовались большим спросом, особенно с вензелями по заказу.

Я же начал строить виллу неподалеку от того места, где я появился, и стал разводить баранов для обеспечения мясом своих торговых точек.

Ни дать, ни взять – олигарх. А вот тут олигарха и подстерегает главная опасность. Все императоры ревниво смотрят на тех, кто зарабатывает больше их и живет так, как им вздумается. Частенько таких олигархов прячут в тюрьму, а их имущество и деньги, как бы по суду, но пускают на дела разного свойства по милости императоров. Или возьмут другого олигарха и бросают на поединок со львами. Если львы его раздерут, значит, так повелели Боги.

В мое время был один олигарх, как разбогател, неизвестно, жил в свое удовольствие, катался с девочками по курортам, семьей себя не обременял. И вот, вызывают его императоры и говорят:

– Вот тебе дохлый лев, оживи его и будь готов к декабрьским играм вместе с этим львом выйти на арену на смертный поединок.

Не знаю, какое там у меня время, я здесь уже почти год, а дома, возможно, этого олигарха со своим реанимированным львом уже по косточкам разобрали на память.

Посланец императора намекнул мне, чтобы я взял с собой свою кифару.

Интересно, никак будет домашний концерт. Я взял свой самодельный дутар, немного прорепетировал современные римские песни и сделал заказ на позолоченный кифар, который преподнесу в подарок императору, благо он тоже балуется виршами и поигрывает на кифаре.

Римскому гражданину положено носить тогу только по торжественным дням. Тога представляет собой сегмент материи, надеваемый прямоугольной частью на левое плечо, а концы сегмента обматываются вокруг тела и скрепляются пряжкой на правом плече, придерживаемый одной рукой. У левши, естественно, все наоборот.

Тога простого римлянина светло-серого цвета, а у сенаторов белого цвета с красной полосой по краю сегмента. Таковую же тогу носили и сенаторские законные дети мужского

пола. Как бы говорили, что дети сенатора будут сенаторам, а не ремесленниками. Совсем как у нас: сын генерала старшиной не будет.

Я заказал себе тогу чуть темнее оттенка, чем белая, но и чуть светлее, чем светло-серая и приказал по краю сегмента пустить три синие полосы, как на морском воротнике-гюйсе. А, кстати, знаете, почему у наших моряков на воротнике-гюйсе именно три полосы, а не четыре, пять и больше? Моряки сами не знают, почему, нигде в документах это не прописано и все говорят по-разному.

Одни говорят, что количество полосок соответствовало количеству эскадр у царя Петра первого. Другие говорят, что полоски вводились постепенно в честь выдающихся морских побед при Гангуте, Чесме и Синопе. А вообще, воротник был предназначен для того, чтобы насаленная коса парика не пачкала робу. Вот и разберись, кто из них прав?

Тем не менее, когда я шел в новой тоге в императорский дворец, то встречавшиеся мне люди смотрели на меня с чувством удивления и уважения. Кто его знает, кто я такой, может быть, я третий по важности в империи человек или еще что-то.

Такой же взгляд был и у церемониймейстера, который не знал, что и сказать. Мне нельзя носить красную и пурпурную полосы на тоге. Я и не ношу. Но нигде не сказано, какие полосы нельзя носить. И император Нерон тоже несколько недоуменно взглянул на мою тогу и ничего не сказал. Хо-

тя, дразнить императора, это все равно, что дразнить гусей. Гуси могут пощипать, а император может ощипать, хотя он от государственных дел всё более времени отдавал музицированию и актерству.

– Мне рассказали, как ты из беспородного галла превратился в римлянина, – сказал император. – Этот пример доказывает превосходство нашего государства – государства равных возможностей – перед всеми другими государствами. У нас, кто был ничем, тот может стать всем. Возьмите, например, меня. Только благодаря моим талантам и способностям я стал императором. Моя цель – распространение по всему миру римского образа жизни для всего человечества. И горе тому, кто будет отвергать римский образ жизни. Мы их заставим жить по римским правилам. Они были грязными варварами, а станут чистыми римлянами, если заслужат.

Я не буду перепевать те сплетни, которые ходили про императора и его мамашу Агриппину, которая шагу не давала сыну шагнуть. Вот из-за таких мамок и вырастают тираны. И не только из-за них, но и из-за таких льстецов, как я и миллионы других.

– Как ты думаешь, – спросил он, – что самое главное для императора?

Все императоры, особенно те, что спали и видели себя императорами еще в ясельном возрасте, всегда любят поиграть в демократов и спросить массы, как им управлять импери-

ей. Я бы, конечно, мог ему надавать советов про тандемы, которые как наперсточники предлагают гражданам отгадать, кто из них будет императором или насоздать сотню партий, чтобы распылить силы, или наоборот, создать одну партию и создать такие условия, что без членства в этой партии никакой человек ничего не добьется. Да мало ли что. Я решил пойти по пути самому безопасному, но сколько раз говорили мудрецы, что путь в ад всегда выстлан розовыми лепестками.

– Красота спасет весь мир, ваше императорство, – сказал я, вспомнив пророчества моих почти что современников.

Нерон несколько удивленно посмотрел на меня и воскликнул:

– Ты как будто заглянул в глубину моей души. Именно это я и носил там, обдумывая, как это преподнести миру. Сегодня же озвучу эту мою истину – красота спасет мир! А сейчас давай подыграй мне, и я спою тебе песню о прекрасном императоре Рима.

И тут секущий за ходом встречи церемониймейстер преподнес отобранную у меня на входе подарочную кифару в позолоченном исполнении. Она могла быть и золотой, но тогда она бы не играла.

Тронув каждую из трех струн, Нерон запел голосом голодного павлина о том, какой он хороший император и как он любит народ Рима, придумывая ему неисчислимы зрелища.

Я тихонько подбрякивал ему на своем дутаре, думая

О том, как хорошо, что наши императоры не имеют музыкальных талантов или способностей, а то все чиновники ходили бы с гитарами или с прическами под Элвиса Пресли.

А если бы еще кто-то предполагал, что Нерон из благих побуждений и под лозунгом «Красота спасет мир!», подожжет Рим, то я вряд ли бы живым выбрался из дворца.

Две Талии

Моя вилла была уже готова. Я переселился в нее, проводя большую часть времени вне города. Как говорят, подальше от начальства и поближе к кухне.

Если рассказывать, что такое вилла, то здесь можно использовать и картинки голливудских фильмов, описывающих римскую жизнь по жизни патрициев.

Вилла – это тот же большой атриум с садом, огородом, конюшнями, свинарниками и овчарнями, а также с жилыми и производственными помещениями хозяев и рабов. Можно сказать, что это усадьба и можно сказать, что это крепость.

Как хорошо уединиться, полежать у журчащего бассейна с сигареткой, вернее с цигаркой в руке, покурить и понежиться на благоприятном климате древнего Рима.

Дела у меня шли хорошо. Я избегал столичных тусовок, потому что римский свет был таким же, как и свет в любом другом месте. Нет никакой разницы между блестящей столицей и захолустным городком. Все одно и то же. Кто-то кому-то не нравится. Кто-то дружит против кого-то. Кого-то охаиваем. Кого-то обцеловываем. Чем-то хвалимся. О чем-то плачемся. На кого-то жалуемся. Проталкиваем своих протеже и задвигаем чужих. Вот и вся сущность света, то есть городской тусовки.

Как и обещал, я проверил ход изучения латинского языка

находящимся в рабстве депутатом. За неделю были поразительные успехи. Депутат говорил примерно так же, как говорит таджикский рабочий, ищущий себе работу и не изучавший раньше русский язык. Когда нужда заставит, то и способности просыпаются.

– Где и когда тебя взяли в рабство? – спросил я на латинском языке.

– Полгода назад я был в Триполи по вопросу Каддафи, – ответил депутат на новом для него языке, – и провалился в стену гостиницы.

– Понятно, – ответил я, – будешь работать на вилле и смотреть за местом, которое я тебе укажу. Держи язык за зубами и будь немым, иначе останешься навечно рабом.

Депутат обреченно кивнул головой.

Я ежедневно совершал прогулки к стене, возле которой оказался ровно год назад в цивильном костюме и со стеклом в руках. Я проходил вдоль стены и проводил по ней прутиком, отчего на стене осталась полоса.

В один из дней прямо передо мной шли две молодые женщины, одна из которых упала в обморок. Я мог бы пройти мимо и сделать вид, что ничего не видел и ничего не слышал, и никто бы меня не осудил за это. Мало ли бродяжек ходит вокруг. Почтенные матроны гуляют в сопровождении своих мужей или хотя бы рабов или рабынь. А незамужние женщины вообще не высовывают носа за пределы атриумов и вилл без сопровождения.

Я подхватил на руки упавшую женщину и потащил ее к своей вилле, как к самому ближайшему к нам помещению, где есть холодная и чистая вода из трансримского водопровода, текущего самотеком из горного озера.

На небольшом пригорке я сделал желоб и пустил по нему воду водопровода в небольшой бассейн, откуда она снова бежала в город по свинцовым трубам водопровода.

Качество и количество воды не изменилось, разве что происходила ее небольшая аэрация падающей струей. Но и струя была пущена мною в дело за счет установки водяного колеса. Оно крутило, во-первых – мельничные жернова, во-вторых – вал токарного станка по дереву и, в-третьих – пять гончарных столов.

Одновременно мои умельцы по моим чертежам соорудили ножные точильные станки, с которыми наемные точильщики ходили по всему Риму, выкрикивая:

– А вот, кому точить ножи, ножницы?

Ножницы я уже разработал, и кузнецы сделали несколько образцов, но модели нужно было доводить до ума, потому что они были грубы и быстро тупились.

Вы улыбаетесь, а первые ножницы современного вида появились в Риме около сотого года нашей эры, то есть от Рождества Христова и лет через пятьдесят после того, как я оказался здесь. До этого все пользовались древнеегипетским приспособлением для стрижки овец. Такие ножницы можно и сейчас встретить где-нибудь в сельском магазине для лю-

дей, держащих на своем подворье овец.

Потихоньку я стал превращаться в царя Мидаса, у которого превращается в золото всё то, к чему он прикасается. Жернова круглосуточно превращали зерно в крупу и муку, в течение светового дня работали гончары и токарь по дереву, который очень быстро обучился держать в руках резец.

Это так, к слову пришлось, пока я тащил женщину к дому. Слуги уже увидели хозяина с ношей и выбежали навстречу. Женщину отнесли на половину слуг и оказали ей помощь.

Как сообщили женщины о себе, они из Месопотамии, приехали сюда вместе с купцом-родственником, чтобы посмотреть на Рим и устроить здесь свою жизнь. Язык знают с детства, потому что учились в римской школе у себя дома. У них дома дядя римский гражданин и местный патриций, и они тоже имели слуг. И они обе Талии из рода Талиев. Одна Талия старшая, а другая Талия младшая. И не нужно этому удивляться, потому что в роду Талиев всех женщин зовут Талиями.

Конечно, сейчас я разбегусь, предоставлю им слуг как римским гражданкам и поселю их в господском таблинуме. Некоторые читатели уже предвкушают развитие романтических отношений странного римлянина с женщиной, упавшей ему прямо в руки по воле богов. А, может быть, сразу с двумя.

А что, нравы того времени были более свободными, нежели сегодня. Рабыни доступны всегда, а свободные женщины

не отличались большой целомудренностью, потому что любили совмещать приятное с полезным, получая от близости с мужчиной то, что им нужно. Женский практицизм всегда был в цене.

Совсем другое – это наши российские женщины. Именно в присутствии их хочется быть джентльменом, пропускать везде, помогать надеть пальто, уступать место и делать массу всяких разностей, от которых жизнь у женщины становится более приятной. На Западе я буду чувствовать отвращение к себе, но ни в коем случае не буду пропускать вперед женщину. Не буду, подавать ей руку. Не буду помогать надевать пальто. И, даже если она будет тонуть, то крепко задумаюсь, а спасать ли мне ее? Спаси, а она после этого подаст на меня в суд за то, что я прикоснулся к ней, вытаскивая из воды или еще что-нибудь. Да лучше уж западная мадама потонет, а я буду спокоен от того, что не проявил по отношению к ней мужского сексизма.

Как раз перед моим исчезновением французский председатель международного валютного фонда был обвинен в изнасиловании афроамериканской горничной в США. И сразу все бледушки зашевелились в надежде подоить богатого папика, стали вспоминать, как лет десять-пятнадцать назад он делал им неприличное предложение. Да я сам лет десять-пятнадцать назад делал такие же предложения, но в очень приличной форме. Если человек не делает предложение, значит – он больной или извращенец, или вы

не из тех, кому делают такое предложение.

А помните, когда одна стажерка в Белом доме захотела заработать на минетах, так столько бабенок начали вспоминать о том, что и они оказывали сексуальные услуги на безвозмездной основе и захотели получить то же самое, но только с процентами, набежавшими за полтора-два десятка лет.

Так что, никаких романтических историй в моем повествовании не будет. Будет голая правда.

– Как это? – скажете вы.

А так, у каждого своя голая правда.

Давайте скажем прямо, просто так женщины гроздьями не падают. Да и я с большим подозрением отношусь к западным женщинам. Они ничуть не изменились со времен Древнего Рима и до сегодняшнего дня.

Под колпаком

Какой-то древний француз воскликнул, глубокомысленно подняв вверх указательный палец:

– Шерше ля фамм! (Ищите женщину!)

Возможно, что первым был не француз, а кто-то другой, пришедший к выводу, что все зло и добро в женщине и фраза была совершенно другая, но те, кто умел писать, записали ее по-своему и стали тиражировать везде как высшее достижение философской мысли того времени. А в то время как раз свирепствовала инквизиция и поэтому фраза пришлась к делу, отправив на костер тысячи прекрасных женщин, отчего популяция женщин на Западе сократилась.

Две Талии в моем доме постоянно мелькали у меня перед глазами, не делая попыток найти своего дядю и показывая мне, что они настолько обносились, что все их прелести являются их единственным украшением.

Через три дня два моих менеджера Толик-Птолемей и Петроний, а по сути два резидента моей контрразведывательной сети, доложили, что обе Талии усердно трудятся на Марка Юлия Хромого (не Хромой, а Хромый), ведающего хранилищем тайных вещей римских императоров.

Вещей в его ведении нет никаких, но зато он свободно запускает руку в казну для оплаты услуг, оказываемых лично императору. Причем Хромый остался на своем месте

от прежнего императора и не потерял доверия. Естественно, кто знает подноготную двора и может влиять на настроения, то человек этот весьма ценный и его хранить нужно. Похоже, что и аудиенции императора я удостоился с подачи господина Хромого.

Старшая Талия постоянно находилась на вилле, а младшая повалилась ходить смотреть, как работают гончары и резчики по дереву. С появлением в доме дам пропала моя ручка со стальным пером и графитовый карандаш. Самолично делал. Возни, конечно, было много, особенно с пером. Раньше, в доперестроечные времена перо одну копейку стоило, столько же стоил и коробок спичек. Графит я нашел и обрабатывать его несравненно легче, а деревянную оправу, то есть сам карандаш и школьник сделает, зато как много легче карандашом рисовать чертежи. Пропал и мой кисет с табаком.

Кто-то крутил мою подзорную трубу, в которую я веду наблюдение за местами работ. А потом я заметил, как младшая Талия, что-то прячет под камень недалеко от тропинки, а вечером кто-то со стороны города приходит и забирает то, что туда положили.

Все понятно и все старо как мир. Я под плотным наблюдением. Если я начну обрубать все возможности для наблюдения за мной, то меня попросту арестуют и подвергнут пыткам. Хотя, меня могли давно арестовать. Так и так, песенка моя спета, и нужно готовиться к худшему.

Правление Нерона, похоже, подходило к концу. Он казнил своих жен, патрициев, своего учителя Сенеку, травил христиан, а потом плюнул на всё и стал писать пьесы и трагедии.

Всё свое имущество я переписал на Петрония и Птолемея, которые были как «не разлей вода». А приглядевшись, я понял, что они еще и любовники и тщательно это скрывают это от меня.

Конечно, я рисковал. Западный менталитет предполагает, что если кто-то передал свои дела другому человеку, то он расписался в собственном бессилии, его место в доме престарелых или его нужно отвести в тайгу и бросить там, на съедение волкам, как в одной из известных стран, где отец и мать не являются близкими родственниками.

И это везде в порядке вещей. Старые башмаки снимают и выкидывают. Но на Петрония и Толика я надеялся. Мы все трое были бродягами, спавшими на сене под лестницами Колизея, дрались за деньги и перебивались случайными грошами, пока не стали теми, кто мы есть.

Если я не передам им имущество, то при моем аресте все перейдет в пользу императора, а так я просто гость у приветливых граждан Рима.

В Риме, как и в России, существует римское и российское право. Захочет кто-то из власть имущих присвоить себе что-то, то ему никакие законы не писаны. Через подставных лиц захватят бизнес, выселят из дома и пустят по миру. Прошли тысячелетия, а ничего не изменилось, пещерные законы пра-

вят миром. Одна разница, что римлянин во всем мире является римлянином – представителем мощной империи, а россиянин и в России никто, а за пределами России его еще и звать никак.

Часто россиянин за границей идет по такому же пути, как и я, достигая своим трудом существенных успехов, становясь известным и богатым. И вот тогда родина-мать, напыжившись, говорит:

– Вот видите, какие мои сыны, они нигде не пропадут и славу мне принесут!

Смотрят чужие люди на нее, смеются и говорят:

– Что же ты своих сыновей от себя оттолкнула, почему они от тебя к другим людям ушли?

Я оформил все бумаги, передал их Толику и Петронию и сказал, что просто беспокоюсь об их будущем, так как Талии неслучайно находятся у нас.

– Учтите это, – предупредил я их, – и вы вообще не знаете, кто я такой, а всё, что у вас есть, это вы заработали сами. Завтра я уезжаю надолго, но буду с дороги писать вам, а потом, может быть, и вернусь. Возьму с собой обоих Талий и того бесполезного раба. Хочу посмотреть мир в той стороне, где я еще не был.

Хадж в Иерусалим

Туристические поездки того времени были делом рискованным и не совершались в одиночку.

Сборы в дорогу растянулись примерно на месяц. А что вы хотите? Раньше жизнь текла размеренно, и никто и никуда не торопился. Если ты узнал, что неделю назад что-то и с кем-то случилось и ехать туда нужно дня три или четыре, то торопись, не торопись, а раньше, чем через неделю ты туда не доберешься. Так что один-два дня туда или сюда большого значения не играли.

Можно послать вестника, чтобы он, загнав с десятков лошадей, доставил сообщение на пару дней раньше, чем я прибуду куда-то. Так стоит ли игра свеч? Если бы речь шла о судьбе государства, то да. А если о судьбе простого смертного, то стоит ли так сильно напрягаться, чтобы прибыть через два или три дня после похорон человека? Судите сами.

Интернета нет. Электронной почты тоже. Самолеты не летают, поезда не ходят по причине их полного отсутствия.

Чтобы добраться до Иерусалима, нам нужно было из Рима добраться до морского побережья в порт Остия. Там сесть на корабль и добраться до порта Яффа, где был хороший невольничий рынок. Просто как оптовый рынок по торговле людьми. Лужники, одним словом.

Морское путешествие не близкое. Нужно рассчитывать

дней на десять при хорошем раскладе на парусно-гребном судне и, если не будет сильных штормов.

Еще нужно учесть, что в кораблях того времени не было отдельных кают первого и второго класса и все удобства для всех были собраны в ночных горшках для элиты и в общем качающемся сортире на корме судна.

Затем от Яффы примерно с неделю караванного пути до Иерусалима. Сначала с возвышенности Таелет откроется Храмовая гора, а потом и весь Иерусалим, славный лишь тем, что в нем был распят Иешуа а-Ноцри, Иисус из Назарета, который основал христианство, распространившееся по всему Древнему миру. Спасибо прокуратору Понтию Пилату, который Господом Богом был избран десницей, даровавшей миру человека, искупившего все совершенные до этого людские грехи.

То, что в Иерусалиме правил царь Ирод, мало кого интересует, народ помнит и называет иродом того, кто ведет себя не как человек, а как дикий зверь по отношению к себе подобным. Зато все знают, что на Голгофе рядом с Иерусалимом был распят Христос.

Но и тут нет точных данных, а на Голгофе ли он был распят? Многие говорят, что он был распят в Галате. А Галата находится рядом с Царьградом в благословенной Византии. И кто может точно сказать об этом? Только один человек. Апостол Пётр, который раньше был Шимоном, сыном рыбака Ионы из Вифсаиды Галилейской и братом апостола

Андрея Первозванного, который и привел его к Христу. Говорили, что Пётр находится в Риме, но через своих агентов с шашлыками и пирожками я точно установил, что Пётр все еще в Иерусалиме.

– А зачем мне Пётр? – спросите вы, и отвечу я вам:

– Я человек крещеный с раннего детства, верующим стал совсем недавно и есть у меня некоторые сомнения в реальности того, во что я стал веровать. Хочу убедиться, а все ли это так, как нам пишут в старинных книгах?

– А не все ли тебе равно? – спросят меня скептики.

– Не все равно, – отвечу я им, – если бы у меня была возможность встретиться с Архимедом, то я обязательно встретился бы и с ним. А если есть возможность встретиться с соратником того, кто положил начало христианству, то почему я должен отказываться от этой встречи?

С деньгами везде устраиваются хорошо. Без денег сложнее. В Иерусалиме я сделал все полагающиеся визиты должностным лицам, чтобы они знали, что из Рима приехал знатный гражданин и попросить оказания всяческого содействия. Все как у нас. За просто так никто и ничего не оказывает. Каждому чиновнику нужно подношение в виде продуктов, безделиц из драгоценных металлов или лучших сортов вина.

Затем начались поиски Петра. Пётр был в подполье. Нерон не жаловал христиан и все местные власти тоже не жаловали их. В Иудее традиционно не жаловали христиан

и римлян. И христиане были как бы между двух огней.

Ситуация в Иерусалиме была сильно напряженной. Как у нас в столицах созданных советской властью закавказских республик. Ежедневно фиксировались нападения на римских граждан и легионеров, на иудейских священников. Было совершенно непонятно, чего хотят мятежники. То, что они хотят изгнать римлян из своих пределов, это совершенно ясно, но почему они убивают своих священников, вот это было совершенно непонятно. Можно привести только один довод: бей своих, чтобы чужие боялись. Религия силы не терпит рядом с собой силы других религий.

В этих условиях приходилось действовать очень осторожно, чтобы не попасть под подозрение римлян, иудеев и мятежников. Нужно было стать тайным христианином. Не было другой возможности спастись и выжить.

Еще Иисус говорил Петру, что еще не закричат петухи на рассвете, а ты уже трижды отречешься от меня. И если бы Пётр трижды не отрекся, то Петра бы не было. Вот и подумайте, кем считать апостола Петра: предателем или человеком, выжившим для того, чтобы нести слово Божье в широкие массы?

Здесь нельзя дать каких-то одних рецептов. Каждый решает по-своему.

Подходит к человеку римский легионер и спрашивает:

– Христианин?

А тот христианин, человек честный, храбрый и истинно

верующий человек говорит:

– Да, я христианин?

Взмахнул легионер своим коротким мечом-гладиусом, и нет христианина. За две недели вся Иудея была бы очищена от христиан, за месяц – весь Рим.

Так же боролись с партизанским движением на оккупированных территориях СССР.

– Partisan? (Партизан?)

– Jawohl! (Так точно!)

– Erschissen! (Расстрелять!)

И так за квартал без особых трудов было бы покончено с партизанским движением.

Так что – не судите апостола Петра и сами не судимы будете.

Христианские подпольные организации были достаточно сильны и в нее входили представители всех социальных слоев и сословий Иудеи. Включая и римлян. Прямо как масоны сейчас.

Христиане взяли верх, и вышли из подполья. Если масоны возьмут верх и объявят свои догматы государственной политикой, то это будет такое же государственно-религиозное учение, как и ислам со своей книгой мудрых мыслей по отношению к коровам, баранам, ослам и женщинам.

Сначала иудеи сделали главной книгой «Тору». Затем христиане – «Библию». Мусульмане написали по их мотивам «Коран». У буддистов ничего такого не было, была только

одна проповедь Будды в Бенаресе, в роще Мигадайской, типа что-то Нагорной проповеди Иисуса Христа. И потом еще один деятель вмешался в эту историю со своей «священной» книгой, которая называлась коротко «Mein Kampf» (Моя борьба) и горе было бы всем христианам, если бы автора не остановили на полпути к совершенству по принципам буддизма.

Апостол Пётр

Я иногда раздумывал, а правильно ли поступили мои родители, крестив меня в православие в то время, когда я еще не понимал сущности бытия и вообще не понимал ничего? Не совершили ли они насилие над моей личностью? Возможно, что свыше мне предопределено было стать не тем человеком, каким я являюсь на сегодняшний день и, может быть, для человечества было бы полезней быть представителем одного религиозного течения, проповедующего идею мира и всеобщего благоденствия.

Когда-то мне довелось прочитать эту проповедь Будды и не думаю, что будет вредно, если о ней узнают и другие люди всех верований.

Будда открыл людям четыре истины:

- жизнь в мире полна страданий;
- есть причина этих страданий;
- можно прекратить эти страдания;
- есть путь к прекращению этих страданий.

Чтобы достигнуть этого есть восьмеричный путь, включающий в себя правильные взгляды, правильную решимость, правильную речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильные усилия, правильное направление мысли, правильное сосредоточение.

Складывая все эти религии и анализируя их, мы придем

к выводу, что это есть суть одно и то же.

Собрались четыре человека и решили, кто из них главнее и важнее для людей, и стали они свои религии насаждать огнем и мечом. И разделили мир на четыре части. Словно кто-то свыше разделил на масти одинаковые игральные карты. Четыре туза и у каждого свои короли, дамы, валеты, десятки, девятки, восьмерки, семерки и шестерки.

И что характерно. В свою игру они не принимают язычников и огнепоклонников. Как будто не было Древнего Рима, Древней Руси и Древней Индии. Так насколько же верна религия, вбитая в людей мечом и плетью? Или мы просто рабы и нам не позволено рассуждать на эти темы? Но почему же рабы превращаются в фанатиков, защищая то, что вбито им через силу? Чем безжалостнее религия к человеку, тем больше фанатов или фанатиков ее.

Те же древние, отнюдь не были пай-мальчиками и девочками, травя представителей новых религий дикими зверями, утопляя их в реках и болотах, насаживая на колья и распиная на крестах.

Я верю, что у всех религий есть одна общая судьба – полное исчезновение и превращение их в верховенство Человека во Вселенной, где высшей ценностью будет почитаться сам Человек, познание им непознанного еще мира и сохранение его в неизменном виде для своих потомков.

Земля уже становится тесной для Человека. Мы выйдем за пределы нашей Солнечной системы в поисках братьев

по Разуму. Но эту новую религию нельзя насаждать огнем и мечом. Ее можно только защищать убеждением и собственным примером. Все наши дети рождаются одинаковыми и без религиозных воззрений. Они и будут носителями самого высокого и чистого, отбросив всё то, что разъединяло людей на нашей планете.

Новые люди не будут агрессивны и нетерпимы к религиям, если эти религии не будут угрожать их существованию. В это верится с трудом, но союз наций должен сдерживать агрессию к представителям верховенства человеческих ценностей в нашей жизни.

Размышляя на эти темы, я не заметил, как дошел до Голгофы, выйдя в одиночку за пределы Иерусалима. Конечно, это опрометчивый поступок с моей стороны, но, вероятно, кто-то хранил меня от встречи с лихими людьми, для которых перерезать горло одинокому путнику было проще, чем высморкаться в придорожную пыль при помощи двух пальцев.

Вдалеке навстречу мне шел человек с седой бородой и одетый так, как одеваются все в этих местах.

– Уважаемый, – обратился я к нему на латинском языке, – не подскажете ли, где был распят Иешуа а-Ноцри?

– А зачем это вам? – с интересом спросил меня путник на том же языке.

Как хорошо, когда есть язык общенационального общения. Когда пала Римская империя, люди, жившие в преде-

лах империи, перестали понимать друг друга. Когда пала Российская империя, в бывших ее составных частях стали искусственно забывать русский язык, на котором общались все. То же было и с Австро-Венгрией, когда все народы дружно забыли немецкий язык с австрийским акцентом. Но когда распалась Британская империя, английский язык остался языком общения и выхода на мировой уровень бывших составных частей этой империи, объединившихся в Британское содружество. От чего это зависит? В первую очередь от ума элиты вышедших из империи частей. Остальное – прилагаемое к уму.

– Видите ли, – сказал я, поправив свою римскую тогу с тремя синими полосами, – легенда о нем тревожит умы многих римских граждан, и я решил своими глазами удостовериться в правдивости того, что о нем говорят.

– Вы, значит, из числа неверующих? – улыбнулся человек.

– Ну, не совсем из неверующих, скорее, из числа сомневающихся, – сказал я. – Я скорее похож на Фому Неверующего и ищу доказательства чудесного воскрешения, которые утвердили бы меня в моей вере.

– А откуда вы знаете про Фому? – настороженно спросил меня мужчина.

– Люди многое говорят, – ответил неопределенно я, – а правда ли, что Мария Магдалина (Maria Magdalena), к которой первой явился Иисус, была не только мироносицей, но и гражданской женой Христа?

– Кто это вам сказал? – мужчина спросил и стал озираться по сторонам.

– Не бойтесь, – успокоил я его, – я один и наш разговор никто не слышит. Да и я не намерен кому-то рассказывать о том, что их не касается. Почему бы Иисусу не явиться прямо к вам, как к первому из его апостолов? А он явился именно к Марии из Магдалы? И это она поведала вам о его явлении.

Я заметил, что своим предположением попал в точку. Со мной разговаривал апостол Пётр. Сейчас он смотрел по сторонам в поиске чего-то тяжелого, чтобы можно было тюкнуть меня по темечку и уйти в неизвестность от человека в непонятной римской тоге.

– Вот тебе мой нож, Пётр, – сказал я и протянул ему кинжал, – но учти, если ты меня ударишь по левой щеке, я не буду подставлять правую, а так врежу, что мало тебе не покажется.

Пётр посмотрел на меня, улыбнулся и отвел мою руку с кинжалом.

– Ты говоришь, как человек из другого мира, – сказал он. – Учитель говорил нам, что мы понесем его мысли в народ. Народ уверится в них и будет меньше грешить. И вера в Бога единого захватит весь мир. Так ли это, незнакомец?

Беседа с Петром

– Ваш Учитель был прав, – сказал я. – Христианство будет одной из мировых религий и центр ее будет в городе Риме.

– Боже, – Пётр упал на колени и вознес руки к небу, – я никогда не сомневался в словах Твоих и идеи Твои бессмертны, как и ты сам и как царствие Твое. Я сегодня же отправлюсь в Рим просвещать неразумных многобожников вере Твоей...

Он что-то еще говорил, а я уже думал о том, что на первых порах размещу его в рабочей инсуре, где он сможет жить и проповедничать.

Встав с земли и отряхнув длинную рубаху, Пётр приложил руки к груди и поблагодарил меня за добрую весть, сказав, что я шутил, сравнивая себя с Неверующим Фомой.

– Нет, Пётр, – сказал я, – я совершенно не шутил, потому что кроме веры в Иисуса Христа, есть веры в других сыновей Божьих, которые совершенно на него не похожи. Вот поэтому я и ищу тебя, чтобы ты помог встретиться с Иисусом, и чтобы он наставил меня на путь истинный...

– Не богохульствуй, – грозно сказал мне Пётр, – у Бога нет других сыновей. Иисус его единственный сын.

– Прости меня, Пётр, – сказал я, – но ты сам спрашивал у Иисуса о его божьих братьях или сам Господь Бог тебе сказал, что кроме Иисуса у него нет других сыновей?

– Как ты просто говоришь о делах божьих, – сказал возмущенно Пётр, – ты не боишься, что Бог тебя за это накажет?

– Вот видишь, Пётр, – улыбнулся я, – ты говоришь так, как те священнослужители, которые не знают, как ответить на трудный вопрос. Они сразу начинают говорить о богохульстве. А почему ты не будешь упрекать меня в твоём хульстве, если я спрошу о твоём брате Андрее? Бог снизошел до человека, послав нам Сына своего для искупления наших грехов. Неужели он не может ответить на такой простой вопрос? Я специально приехал в Иерусалим, чтобы получить ответы на эти вопросы. А тебе самому не интересно узнать эти ответы?

– Не искушай меня, незнакомец, – заговорил Пётр и, встав на колени, стал быстро читать молитву, – Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое...

Я тоже перекрестил лоб. Как говорят, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Все-таки в святых местах нахожусь, два десятка с небольшим лет прошло после распятия Христа, это примерно столько же, сколько прошло лет с распада СССР, еще живы свидетели того времени и тех событий. С годами все утрясется, все позабудется. Будут написаны новые сказки про это время и все, жившие в то время люди, будут с умилением читать то, что напишут для них писатели, получившие социальный и политический заказ восславить Реформацию в России, возвести в сан святых отцов перестройки и нарисовать нимб над их головами. Их лики

намалюют на иконы, иконы покроют золотой и серебряной амальгамой или титановым напылением и засияют они новым светом, затмевая старых богов и святых.

Все, что делается в конкретный день и час должно быть зафиксировано в документе, иначе все это не будет приниматься на веру потомками. Им, как и нам в наше время, устные рассказы тоже не в веру, бумажку давай, где про все это и прописано. Лучше всего газетку с официальной статьей от официального органа. И что интересно? С течением времени эта газетка становится таким секретным или даже совершенно секретным документом и хранится в архиве с такой тщательностью, что и не подумаешь, что именно в эту газетку ты завертывал пару селедок на пикник, а оставшийся кусок газеты использовал по прямому назначению в кустах неподалеку.

Так что, каждое сказанное и запечатленное слово, становится важным документом или доказательством того, что деяние сие есть славное или совершенно бесславное, но опять же, в отношении одного человека это славное деяние оказывается бесславным, а для другого – бесславное деяние оказывается славным.

Так и я сейчас, запечатлевая все, что происходило в Иерусалиме в начале шестидесятых годов от Рождества Христова, как бы становлюсь свидетелем всего происходящего там и приглашаю вас в свидетели этого. Если вы читаете все это, то и вы становитесь соучастником этого действия. Если вы

не хотите, чтобы вас привлекли за соучастие, то хватайте книжку двумя пальцами за уголок и бегом бегите в полицию или в инквизицию, чтобы кто-то другой, кто подсмотрел, что вы читаете, не успел прибежать вперед вас.

– Вставай, Пётр, – потрогал я апостола за плечо, – пойдём вместе к Голгофе, сопричастие со всем происходящим сильнее всякой молитвы. Считай, что одного сомневающегося ты приведешь к вере истинной, только смотри, кого вести к вере в первую очередь.

Пётр встал, осмысливая, что я говорю.

– А не все ли равно, кого вести к вере, – ответил он, – если человек стремится к слову истинному, то не надо мешать ему.

– Ты прав, – согласился я. – Если ты поведешь к вере истинно страждущего человека, готового жизнь свою положить за веру, то твои слова верны. А если ты поведешь к вере Иуду, который пришел, чтобы продать тебя и твоих учеников за тридцать сребреников, то тогда как? Ты и Иуду введешь в число своих учеников, показав всех окрещенных тобой, и отдашь их ему на расправу? Так будет ли угодно Богу такое апостольство? Учти, весь Рим состоит из праведников и иуд. Так кого ты поведешь к причастию? Я и сам в затруднении, кого первого вести к кресту. А кто совет в этом деле может дать? Только Он? Так, давай, и спросим его. Кроме тебя нет человека ближе к Нему.

– Смотрю я на тебя и не знаю, то ли ты ангел, низверг-

нутый с небес, то ли новый Понтий Пилат, пришедший для выкорчевывания веры Христовой из Иерусалима, – сказал Пётр. – Все вроде бы правильно и складно говоришь, а вот разобраться в тебе не могу. И вопросы у тебя такие, что никто, кроме Учителя, не сможет на них ответить. Пойдем, помолимся вместе, может Учитель наш и снизойдет к нам, чтобы тебя на чистую воду вывести.

День был не праздничный и не воскресный, поэтому на Голгофе было пусто. Ни одного человека, чтобы поглазеть на мучения приговоренного. Только три окровавленных столба стоят как сиротинушки рядом с брошенными перекладинами распятия.

Пётр встал на колени и начал беззвучно молиться. Тоже сделал и я. У меня нет никакой определенной церемонии молитвы. Наверное, у всех так же. Хотя, рассматривая молящихся в храме, можно увидеть тех, кто рапортует обо всем содеянном и просит благодарности от святых за свои деяния. Другой – признается как перед прокурором. Третий – так же ловчит, как перед дознавателем или перед родственниками тех, кого он обидел. Четвертые – молчат, не имея морального права обременять Всевышнего своими просьбами и мольбами. Пятые – просто разговаривают с теми, кому они молятся и обсуждают с ними свои проблемы, не прося для себя милостей, а только совета, как поступить в том или ином случае. К тем, пятым, отношусь и я.

Я стоял перед столбами и мысленно представлял всю эту

церемонию, которую многократно видел в исполнении актеров различных киностудий и представлял, что все было проще и низменнее. И столбы эти не такие высокие, и расстояние от толпы до казнимого не такое уж большое.

Так всегда бывает, когда едешь посмотреть на какое-то чудо света, воспетое в стихах и красках и сфотографированное с таких ракурсов, что человек на снимках кажется пигмеем. А приезжаешь, смотришь и только чувство разочарования от этого чуда. Здесь же все по-другому. Высота столба примерно два с половиной человеческих роста, то есть около четырех метров. Перекладина в размах руки, то есть в человеческий рост, примерно метр шестьдесят. В то время люди были невысокого роста.

Здесь же на месте казни четко представляешь человеческую злобу, обрушившуюся на праведника по воле толпы, которая из двух зол выбрала самую меньшую. И начальники этих людей всё сделали чужими руками. Типа, мы, мол, здесь ни при чём.

А если представить, что Понтий Пилат взял бы и сказал: – Я отпускаю Иешуа а-Ноцри, невиновен он!

Что бы тогда было? Было бы одной религиозной сектой больше, и мало бы кто уверовал в то, что Учитель был сын Божий, и что именно к нему спустился Дух божий, указав на него Иоанну Крестителю. Да мало ли что. Если религия не обслуживает власть, то она погибает. Вот и получается, что религия есть идеологическое воплощение существую-

щей власти, а Пилат действовал по воле Бога.

Глас Божий

– Да, ты прав, – сказал кто-то надо мной, – каждая религия, как и политическая партия, ведет к власти. Иначе, зачем людям собираться вместе и исповедовать взгляды, которые отличаются от тех, что поддерживаются существующей властью. Не зря же на табличке надо мной написали «Иисус Назорей Царь Иудейский». И Пилат сказал фарисеям: я написал то, что я написал. Но и они ошиблись. А вот ты знаешь, сколько есть царств христианских?

Все познается в сравнении. Сначала Господь призвал Моисея и дал ему слово божье в скрижалях написанное. И стала монополия на слово Божье. И погряз весь мир в смертных грехах. Ни моры, ни потопа не смогли очистить род человеческий от грехов. Тогда послан был я, чтобы искупить все грехи. И что увидел Господь не земле? Многобожие Рима и гордыня веры Моисеевой. И еще были посланы пророки Магомет и Будда, чтобы народ весь был к близкой ему религии пристроен, чтобы славил её, привлекал близких людей, и чтобы правил он в отведённых ему частях света. Все религии должны уравнивать себя, потому что при нарушении равновесия начнется Апокалипсис, перед которым Всемирный потоп это детский уголок в парке водных аттракционов.

Это я говорю не только тебе, но и Петру. Дай ему знания,

чтобы он усердие в вопросах веры не превращал в межрелигиозную рознь. Не гневите Отца нашего.

Я поднял голову и не увидел никого, только ощущался неуловимый запах ладана. Я посмотрел на Петра. Он тоже изумленно смотрел на меня.

– Ты все понял? – спросил я его.

Пётр утвердительно кивнул мне головой:

– Я не думал, что ты такой великий человек. Учитель являлся только Марии из Магдалы и нам, когда мы оплакивали его. И еще тебе. На меня он даже не посмотрел, но говорил так, чтобы я прислушивался к тебе. Говори, что нужно делать.

– Поедем со мной в Рим, – сказал я, – будешь делать этот город христианской столицей мира.

Как всё просто. Да, так всё просто. Всё самое сложное является самым простым. Один древний исторический персонаж, кстати, проживавший в Риме, о самом сложном деле говорил просто – *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил).

Что-то мне подсказывало, что именно апостол Пётр поможет мне выбраться в свое время. Как? Я не знаю, но что-то нужно было делать. Научного объяснения моего нахождения здесь нет. Следовательно, если нет научного объяснения, то нужно искать божественное. И я что-то нашел, хотя, снова уточню, я не видел явления ко мне Иисуса, только слышал его голос в своем сознании. Зато это все видел Пётр и подтвердил, что всё это было со мной. Если бы он это не видел

и не слышал, как бы он мог подтвердить то, что видел и чувствовал я? То-то и оно.

Официальные лица Иерусалима устроили для меня экскурсию по городу. А что там, собственно говоря, смотреть? В современном Иерусалиме еще что-то можно было смотреть, а пока Иерусалим всего лишь небольшой городишко без достопримечательностей. Это уже потом начнется антиримское восстание. Потом Рим снова вернет протекторат над Иерусалимом. Затем христиане потеснят иудеев, потом придут мусульмане, потеснят тех и других, а потом... Если хотите поподробнее, что было потом, то литературы по этому поводу написано очень много. Я же собирался возвращаться в Рим и наносил прощальные визиты.

Пётр стал сотрудником моей туристической экспедиции, но для всех он был наёмным работником-проводником нашей группы. Он очень быстро сошелся со всеми слугами и рабами и стал у них комиссаром, призывающим стойко переносить все тяготы и лишения рабской жизни.

Помимо человеческого участия, Пётр вел и религиозную пропаганду. Я видел, как депутат вместе с ним крестился и читал на латыни молитвы, а Талии вообще души в нем не чаяли.

В одно прекрасное утро Пётр и Талии исчезли. Слуги сказали, что они ушли погулять по городу. Ушли так ушли, проголодаются и к обеду вернуться. Но они вернулись только поздно вечером. Женщины были очень задумчивые, и я

с некоторым подозрением смотрел на них и на апостола. Неужели Пётр показывал им свою мужскую силу, сохраненную в постоянных молитвах и проповеднической работе?

Завесу тайны приоткрыл сам Пётр и то только для меня. Он рассказал, что водил женщин на реку Иордан и там крестил их, назвав одну Анастасией, а другую Феодорой.

Все правильно. Начинать нужно с себя и со своего окружения.

Обратный путь не изобиловал приключениями. Всё шло своим чередом. Дневной переход с привалами на принятие пищи и отдых, ночевки и снова дневные переходы. Затем ожидание попутного судна. Морской переход и вот она Остия, откуда рукой подать до Рима.

Мои помощники, а теперь уже полные владельцы бизнеса и официальные граждане Рима меня ждали.

– Нам спокойнее, когда ты рядом, – в один голос говорили Птолемей-Толик и Петроний, пожимая мне руки.

Я тоже был рад их видеть, соскучившись по энергичным ребятам, которые действительно являются отличными исполнителями, но руководители из них весьма посредственные. Так часто бывает. Двигаешь человека вперед, и он на любом уровне будет на высоте, но только на второй роли.

Петра я определил на жительство в рабочую инсулу. Он там жил всего одну неделю, а потом римские христиане взяли его на свое содержание и предоставили ему место для проживания рядом с ними.

– Пётр, изложи свои мысли об Учителе и передай рукопись мне, а я сделаю так, что таких рукописей будет много, и они смогут дойти до всех, стать настольными книгами у просвещенных людей и кандидатов в христианство, – предложил я.

– У меня уже есть такая рукопись, – сказал Пётр, – я попрошу переписать ее начисто и передам тебе.

На том и договорились.

Я не знаю, что Талии сообщали обо мне Марку Юлию Хромому, но я точно знал, что это мои связные с миром христиан.

Типографская Библия

Я давно хотел заняться книгопечатанием или книгоиздательством. Сам я немного писал в свой письменный стол и даже научился переплетать книги, распечатывая все написанное мною на принтере и брошюруя листы в книги. Так они и стоят на полках, радуя графоманский взгляд.

Когда-то раньше издатели искали талантливых людей и помогали им проявить свой талант. Но когда издательство книг имеет целью одну наживу, то талантам нужно становиться ремесленниками, чтобы писать модные тексты на потеху читающей и пресыщенной публике.

Я составлю конкуренцию переписчикам книг, специалистам каллиграфии и художественного письма, зато я сделаю книги массовым и доступным для грамотных людей товаром, перейдя от свитков к стопкам плоских листов бумаги. Это будет революция в древнем мире и огромная помощь в распространении христианства.

Можно печатать двумя способами. Первый. На деревянной доске резчик вырезает буквы в зеркальном изображении. Потом эти буквы намазываются краской, и к ним прикатывается бумага. Книга на двести страниц потребует двести досок с буквами, и работа по подготовке досок затянется на долгие месяцы. Такой способ применим только для литографии, то есть для создания иллюстраций к книге.

Второй способ. Это изготовление литер из дерева, а потом создание на их основе гипсовой или глиняной формы и отливка их из олова или другого мягкого металла. Я сделал чертеж литеры и посадил на изготовление форм литейщиков и резчиков. Главное – это выдержать кегли – расстояние между передней и задней гранями и толщины – между боковыми гранями. Чтобы текст печатался ровным, буквы должны быть одной высоты и на одном расстоянии друг от друга.

Мне было намного легче, чем первопечатникам Иоганну Гуттенбергу и Ивану Федорову. Обратите внимание, что два Ивана открыли печатное дело. Они всё изобретали сами, а я пользуюсь их трудами и усовершенствованиями более поздних печатников.

Во всех сказках всегда напоминают, что скоро сказка сказывается да нескоро дело делается. Так и у меня, вроде бы обремененного современными знаниями, не все получалось. Я воплощал в жизнь идею, о которой слышал, но никогда не видел, поэтому я тоже могу ставить себя в ряд первопечатников.

Прошло несколько месяцев, пока, наконец, резчики и литейщики не принесли пригодные для печатания литеры в зеркальном изображении. Я сам набирал латынью первую страницу из «Энеиды» Публия Вергилия Марона:

Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.

С ложа высокого так начинает Эней-прародитель:

*«О царица, велишь обновить несказанное горе:
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, всё, чему я плачевный свидетель,
Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом,
Кто – мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса
Слёз не прольёт! Но влажная ночь уже низлетела
С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звёзды.*

Для набора текста нужно, в первую очередь, иметь мозги набекрень, чтобы читать все зеркально. По-моему, те, кто умеет читать зеркально, относятся к категории гениев. Хотя и это тоже спорное утверждение, потому что изначально все люди гении, только одни сумели раскрыться, а другие этого не сумели сделать и прозябают в виде людей умных или малоумных на должностях их уму и способностям не соответствующих.

Набор текста – это не самое главное. Главное – правильно все отпечатать, чтобы краска легла ровно и все буквы были видны и читались. А для этого валик нужен тяжелый и мягкий, или еще лучше плита прижимная с механическим прессом. А краска типографская? Ее-то где взять? Проблему поставить легко. Решить много труднее.

Иногда и в нашей жизни бывает такое, что хочешь чего-то сделать, а для реализации затеи то денег нет, то инструмента подходящего, то материала нужного. Вот и приходится делать из того, что есть и ведь получается, если намерения твердые и руки растут оттуда, откуда положено.

Сколько же я растирал чернильные орешки, добавлял к ним сажу от сгорания дров и от жертвенных очагов, жирную такую сажу, добавлял пальмовое масло, и получилась густая краска, которая смотрелась не хуже настоящей типографской.

Пришлось узнать, что чернильные орешки – это наросты на дубовых листьях. Наросты вызваны червячками-вредителями, которые заражают дерево.

Как бы то ни было, но первый лист вышел комом. Второй тоже, зато десятый был удобоварим, то есть вполне приглядным. А к этому времени мне принесли и рукопись апостола Петра, и принес ее грамотный христианин, которого я и подрядил для набора рукописи, положив ему заработную плату как печатнику.

Параллельно я обучал трех переплетчиков, которые изготавливали бухгалтерские книги, женские альбомы и записные книжки для богатых людей.

Собственно говоря, если подумать, то всегда есть много дел, куда можно приложить свои знания и умения для получения дополнительной прибыли, но для этого нужно много работать. От одного хотения появляется только аппетит, но никак не деньги в кошельке.

Первая книга получилась объемной и интересной. Сам немного почитал первое и второе послание апостола Петра о добродетельной жизни, предчувствии скорой кончины, благовестии очевидца и пророчествах, о лжепророках и лже-

учителях, втором пришествии и кончине мира.

Пока мы делали первую книгу с большим шрифтом, нам сделали шрифт с меньшим кеглем. Мы отпечатали сто экземпляров и везде на первой странице заглавие «Petr biblios», что можно перевести как библиотека Петра, так и книги Петра. Не исключаю, что от этой, придуманной мною надписи, родилось и современное слово «Библия».

Попытка спасения Петра

Появление печатной продукции подстегнуло христианскую пропаганду в Риме и, естественно, всполошило власть предрержащих, благо они уже знали, что я привез Петра в Рим, и я же снабдил его невиданными печатными свитками прямоугольной формы, которые можно читать, не переключив бумагу из руки в руку.

Информация о моих деяниях регулярно поставлялась Хромому через двух Талий – Анастасию и Феодору.

А тут выяснилось, что одна жена у императора Нерона стала христианкой. Он ее бросил, женился на другой женщине, но и та приняла христианство. Нерон ополчился на христиан и стал их просто-напросто уничтожать.

Говорил я Петру, чтобы не лез он в высшие круги, а проводил пропагандистскую работу в низовых ячейках, окружая христианами все социальные слои империи. Завоевали большинство в низах, пошли к ремесленникам. От ремесленников к торговцам, потом к людям ученым и к военным, а там окажется, что все христиане и только император язычник. Тут, как говорится, выбирать нужно.

Нерон тоже это понял и выбрал. От младшей Талии-Феодоры я узнал о том, что отдан приказ об аресте Петра.

Поздней ночью я вывез апостола за городские ворота и отправил в порт Остию, чтобы он укрылся где-нибудь в отда-

ленных провинциях.

Мы расстались с Петром на заре. Я на лошади поехал на свою виллу, а он на ослике потрусил в сторону Остии.

Лежа на жесткой кушетке, я размышлял о том, когда же человеку жилось лучше, в какие времена и в какие годы. Когда человек был счастлив так, что, выйдя поутру из дома, вознес бы руки к небу и закричал:

– Остановись, мгновение!

Конечно, у всех были такие мгновения, но не все время. Если человек доволен всем, то он умер.

Я лежал и думал о нашей России. Все наши философы и мечтатели думали о России в лежачем положении, либо на теплой печи, либо на мягкой кушетке-козетке с бокалом красного рейнского, разглядывая его на просвет свечи и удивляясь рубиновым искоркам внутри.

В лежачем положении чувства смягчаются, и все воспринимается в блаженном виде. Но стоит только встать с лежанки, как все опрокидывается в горизонтальное положение. И вот тут-то можно разглядеть все наши недостатки.

Тема недостатков всегда была у нас главной, и обсуждать ее начинали после четвертого или пятого тоста, сразу после женщин. Обсуждают эту тему горячо, используя для спора все аргументы, в том числе и кулачные.

Ладно, это в компании по пьянке, а когда это делается в масштабах всей страны, да еще на трезвую голову? Вот тогда люди пьянеют от запаха горячей крови людской и стано-

ваться волками серыми, не видящими никого кроме себя.

Иисус пришел на землю, вернее, родился на земле, чтобы взять на себя все грехи человеческие, а вот Россия появилась на земле только для того, чтобы отведать все дерьмо, которое нормальными людьми выбрасывается на свалку.

Все страны развивались ни шатко, ни валко, с течением времени понимая, что вместе – они сила и что каждый человек в стране – ценность. Правители это не понимали и размазывали людей как грязь по стене. Заканчивалось это тем, что правителю отсекали беспутную башку, а наследника связывали конституцией, по которой он не мог ничего сделать без совета с населением через выбранных ими парламентариев. А если и это не помогало, то от правителей оставались их кресла, хранимые в музеях как показатель того, что с людьми шутить не надо.

Россия, как и все, удачно сползла с деревьев, откинула хвост и стала развиваться по всем законам цивилизованного мира, попутно спалив божков, утопив в реке жрецов и возведя византийские храмы с византийскими же священниками, проповедующими слово Христово на языке арамейском. Ладно, однобожие это сродни единоначалию с общественными институтами власти.

И тут Бог лишил разума князя-крестителя Руси. Разделил он царство свое большое на множество княжеств маленьких, и запыхала Русь войной, запахло повсюду кровью большой. Пошли брат на брата, отец на сына и сын на отца. Пой-

мали их на междоусобице орды монгольские и поработили на триста лет и два месяца.

Стали жить каждый по себе, откупаясь от ордынцев данями большими и малыми, помогая им усмирить непокорных. И до сих пор эта вражда к ближнему своему живет в каждом русском. Гены стали такими и ничего с этим не поделаешь, кроме как новой генной прививкой.

Поджог соседа своего, так плетью будет порот весь род твой и сродственники по разным коленам. Не помог брату своему в трудную минуту, так весь род твой будет лишен всех благ и пойдет куски собирать в холщовые сумки.

Конечно, я говорю об этом утрированно, но ведь и в России были законы древние. Возьмите хотя бы «Русскую правду» Ярослава Мудрого. Такие же законы были в Византии, Скандинавии, и в Риме были такие же законы, только несколько более совершенные, но каждый свод законов узаконивал ту общественную формацию, которая существовала на тот момент. Та же правда Ярославова была законодательством рабовладельческой Руси. И мы не избежали этой чаши.

Потом все правды были частью отменены монгольскими захватчиками и применялись только те, что не противоречили монгольским установлениям.

В те триста лет, что запад развивал науки и искусства, русичи выживали сами по себе. И кто виноват был в этом? Простые люди? Вот уж не надо. Взял власть, так неси ответствен-

ность по полной программе и жди, что люди будут приходить плевать и гадить на твою могилу.

После того, как русичи сбросили с себя иго, так жить бы по правде и воле человеческой, так ведь нет никакой правды. Никак люди не могут найти то Куликово поле, где бились орды монгольские и витязи русские. Поле нашли, а вот доказательств того, что битва там была, нет до сих пор.

Да и в результате монголо-татарского ига пределы Руси расширились, а центр ее переместился в Москву и вообще непонятно, кто у кого был в иге. Если смотреть на это дело со стороны, то все происходящее никак не укладывается в то, что написано в историях российских, которые и по сей день называются сказками.

Арест Петра

Наша история прерывается на царствовании полоумного Ивана по современному прозвищу Грозный, закончившемся великой Смутой, и начинается одним из царей новой породы Романовых Петром, который удумал одним махом Россию сделать цивилизованной державой с западным политесом, но с восточным рабством и замашками улусных властителей.

Наследовавшая Петру немецкая принцесса принесла в Россию Серебряный век и процветание с рабами бессловесными, продаваемыми оптом и в розницу благочестивыми помещиками-рабовладельцами, составившими славу и гордость России.

Затем Александр Первый – победитель Наполеона. За труды народные по очищению земли русской от неприятеля оставил народ в рабстве крепостном, но усовестившись в содеянном, ушел в богомолье простым старцем, где и был бит плетьюми уездным начальником. Чего насаждал, то и получил по мягкому месту.

Следующий царь – Николай, довел Россию до поражения в крымской войне и ничего путного не сделал для развития ее. Зато был личным цензором у поэта-рабовладельца Пушкина Александра Сергеевича, которого произвел в классики русской литературы и поручил во всех школах учить неко-

торые его стишки, типа «Вечор, ты помнишь выюга злилась, на мутном небе мгла носилась», потому что все другие то обличали царей в сказке о царе Салтане, то клеймили попов толоконных лбов.

Александр Второй – освободитель, ввязался в войну с турками за Балканы и дал свободу крепостным, за что и был убит революционерами. Угробил десятки тысяч русских людей в Балканской войне и обеспечил России достойного противника в двух мировых войнах – «братскую» Болгарию.

Третий же Александр послал все западные страны в одно место и стал заниматься Россией, но пример не был поддержан наследниками.

Его сын, Николай под вторым номером, стал последним российским императором и был расстрелян вместе с семьей новыми хозяевами страны – гегемонами, вышедшими из среды крепостного крестьянства.

Российская интеллигенция разделилась на два лагеря: революционеров-большевиков и патриотов, и каждый врал народу о ждущем их счастье в результате победы в Гражданской войне.

Победили большевики, которые обещали, что те, кто был никем, тот станет всем, а все заводы, фабрики и земля будут в собственности народа, а все нации будут иметь свои государства по праву самоопределения вплоть до отделения. Куда там патриотам, которые выступали за единую и неделимую и за непонятное Учредительное собрание,

разогнанное матросом-большевиком Железняком, который «шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Советскую власть можно назвать большевистским игом, потому что народ выкручивали не хуже монголо-татар, да-нюю было раболепие и политическое угодничество перед властителями. И расправа с непокорными короткая – тройка-каторга-расстрел. Раболепным – должности-деньги-дачи-машины-ордена-премии-лампасы-погоны и при малейшей провинности – тройка-каторга-расстрел. Как у монголов.

Во всех войнах русские показали свое неумение воевать. Давили числом и кровью. Из настоящих полководцев были только генерал Суворов Александр Васильевич и адмирал Ушаков Федор Федорович. Только у них войска учились военному делу и знали свой маневр. И только они были непобедимыми полководцами и флотоводцами, знающими цену русскому солдату, да и все иностранные завоеватели и противники уважали силу суворовских солдат, ушаковских матросов и его морской пехоты.

Ушаков стал святым, и Суворов достоин такой же чести.

После Суворова и Ушакова был генерал Скобелев Михаил Дмитриевич. Ак-Паша. Белый паша. Освободитель Болгарии и покоритель Средней Азии. Болгары хотели избрать его своим царем, но русский царь вдруг оскорбился, как это он будет наравне с простым русским генералом пусть и талантливым полководцем. Вот так царское чванство измени-

ло историю не в нашу пользу.

И все. После Скобелева были генералы, плохие, хорошие, но полководцев не было.

Когда в войну вмешивались цари и Верховные Главнокомандующие, русскую армию постигала катастрофа.

Вся история моей страны укладывается в христианизацию, борьбу с язычниками да староверами, монголо-татарское иго, Великую смуту, крепостное право, социалистические иго и перестройку с демократией.

Я стал было задремывать, но в комнату вбежал Петроний и сообщил, что Пётр задержан и находится в императорской тюрьме.

– Вот те раз, – подумал я, – сам проводил его и указал дорогу, на которой его не будут искать, просто никто не подумает, что там можно ехать. Кто же нас сдал?

Мои размышления прервал громкий стук в дверь. Так стучат только те, кому положено так стучать – власть! Демократия демократией, но любой ефрейтор старается использовать те преимущества, которые ему дает лычка.

В открытую дверь вошел целый центурион с плюмажем на шлеме.

– Октавий Май Брут, – торжественно провозгласил он, – вас приказано доставить ко двору императора Нерона. Можете взять с собой одного раба.

И все. Что, зачем, почему? Хорошо, что не бьют и не связывают. Обыска тоже не делали, значит это не арест.

Во дворец меня везли на носилках. Вернее, несли целых четыре раба. А это уже какая-то почесть. Хотя, императоры могут себе позволить расстелить перед эшафотом рулон шелковой материи, типа, ничего личного, работа такая са-трапом быть.

Марк Юлий Хромый

Меня доставили не к императору, а к начальнику его контрразведки Марку Юлию Хромому. Точно таким же был и Малюта Скуратов у Ивана Грозного. Всемогущий человек, который, если бы захотел, стал императором в два счета, и точно так же лишился бы своего поста и жизни, если новый начальник контрразведки обладал бы императорскими амбициями. Замкнутый круг, из которого можно выбраться только при смене главы сыска вместе с его головой. Как Сталин. Расстрелял Ягоду. Поставил Ежова и расстрелял его. А уж третий – Берия даже косога взгляда вождя боялся. Тут не то, что о заговоре думать, как бы самому живым остаться.

В окружении тирана – все тираны. И в окружении не тирана – все равно все тираны. Не верьте в то, что казненные предшественники были ангелами в белых одеждах и что их нужно чохом реабилитировать, и еще ордена дать посмертно как борцам с режимом. Они сами были опорой режима и репрессировали их за то, что были уж слишком одиозной опорой, которая так подкосила здание государства, что его никакими репрессиями не выправить.

– Ну, здравствуй Октавий Май Брут, – сказал Хромый, указывая рукой на кресло-кушетку, – садись, в ногах правды нет, а она нам будет нужна сегодня.

Я молча сел, выжидая, что еще скажет хозяин, запустив-

ший тезис о правде и вызывая меня на уточнение сего вопроса. А я ничего не буду уточнять. Пусть сам уточняет, если хочет. Я к нему в гости не напрашивался.

Хромый прошелся по кабинету, посмотрел в свиток, лежащий на столе, посмотрел на меня, прижав к глазу сложенный в трубочку кулак. У нас дальновзоркие граждане делают так же. Попробуйте, сожмите руку в кулак и оставьте в нем свободное пространство, чтобы можно было смотреть, и вы увидите, как четко просматриваются удаленные от вас предметы. На таком же принципе сделаны корректирующие очки с множеством отверстий, сквозь которые увеличивается четкость видимых предметов.

Мне кажется, что точно так же голландец Антони ван Левенгук в шестнадцатом веке изобрел микроскоп, с помощью которого он первым увидел бактерии. И изобретение это, так себе, хотя является величайшим открытием в истории науки. В металлической пластинке просверлил коническое отверстие и капнул в него каплю воды. Вот так он получил увеличение в тысячу раз, как в электронном микроскопе, и увидел бактерию, которая хищно глядела на него в самое узкое отверстие его изобретения.

Я глядел на Хромого и ждал. Нужно будет открыть мастерскую по плавке стекла и начать делать линзы, чтобы обеспечить очками весь Рим.

– Чего молчишь-то, – не выдержал Хромый, – или ответить нечего и придумываешь, что тебе сказать? Ты вот кто

такой и как ты в Рим попал?

– Кто я такой? – переспросил я. – Да ты же меня знаешь. Меня и сам император знает, мы с ним песни вместе пели.

– Песни пели? – спросил Хромый, посмотрев на меня с прищуром. – Да у нас тут самые лучшие друзья и кровные родственники на коленях ползают, песни поют и пощаду себе вымаливают. Захочу, и ты будешь ползать.

Я промолчал. Хромому ничего не докажешь. Да ему и не нужны доказательства. Если человек внесен в проскрипционный список, то есть на уничтожение, то что бы он ни говорил, как бы он ни защищался, кто бы его ни защищал, результат один – стенка, расстрельная группа и команда – фойер! Хотя, в Риме не расстреливают, режут как на Кавказе. И там, и там приносят кровавые жертвы, правда, в Риме на улицах не режут баранов, это только наши «римляне» делают в Москве, чтобы показать всем, кто в этом городе хозяева. Сейчас понятно, откуда в гостинице зарезанные поримски трупы.

– Ладно, не хочешь говорить – не говори, – спокойно сказал главный инквизитор Нерона, – я пока поговорю. Я так и не узнал, откуда ты взялся, где родился и где твои корни. Ты очень быстро стал римлянином, проявив способности к изучению нашего языка и взяв в свои руки приготовление деликатесов, востребуемых самыми богатыми людьми и доступных для всего населения. Ты начал поджаривать подсолнечные семечки и продавать их на площадях вместе с жарен-

ными каштанами. Ты замусорил весь Рим. Все ходят и плюются. Даже в сенате валяется шелуха от семечек. Мои дети едят семечки, и я балуюсь ими на досуге. Это раз. Второе. Где ты так научился драться? Мои люди проверяли во всех наших провинциях и приграничных территориях, и нигде люди так не дерутся. Это так, семечки. А вот самое главное. Ты привез в Рим проповедника-христианина Петра и организовал печатание «Библии», резко увеличив число проповедников и христиан в городе. За один день ты сделал столько книг, сколько пятьдесят переписчиков писали бы в течение года. Зачем тебе нужен Пётр? Всем христианам уготована незавидная участь и то, что они делают, люди скоро забудут. Но ты же гражданин Рима. Ты не подумал, что ты можешь потерять от поддержки Петра?

Вероятно, все общества одинаковы. Что Рим, что социализм, что фашизм. Всюду всеподавляющая идеология исключительности одной группы людей над другими людьми, поддерживаемая репрессиями и их карательные органы одинаковы, что гестапо, что НКВД, что преторианцы.

Я немного подумал и сказал:

– Каждый человек ставит на красное или черное. А в итоге оказывается, что он ставит на жизнь или на смерть.

Последняя встреча с Петром

– Так, – задумчиво спросил меня Хромый, – в какой же цвет ты покрасил нашего императора?

– Человек ничего не красит, – сказал я, – красит история. Скоро Нерон подожжет Рим и все приближенные отвернутся от него. Он умрет как бродяга, и даже ты не бросишь горсть земли на его могилу. Петру уготована скорая смерть и бессмертие. Он будет поставлен перед воротами в царствие небесное, и ты предстанешь перед Петром в свое время. Вот тогда и вспомнишь о том, куда нужно было плевать, а куда плевать не нужно.

– Это тот Пётр, который сидит у меня в камере? – засмеялся Хромый. – Это император будет открывать ему дверь, а не он императору.

– Зря смеешься, – сказал я, – христианство заполонит мир и в городе Риме будет резиденция христианского Папы, откуда он будет править всем христианским миром, который в несколько раз больше и мощнее Римской империи.

– Да, Брут, ты наговорил столько, что никто не сможет оставить тебя в живых, чтобы самому не последовать за тобой, – задумчиво сказал Хромый. – Я сам становлюсь преступником, слушая тебя. Если я кому-то расскажу об этом, то любой человек сразу донесет на меня императору и нас казнят вместе. А если я не донесу, то я совершу измену пе-

ред императором. Ты понимаешь, в какое положение ты меня поставил?

Он встал и походил по комнате.

– Бери мой меч и нападай на меня, – предложил он, – а я тебя убью в порядке самозащиты. Так и запишу, что убил тебя в порядке гражданской самозащиты.

– А ты не думаешь, что так ты обманешь своего императора, и любой придворный сразу догадается, что ты хотел чего-то скрыть от него? – выдвинул я первый пришедший в голову аргумент защиты.

– Ты прав, – почесал голову Хромый, – но почему я должен тебе верить? Ты пойдешь к себе домой и кому-то расскажешь то же самое, а меня убьют за то, что я знал об этом и не арестовал тебя.

– А ты убей сам себя и тогда будешь спокоен за то, что не предал своего императора, а меня будут допрашивать и не поверят моим словам, – предложил я. – Зачем тебе брать ответственность за то, что ты чего-то и кому-то не доложил?

– А ты случайно не Янус? – спросил меня начальник тайной канцелярии. – Являешься неизвестно откуда, смерти не боишься, знаешь все входы и выходы, и мне кажется, что только ты определяешь, когда и чему начинаться, и чем заканчиваться. Великий Зевс прислал тебя сюда, но я хочу посмотреть, кто более могуществен – Зевс или Нерон? Скоро проснется император, и я представлю тебя ему во время казни Петра.

– Уже казнить? – изумился я.

– Да, уже и мы прямо сейчас поедem к твоей вилле, где будет распят нечестивец-христианин, – сказал Хромый, – а по дороге сможешь поговорить с ним, благо пойдете вы пешком, а я там буду дожидаться вас.

Все, что начинается, должно чем-то заканчиваться. Вероятно, подходит к концу и моя история. Я не делал никаких заметок или записей, чтобы не давать в руки следователям аргументов против себя.

Вместе со своим депутатом-рабом и Петром под конвоем мы вышли на рассвете к месту казни Петра.

– Как они тебя выследили? – спросил я.

– Меня никто не выслеживал, – ответил Пётр, – я сам к ним пришел.

– Как сам? – удивился я.

– Понимаешь, когда мы с тобой расстались, я поехал в сторону Остии и вдруг встретил Учителя, – начал свой рассказ Пётр. – Вначале я подумал, что это мне кажется, поэтому я перекрестился и протер глаза. Сомнений не было, это был Учитель. Я подбежал к нему и стал целовать его руки, благодаря Всевышнего за такой подарок.

– Куда ты идешь? – спросил я Учителя.

– Я иду в Рим принять мучение за грехи людские вместо тебя, – сказал он. – Пусть твой черед придет позднее, а пока живи... – и он прошел мимо меня по пути в Рим.

Я догнал его и стал умолять не делать этого, потому что

то, что уготовано мне, и должно быть сделано мною.

Учитель остановился, посмотрел на меня и сказал:

– Я вижу, что у тебя исчезли все колебания в вере нашей, и ты сможешь своим примером распространить наши идеи среди людей. Иди и будь самим собой, не подражая мне и другим праведникам.

И вот я здесь. Я знаю, что сегодня меня казнят, но я смертью своей искуплю грехи развращенного Рима, наставлю людей на путь истинный.

– Мало кто узнает о твоей казни, – сказал я, – зрителей не будет, и никто не посочувствует тебе в мучениях твоих.

– А разве ты не посочувствуешь мне, – спросил Пётр, – разве ты не расскажешь обо мне людям? У тебя есть возможности описать это и напечатать тысячу листов, которые прочитают десятки тысяч людей.

– Я так и сделаю, – пообещал я ему, – но я не знаю, останусь ли жив после твоей казни.

Внимательно посмотрев на меня, Пётр сказал:

– Ты прав. Даже я не могу сказать, что будет с тобой до полудня.

Открытие окна

Когда говоришь с кем-то о важных делах, то не замечаешь текущего времени. Так бывает у художников, которые в процессе творчества теряют чувство времени.

Наш разговор с Петром был прерван зычным голосом центуриона конвоя, подавшим команду остановиться.

Сразу за городской стеной уже был врыт столб, рядом с ним лежала тяжелая перекладина и инструменты палача. Поодаль стояла свита императора, приехавшего посмотреть на казнь главного христианина Рима.

– Ты можешь помолиться своему Христу и попросить его воскресить тебя, – смеялся император, – а я посмотрю, как воскресают распятые христиане. Клянусь Юпитером, это будет забавнее Пиргополинека («Башнеградопобедитель», хвастливый воин-грубиян и его прихлебатель по кличке Хлебогрыз) в комедии Плавта. Или ты хочешь попросить у меня пощады, христианин?

– Спасибо за внимание ко мне, император, – сказал Пётр. – У меня есть одна просьба, которую ты в состоянии выполнить и тем самым не быть похожим на Понтия Пилата.

– Интересно, интересно, – Нерон поднялся с носилок, чтобы показать, что это именно он самый главный здесь и по его плану будет разыгрываться сегодняшняя пьеса. – Говори, чего ты хочешь?

– Я прошу, чтобы меня распяли головой вниз, – твердо сказал Пётр.

Пришла очередь удивиться Нерону. Этого он совершенно не ожидал:

– Ты хочешь сделать так, чтобы я стал извращенцем, нарушающим принципы казней?

– Нет, император, – просто сказал Пётр, – я не могу копировать своего Учителя в принятии мук за грехи людей. Он был распят головой вверх, а я прошу распять меня головой вниз. Ты же должен исполнить последнюю волю приговоренного?

Нерон не знал, что ответить и махнул рукой палачам, чтобы те приступали к казни, а сам удобно устроился на носилках, предвкушая наслаждение новой пьесой.

Не буду описывать эту процедуру, но мучения, принятые Петром, достойны того, чтобы понять святость этого человека.

– А это кто? – спросил Нерон, указав пальцем на меня и раба-депутата. – Этого я, похоже, помню, он мне подарил золоченую кифару. Ты христианин?

Я утвердительно кивнул головой, чтобы не попасть в положение Петра, которому напророчили, что он до наступления рассвета отречется от своего Учителя.

– Так убейте и его! – воскликнул Нерон и махнул рукой.

Чем хороша империя? Император махнул рукой, и людей убили за неповиновение представителям власти или при по-

пытке к бегству. Император сказал – засудить – засудят либо к смерти, либо к вечному заключению с конфискацией имущества в пользу указанных в списочке лиц, либо осудят на сравнительно небольшой срок, но в конце каждого срока будут продлевать его «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами». Что изменилось в мире за две тысячи лет? Ничего, просто первый Рим переместился в третий Рим – в Москву. Сейчас российские императоры примеряют на себя тогу Нерона, только вместо позолоченной кифары у них чёрная труба, по которой денежки туда-сюда катаются, и делать ничего не надо. Завалится третий Рим набок, ну и хрен с ним, на их век нефти и газа хватит

Ситуация, в которую мы попали с рабом-депутатом, была совершенно нешуточная. Два преторианца во главе с десятником с обнаженными мечами медленно шли к нам. Я прижался к городской стене, судорожно думая над тем, что можно предпринять, чтобы смерть была геройской что ли, а не как у барана в загоне. Я уже нацелился напасть на самого ближнего ко мне воина, как почувствовал отсутствие опоры за моей спиной и начал заваливаться назад, падая в какую-то яму.

Ямы, конечно, никакой не было. Мы с депутатом вывалились из стены на мягкую ковровую дорожку зеленого цвета и лежали на ней, разглядывая знакомую обстановку отеля «Lissabon».

Великокняжеская кухня

Первым опомнился депутат.

– А-а-а, попался рабовладелец, – заверещал он, хватая меня за край тоги. – Я тебя по всем судам засужу. Я депутат, а это значит, как министр и я неподсуден, и личность моя неприкосновенная. Снимай с меня ошейник! Я подполковник запаса. За депутатскую работу меня наградили тремя орденами и присвоили пять почетных званий. Я профессор пяти университетов и двух семинарий. Как я объясню эти одежды, гад? – и он со всей силой толкнул меня в грудь.

Я стоял и слушал его так же, как слушают у нас депутатов, обеспечивших себе министерские зарплаты и почти такие же пенсии до выхода пенсионного возраста. Они пользуются всеми привилегиями высшего класса и так же далеки от народа, как и само правительство, распинаящееся в верности идеалам построения социального и справедливого общества на территории отдельно взятой страны, корчившейся от тоталитаризма царей, генсеков и всенародно избранных президентов на пожизненный срок.

Я не был готов к депутатскому толчку и попятился к противоположной стене, в которую провалился как в туман. Ощувив твердую основу под ногами, я ринулся назад, но уткнулся в бревенчатый сруб. Вокруг меня сновали люди, что-то жарилось на очаге и булькало в котле на печи. Это бы-

ла кухня и это была огромная кухня, в которой находилось не меньше двух десятков человек. Каждый был занят своим делом, обеспечивая какой-то пир.

– Дядя Савва, – выкрикнул мальчишеский голос, – глико, ромейский посол на кухню пришел.

Внезапно на кухне воцарилась тишина и все удивленно уставились на меня. Я действительно нелепо выглядел в тоге и в сандалиях на босу ногу у бревенчатой стены под взглядами многих людей. Тишина продолжалась минуты три, а потом все пришло в движение. Людей ждала работа, а не потеха.

Еще через несколько минут прибежал мужичок в шапке, отороченной мехом и одетый по рисункам примерно пятнадцатого века. Он как-то искоса посмотрел на меня, сказал, что он толмач из Посольского приказа и заговорил со мной на латинском наречии, спрашивая, где я оставил верхнюю одежду.

Как русский, я понял, что на улице зима и моя одежда совершенно не соответствует сезону. И что ему сказать? Где моя одежда и как я оказался на Руси в холодное время года, да еще в царских хоробах и не только в хоробах, а на кухне, где готовят для гостей, и что я вообще здесь делаю? Вопросов много, а ответов нет ни одного. Как в КВН. Клуб веселых и находчивых. Как это там мужик, которому жена назадала столько же вопросов, говорит жене: дорогая, придумай чего-нибудь, ты же у меня умная.

Я прекрасно понимал, что как только я заговорю по-русски, да еще на несвойственном тому времени языке, то меня скрутят по рукам и ногам и подвергнут таким пыткам, что не приведи Господь. Тогда считалось, что только под пытками человек может быть искренним. Давайте мне любого пыточных дел мастера, и он на следующее утро сознается, что пытал людей специально для того, чтобы они побольше напраслины говорили и обеспечивали ему постоянную работу.

Тут недавно, баба одна африканская с мужиком в самой демократической стране в мире узаконили пытки подозреваемых методом утопления, чтобы выявлять террористов. Так вот, если эту бабу помакать головой в ведро или пакет ей на голову надевать, то она через полчаса сознается, что сама возглавляла террористов. Сверхдемократия и самодержавие суть есть явления одного порядка. Один делает, чего хочет в своих интересах, а те делают, чего хотят, как бы в интересах всех.

Время шло, а я никак не мог придумать, почему я в тоге стою на русской кухне. Да и пауза стала затягиваться до неприличия. Наконец, я вздохнул и, как бы устыжаясь самого себя, сказал:

– Меня ограбили. Вот здесь недалеко. Сняли с меня все и заставили надеть вот это.

– Вот варнаки до чего дошли, – всплеснул мужик руками, – прямо у хором царских грабят. А ты разбойников опознать сможешь?

– Да как их опознаешь, – сказал я, – морды свирепые, бородаты и все на одно лицо. . . . Да, вот они меня еще по голове сильно стукнули, и я не могу сказать, где я живу и откуда приехал. Даже имени своего не помню.

– Бывает такое, – согласил толмач, – иной раз о низкий косяк так стукнешься, что и не упомнишь, куда шел и зачем, вертаться приходится к тому, кто тебя послал, если помнишь, кто тебя и куда и посылал, – засмеялся он. – Но все равно пошли к нашему дьяку, чтобы определиться со всем.

Мы пошли, а я стал думать, что же мне говорить. Потерявший память это одно, но память должна возвращаться, а что я буду говорить? Рима уже нет и в помине. На его месте десятки государств и даже в самой Италии сидят короли и герцоги. Византии тоже нет. В православных храмах Константинополя на ковриках сидят турки и кричат «Алла». Из документов у меня золотой перстень-печатка с надписью: «Октавий Май Брут» и изображением палочки шашлыка по диагонали.

Мы подошли к двери и заглянули в нее.

– Смотри, – сказал мне толмач, – уже расходиться начинают. Сейчас самая потеха будет. Будут боярина Тырина трясти. Он, шельма, со стола посуду царскую тянет, то солонку серебряную, то чарку позолоченную, то еще чего. Вот сейчас с ним все будут обниматься и трясти его, чтобы вытрясти то, что он со стола стырил. Специальные люди подглядывали за ним, чтобы царю донести, чего он спер, вернее, стырил.

Царь он все должен знать. Если человек жрет зело много, то его на пир в следующий раз и не пригласят. Если ест мало, то нужно узнать, чего это он едой царской гребует.

Внезапно что-то звякнуло, и все сразу уставились на серебряную чарку, которая вывалилась из рукава боярина и предательски зазвенела на полу.

– Ай да Тырин, – захохотали все, – не хочет, а все равно чего стырит.

Хохотал и сам Тырин, вытирая рукой фингал под глазом.

– Это ему за воровство синяк поставили? – спросил я.

– Нет, – смеясь, сказал толмач – это царь-батюшка стравил его с боярином Онуфриевым за честь подраться.

– Дуэль, что ли? – не понял я.

– Дуэль не дуэль, а вот за право сесть поближе к царю нужно побороться. Вот они и поборолись. Тырин-то ловчее оказался, хоть под глаз получил, а к царю поближе сел. На следующий пир царь опять кого-нибудь стравит. У заморских царей специальные шуты есть, а у нашего все бояре готовы по царскому приказу пошутить по любому поводу.

Симеон

Толмач вдруг подбежал к какому-то человеку, одетому попроще бояр, и стал что-то говорить ему, показывая на меня рукой. О чем они говорили, я мог только догадываться, но мне показалось, что начальник хотел меня сбагрить куда угодно, лишь бы не вешать мою проблему себе на шею.

Толмач после разговора с начальником медленно шел ко мне, потирая свою бороду.

– В общем, так, – сказал он, – поживешь пока где-нибудь, а мы о тебе в посольствах справимся. Деньги-то есть, – спросил он и сам же ответил, – откуда они у тебя? А что это у тебя на пальце? – Он потянул руку к моему перстню и прочитал надпись. – Знатная вещица, стоит дорого. Могу взять ее в обеспечение заёма, пока расплатиться не сможешь. И бумагу тебе официальную выпишем, чтобы, значит, все по-честному было. Меня Симеоном кличут. Пойдем, пристрою тебя куда-нибудь.

Я снял печатку и пошел за моим благодетелем. Мне принесли какие-то штаны, рубаху, шапку, старенький полушубок и лапти с онучами.

С онучами, это как портянки, я управился быстро, как будто все время их носил, чем удивил даже Симеона. А чего удивляться? Служил в армии, был солдатом, а кто из солдат не носил сапоги с портянками? То-то. Лапти привязал

веревочками, ногами притопнул, нормально. Одел полушубок, шапку и тогу с сандалиями взял в руки. Как-никак, а это мой единственный документ. Андрей Васильевич Северцев, римский гражданин Октавий Май Брут, а кто я сейчас? Андре Норман, латинянин. Турист.

Туристов в то время не было. Были разведчики и соглядатаи, которые ездили по разным странам, делали записи, изучали местные языки и обычаи, рисовали карты, дороги, смотрели, как ведут хозяйство. По прибытии домой они писали книгу о своем путешествии, и эта книга оказывалась в библиотеке правителя, изучалась начальником генерального штаба и его сотрудниками, чтобы прикинуть, каков он сосед по военной силе, то ли ждать от него нападения, то ли самим напасть на него.

Кроме того, времена тогда были жестокие. О гуманизме там ничего не слышали и все дела решали силой, выколачивая из подозрительных людей все, что хотели узнать. Как у нас сейчас сегодня. Заметут, пыткам подвергнут, осудят и в тюрьму посадят, если жив останешься.

На улице была зима. Симеон посадил меня в кошевку, и мы поехали по вечерней Москве в кромешной темноте, ориентируясь на немногие огоньки, светившие в молчаливых домах. Около одного дома остановились, привязали лошадь к скобе. Симеон стал стучать ручкой кнута по ставне.

– Кто там? – раздался женский голос.

– Это я, Симеон, – сказал мой провожатый, – принимай,

Дарья, постояльца.

Через какое-то время открылась калитка, и мы вошли во двор, а потом и в избу, следуя за женщиной с огарком сальной свечи, о чем я догадался по характерному запаху.

– Вот, Дарья, жилец к тебе, – сказал Симеон, – по-нашему ни бельмеса не понимает, из богатеньких, ограбили его. Деньги на кормление буду давать, потом он оплатит наши расходы. Человек он чужой, на всякий случай детей держи поблизости, да и топор с собой в постель ложи.

Дарья кивнула головой и Симеон ушел.

Въедливый читатель сразу узрит, что топор кладут, а не ложат. К сожалению, народ того времени мало обращал на такие грамматические тонкости и вообще некоторые предметы называл не так, как мы их знаем.

Мы стояли с Дарьей друг против друга и молчали. Ей было не более тридцати лет. Ростика небольшого, лицо округлое, суровое, волосы длинные, светло-русые. Одетая она была в простую льняную рубашку.

– Иди, поешь, – сказала женщина и показала на стол, где под полотенцем лежала половина хлебного каравая с ножом. Она сбегала в хозяйственную часть, где была большая печь и принесла керамическую крынку, из которой что-то налила в керамический бокал. Керамика это по-сегодняшнему, а по-старому – глиняные горшки, то есть сделанные из глины горшечником и в огне обожженные.

Я отрезал кусок хлеба и отпил из бокала, думая, что это

молоко. Это оказался жиденский и кисленький квас, не шибко-то и сладкий, но дареному коню в зубы не кормят. Съев хлеб и выпив квас, я стал осматриваться в поисках кровати.

Дарья все это поняла и указала на лавку, жестами показав, чтобы я постелил свой полушубок.

– Эй, немчин, – сказала Дарья и поманила меня пальцем, выведя из горницы, – там будешь опорожняться.

Я кивнул головой в знак согласия.

– Надо же, – удивилась женщина, – нерусь, а человеческие слова понимает.

Ни Симеон, ни Дарья ничего не сказали по поводу того, что я автоматически перекрестился на красный угол в горнице. Как бабушка в детстве учила, так и пошло по жизни.

Я расстелил полушубок на лавке, шапку под голову, лег и провалился в глубокий сон.

Дарья

Проснулся я рано от звуков, которые доносились из хозяйственного закутка в горнице. Дарья вовсю хлопотала у печи, освещаемая всполохами огня в печи. Пахло свежим хлебом.

– А вставайте, сударь, – певуче произнесла хозяйка, – утренничать будем.

Горница была очень похожа на горницу в доме бабушки. С обратной стороны печи должен быть голбец, где привешивался рукомойник и полотенце для утирания.

Так оно и было. Я умылся, сбегал во двор по нужде и был готов к приему пищи.

На завтрак был кусок хлеба и кружка парного козьего молока. Никогда не пил козье молоко, потом разобрался, что это такое, когда мой желудок не справился жирным молочным продуктом.

У Дарьи было двое детей погодок – Сашка и Машка, которые, насупившись, смотрели на незнакомого дядьку, сидящего за столом.

Надо было чем-то заниматься, не должен же мужик сиднем сидеть на лавке, да вот только по легенде я человек не умеющий разговаривать по-русски, следовательно, ничего не понимаю, но ведь как-то нужно выживать в России. А Россия – это не Рим древних времен, где можно лежать под финиковой пальмой и ждать, когда дуновение ветерка

сбросит тебе в рот несколько фиников. Россия – это Россия. Да и светиться мне раньше времени не с руки.

К вечеру приехал Симеон. Привез кое-какую одежду, продукты на прокорм. Спросил, чем я думаю заниматься, пока ходят письма в посольства заморские с запросом, не терялся ли у них путешественник по имени Андре и по фамилии Норман.

Симеон мне казался человеком достаточно современным и верящим в здравый смысл, а не во всякие установления лиц духовного звания.

– Симеон, – начал я свою речь на латыни, – постарайся не удивляться и поверить в то, что я тебе говорю. Ты можешь поверить в то, что любой человек может исчезнуть с места жительства и появиться где-нибудь в другом месте лет через двести?

– Трудно в это поверить, – сказал степенно толмач, поглаживая свою бородку, – но вот об исчезновении людей я слышал немало. Был человек, а на следующий день исчез. Кого-то люди лихие прибили и прикопали в укромном месте, но таких всегда находят потом. А о некоторых ни слуха, ни духа. На моей памяти откуда-то двое появились в странных костюмах, и что-то все говорили, что они из двадцатого века и что братки за них отомстят. Так они прямо во время пыток исчезли, как будто и не бывало их. Вещи, что у них были, по приказу батюшки сожжены были, а что из металла, так молотом расплющены и в огне сожжены. А ты к чему этот

разговор завел? – спросил он, подозрительно прищурившись на меня.

– Ты перстень мой рассматривал? – спросил я Симеона. – Видел, что на нем написано и что там за изображение на печатке? И еще скажи, сильно мой латинский язык отличается от языка италийского? А одежда моя тебе когда-нибудь встречалась?

– Ну, видел, – сказал Симеон, – язык у тебя намного понятнее, чем у италийцев. Перстней я таких не видел, но тяжелый он и стоит дорого. Если его продать, то целый год жить можно. Одежа не встречалась, но когда я был молодым учеником, то учили мы латынь и видел я старинные рисунки от древнего Рима и люди там такую же одежду носили. И ты..., – он быстро перекрестился и закрыл рот рукой.

– Да, и я оттуда же, – быстро сказал я, понимая, что раз уж взялся удивлять человека, то дивить его нужно мощно, чтобы он никуда не делся. – Ты знаешь, как убили апостола Петра?

Симеон кивнул и шепотом сказал:

– Распяли его, головой вниз.

– Я это сам видел, – подтвердил я, – и сюда я прибыл, чтобы разобраться, за что убили двух наших человек, подвергнув их жестоким пыткам. Ты мне не веришь, так я тебе докажу свою правоту и сейчас буду говорить с тобой на твоём же языке.

Я видел широко открытые глаза Симеона, который, похо-

же, уже был не рад тому, что связался с помощью неизвестному человеку, но как говорится – назвался груздем, полезай в кузов.

– Не удивляйся, – сказал я ему по-русски, – никакой здесь чертовщины или нечистой силы нет. Я тебе как-нибудь расскажу то, что нам известно о верованиях наших предков и о Христе, которому мы все вместе поклоняемся.

Я встал и перекрестился на иконку Спаса в углу горницы. Симеон тоже встал рядом и перекрестился со мной.

Посмотрел на меня и сказал:

– Вижу, что православный, шепотью крестишься. А у нас раскольники речи смутные ведут, мол, шепоть есть кукиш, раздвинь пальцы, большой сунь меж ними. А еще говорят, что Иуда соль брал шепотью и, мол, только иуды шепотью крестятся.

– Было бы у них ума поболее, то не говорили бы так, – сказал я, – главное не в том, как ты крестишься, а как ты в Бога веруешь. Вон, католики двуперстием крестятся, а вот разделались же на католиков и протестантов и еще воюют между собой. Давай думать, как мне на улице показываться. Зови меня Андрей, прозвищем Северцев. Пусть буду я твоим свойственником, который в годы молодые запропал, ушел в земли чужие мир посмотреть и вот сейчас объявился. Буду тебе бумаги переписывать, грамоте обучен, язык латинский знаю, другим языкам учиться буду, потом еще что-нибудь придумаем для прославления Руси во всем мире. Как?

– А давай, – и Симеон с размаху хлопнул по моей руке.

Дарья с детьми испуганно смотрела на нас из хозяйственного закутка.

– Поняла, Дашка? – сказал ей Симеон. – Свойственник это мой, Андрюха, вчерась по темени-то и не признал его. Завтра обрядим его и к делу определим. Ну, бывайте, – и он ушел.

Я все равно опасался, что завтра он придет со стражниками, и поведут меня в пыточную, чтобы прознать всё про меня и кто меня сюда послал. И деваться мне некуда. Куда бежать на зиму глядя, в дикие леса, что ли? А в лесах волков полно да люду разбойного.

Вакансия

Мои опасения были небеспочвенны. В стране существовал государственный сыск, выискивающий супротивников Великого князя-царя. К супротивникам относились в основном добропорядочные граждане и знатные люди, а также разбойники, промышлявшие на больших и малых дорогах.

Был церковный сыск, занимавшийся поиском тех, кто говорит речи крамольные о Боге и князе, а также поведением своим, речами и делами смущает добропорядочных граждан. Говорят, что на Руси не было инквизиции. Была и никуда не делась до сегодняшнего дня, обеспечив отставание России по всем направлениям от более или менее развитых стран мира.

Ну, и главной движущей силой всего сыска был воспитанный церковью и властью народ, готовый выслужиться перед ними и сдающий своих соседей и друзей, усмотрев в их жизни что-то противное им, а, значит, супротивное власти и церкви.

Жизнь была как на зоне: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация. В то время и Запад жил по таким же канонам, но там шла Реформация, когда на смену мракобесию приходил здравый смысл и понимание пользы всех открытий для мощи государства. Эх, России бы руководителей чуть-чуть умнее, и была бы наша страна пер-

вой в мире по всем показателям, и народ бы наш жил безбедно, каждым своим шагом приумножая богатства страны.

Если так разобраться, то реформы, свет науки и многие изобретения в мир принесли питомцы и служители церкви. А что принесла в наш мир наша матушка-Россия?

Я специально не говорю, в каком времени я нахожусь, но уточню, что это было до Великой Смуты. А это до 1600 года от Рождества Христова.

Письменность на Руси появилась не раньше 988 года с введением христианства и принесена монахами Кириллом и Методием, создавшими кириллицу. Где-то создавали университеты, а где-то только-только учились писать и читать, хотя некоторые исследователи говорили, что славяне пользовались чертами и резами на деревьях, но свидетельств этому не было. И первое письменное литературное произведение «Слово о полку Игореве» появилось не раньше 1185 года. И художник известный Рублев Андрей работал активно в период с 1400 по 1428 год.

Кембриджский университет был основан в 1209 году, а Оксфордский университет еще раньше, в 1096—1127 годах. Болонский университет в Италии был создан в 1088 году. Университет в Монпелье во Франции в 1220 году. И только в 1724 году был издан царский указ об учреждении Российской Академии наук, Петербургского университета и гимназии. Московский университет был организован в 1754 году. Получается, что Россия почти на семьсот лет

отстала от Европы в развитии науки. И все ее развитие отсчитывается от середины восемнадцатого века.

Если сказать объективно, то Россия начала развиваться одновременно с США. Как два бегуна, которые начали бег с низкого старта. Плохой танцор всегда начинает плакаться, что у него большие яйца, и он не мог станцевать так, как бы мог. Поэтому все объяснения причин катастрофического отставания России от Америки не принимаются. У нас даже сейчас, в 2011 году есть возможности для рывка, но кто его будет делать, и кому он нужен? В России еще нет руководителя, который бы пекся об интересах страны и о ее будущем.

Какие достижения России еще можно назвать? Порох и бумагу мы не изобретали как китайцы.

В 60—70-е годы того, девятнадцатого, века химик Менделеев открыл периодическую таблицу химических элементов. Математик Лобачевский создал теорию неевклидовой геометрии. Физик Якоби сконструировал несколько электродвигателей. Электротехник Петров открыл явление светового и теплового действия электричества – вольтову дугу. Инженер Шиллинг создал записывающий электромагнитный телеграф. Инженер-металлург Амосов разработал способ получения булатной стали. Биолог Павлов изучил первую сигнальную систему.

В области физики Яблочков изобрел дуговую лампу, «свечу Яблочкова». Лодыгин создал лампу накаливания, Попов изобрел радиоприемник. Можайский построил паровой ле-

тательный аппарат.

Вот, пожалуй, и все до пролетарской революции 1917 года. Конечно, были еще технические и научные достижения, но они не вошли в сокровищницу мировых достижений и не были внедрены в России в широкое пользование, как это было сделано на Западе.

После 1917 года власть гегемонов здорово потрудились, чтобы окончательно уничтожить возможные приоритеты России в мировой науке и особенно наметившиеся у нас прорывы в генетике, кибернетике и ракетно-космической отрасли.

Так что, я находился в условиях дикого общества, где любое нововведение или новшество было заморской вещицей, а человек технический и творческий подвергался нездоровому вниманию со всех сторон.

Дарья с опаской глядела на меня и старалась близко не подходить, зато с детьми у нас установился полный контакт. Дети они более проницательны и хороших людей чувствуют, хотя эти хорошие люди часто обманывают детей.

Я нарубил дров и хвороста для печи, прикинул, что запасы дров на исходе, нужно либо покупать, либо самим ехать на заготовку, а как это делается, я не знал, нужно будет уточнить.

Еда была непритязательная. В основном она состояла из молока, кваса, капусты, редьки, репы, хлеба, мучных затирок, типа толокна, сушеной или вяленой свеклы, лука, чес-

нока, масла животного, солонины. Мясо было в редкость, особенно в бедных семьях. И русские люди тогда были поджарые и способные на любую работу для того, чтобы прокормиться.

Симеон приехал поздно вечером.

– Привез тебе одежду и бумаги для переписывания, – сказал он, – сейчас проверю, как пишешь, и поговорим о делах будущих.

Проверку на письмо я выдержал, но получил замечание по поводу грамотности из-за пропусков буквы Ъ. Мой почерк понравился, и новый друг мой обещал, что я быстро продвинусь на службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.